

ВТОРОЕ СЧАСТЬЕ

ИГОРЬ ЧЕРЕМИС

МИР
СОВКОВОГО
ПЕРИОДА

Вторая серия приключений попаданца в свое собственное восемнадцатилетнее тело. Он почти обжился в 1984 году, хотя и не придумал, как изменить историю, чтобы она пошла в нужном направлении. Но ему не дают подумать — вместо спасения человечества он вынужден спасти себя.

Глава 1. Супермен из будущего

— Котенок, а ты не видел мои носки?

— Не называй меня так!

— А как надо?

— По имени!

— У тебя имя неудобное... приходится всё время использовать полную форму. Алка — как будто ты спирт? Или бесполое Ал? Могу, как бабушка — называть Аленькой, но ты сама же на это злишься, — я заработал очень неприятный взгляд, но остановиться не мог. — Вместо котёнка можно называть тебя зайчишкой...

— Убью!

— Солнышком, золотцем... или бегемотиком!

— Беге... Я тебя точно убью! Почему бегемот? Я не толстая!

Я торопливо отошел на пару шагов от разъяренной фурии.

— Не бегемотом, а бегемотиком. И это не из-за фигуры, это из-за анекдота.

— Какого, блин, анекдота?

— Ну как же... не знаешь? Маленький бегемотик ищет любви, заботы, ласки, понимания и чего-нибудь пожрать. Вот и был такой... хм... бегемотик. Маленький, забавный и вечно голодный. Недавно в «Клубе путешествий» показывали.

— Я не вечно голодная! — Алла была само возмущение.

Честно говоря, с едой у Аллы были очень странные отношения, я таких никогда в своей длинной жизни не встречал. Она ела всё, но клевала буквально как птичка, и, например, та пара бутербродов, которыми я её подкормил во время сейшена, сошли для неё за роскошный обед из нескольких блюд с непременно компотом. Но полностью удобство совместного быта с ней я почувствовал в Анапе — при посещении различных кафе мне, как правило, доставались полуторная порция, поскольку свою Алла не осиливала. Правда, она могла есть очень часто, что для меня, привыкшего к трехразовому — по понедельникам, средам и пятницам — питанию, было чем-то удивительным. И со стороны такой подход к еде мог создать у человека постороннее ощущение, что он имеет дело с вечно голодной девушкой. Это было не так, Алла вполне нормально переносила длинные перерывы между приемами пищи, но это в том чрезвычайном случае, если под рукой не было, чем перекусить.

— Как скажешь... но по мне так — вечно, — я улыбнулся, подошел к ней и обнял. — Будешь Аллой, договорились. И иногда бегемотиком, но не вечно голодным, просто бегемотиком. Так где носки?

— Я их в грязное кинула, возьми чистые, — она обиженно засопела мне в плечо.

То, что в голове у Аллы бродит идея моего переезда к ней, я понял ещё в Анапе. Она пару раз пыталась начать какой-то разговор, обрывала себя, делала вид, что не хотела сказать ничего важного, но по обмолвкам было видно, что речь пойдет о том, чтобы начать жить вместе. Это был серьезный шаг для нас обоих, и я долго думал, как реагировать, когда она всё-таки скажет о своем желании.

Решилась она уже в поезде, где-то на подъезде к Москве, но нам хватило времени, чтобы обсудить все подводные камни её великого плана. В первую очередь, конечно, меня волновала реакция Елизаветы Петровны на нового жильца — но тут Алла была убеждена.

что никакого отказа от бабули я не дождусь. В принципе, той я действительно, кажется, понравился — раз уж она отпустила внучку со мной черт-те куда, ну и никто не мешал нам с вокзала поехать и спросить прямо — можно или нет.

Мы так и сделали.

И получили недвусмысленное «да» на свой робкий вопрос, заданный в унисон. Наверное, такое развитие ситуации целиком и полностью отвечало стремлению Елизаветы Петровны выдать Аллу замуж, уж не знаю, зачем ей это было нужно. Но, возможно, у неё имелись и другие резоны согласиться на моё присутствие в доме.

Конечно, у Аллы ещё имелся и папа, про которого я вообще ничего не знал, но его визит ожидался где-то осенью — судя по публикациям в прессе о сроках сдачи Байкало-Амурской магистрали, — и он был проблемой не сегодняшнего дня. И была заграничная тётя Люба, про которую я тоже был не особо в курсе, но той сам бог велел быть на стороне племянницы и потакать её желанию завести домашнюю зверушку мужского пола.

Возможно, были ещё какие-то родственники, но я сомневался, что у них могло быть право голоса в этом вопросе.

Вот так я стал третьим жильцом квартиры на Новоалексеевской, которая была меньше по метражу, чем моя двушка в Новой Москве — за счет небольшой прихожей и крошечной кухни, где, конечно, могли собраться вместе и три человека, и даже четыре, но с определенными неудобствами. Впрочем, именно там мы праздновали день рождения Елизаветы Петровны, и нам было, в принципе, даже уютно.

Две маленькие комнаты в квартире занимали Алла и бабушка. Комнату бабушки я видел мельком через приоткрытую дверь, и на большее моей наглости не хватило. Да и что я собирался рассматривать? Там по определению не могло быть ничего, ради чего мне нужно было нарушать границы приватности Елизаветы Петровны.

Свою комнату Алла мне показала, но без подробностей, которых, впрочем, и было не очень много — тут царил минимализм в советском стиле. Кровать-полуполторка, письменный стол с памятным мне по школьной поре лампой-грибком и несколько полок с книжками — в основном, учебного плана. Ещё имелся двухстворчатый шкаф с разнообразными нарядами и комод с бельем, но с их содержимым Алла меня не ознакомила, а сам я туда заглядывать не собирался — как минимум, до получения недвусмысленного поручения от девушки.

Меня же поселили в большой комнате, к которой нужно было идти мимо стеллажей с библиотекой. В этой комнате обитал отец Аллы во время своих визитов в родные пенаты; она была чем-то средним между кабинетом, спальней и была приспособлена для конструкторской работы. Тут имелся небольшой закрытый стеллаж с ещё одной библиотекой, в которой были собраны книги по строительству дорог и смежным отраслям науки и техники. Мне бросилась в глаза загадочная «Теория трактора» тысяча девятьсот тридцать лохматого года издания. Я даже потянулся, чтобы достать её и выяснить, какие теории мог выдвигать трактор в те непростые времена, но одернул себя. Большевики под всё подводили теоретическую базу, и вряд ли тракторостроение тридцатых, которое тогда было очень сложно отличить от танкостроения, избежало общей участи.

Все остальные книги были под стать этой — справочники, пособия, монографии, посвященные материалам, их сопротивлению и взаимодействию между собой и с агрессивными средами. Что-то было мне знакомо по старой жизни — тот же сопромат проходили и мы, но в усеченном, семестровом виде. Что-то я видел впервые в жизни — и

совершенно не горел желанием погружаться в новые для себя области знаний.

А между двумя окнами стоял огромный кульман. К нему кнопками был прилеплен лист ватмана формата А0 с какой-то страшной даже на вид деталью в разрезе. Чертеж был не закончен, хотя все поля и основная надпись были прорисованы — правда, название детали отсутствовало. Чертил отец Аллы, видимо, сам — и делал всё очень тщательно и качественно. Мне до такого совершенства было как до Китая раком.

В прошлой жизни на первом курсе я не научился делать линии разной толщины, за что схлопотал «четверку» на экзамене по черчению — и то лишь потому, что прилежно выполнял безумные домашние задания на протяжении всего семестра и знал слово «аксонометрия». На этот раз я собирался получить нормальную оценку не только за красивые глаза — ведь теперь я знал секрет счастливой жизни чертежника, который был очень прост, и непонятно, почему нам его никто не открыл прямо на первом занятии. Нужно было всего лишь пользоваться двумя разными карандашами — твердым для тонких линий и помягче для толстых. Мы же в своем дурачестве всюду использовали один и тот же твердый «Конструктор», хотя у отдельных везунчиков были чешские Koh-i-Noor. Я эти тонкости узнал уже на пятом курсе, перед самой защитой диплома, и не смог применить по назначению — да и вряд ли кто на моём месте смог перерисовать десяток плакатов за пятнадцать минут. Ну а после защиты и получения диплома я и черчение существовали в параллельных вселенных.

Рядом с кульманом стоял небольшой столик — на нём в изобилии были разбросаны всякие карандаши, от знакомых мне желтых «кохиноров» до немецких, судя по коробке, серо-черных «Faber Castell». Они были разной твердости, их было очень много, и использовались они активно — многие карандаши пребывали в виде остро заточенных огрызков. Ещё была баночка с тушью и стаканчик с чернильными ручками с разными перьями, было множество угольников и парочка транспортиров, чертежный набор в бархатном футляре и хорошо потертая от частого использования логарифмическая линейка.

Честно говоря, я позавидовал такому богатству. Для инженера-конструктора это было сродни какому-нибудь фирменному набору инструментов для слесарей-ремонтников в автосервисе. Стоил дорого, но себя оправдывал. Я поймал себя на мысли стащить пару немецких карандашей и подарить их преподу по черчению — за такой подгон он мог поставить мне зачет без утомительного рисования сложной детали в трех проекциях. Если, конечно, этот «фабер» и в самом деле что-то фирменное и крутое. [1]

Спал отец на диване-книжке с пестрой обивкой, который сейчас перешел в моё распоряжение. Вернее, не совсем в моё — Алла сразу начала готовить постель на двоих с явным намерением в первую же ночь перебраться ко мне под бочок. Что на эту тему думала бабушка, я не знал — да и не горел желанием обсуждать с Елизаветой Петровной такие деликатные вопросы.

Вещей у меня и так было мало, а то немногое, что имело первоочередное значение для моего существования, ездило со мной на юг. Конечно, потом я собирался совершить вояж в общагу и забрать оставшееся, но прямо сейчас мог обойтись и тем, что есть. Ещё я не брал в поездку всякие учебники и тетрадки — но тут мне на первых порах поможет Казах, которому в понедельник предстояло тащиться в институт с двойной нагрузкой. Правда, я оставался без домашнего задания, но тут уже ничего не попишешь. Не на чем, не по чему и вообще лениво.

Мне от щедрот выделили одну полку в длинном гарнитуре, и её хватило для всех моих

пожитков. Для учебы имелся массивный дубовый стол с покрытой зеленым сукном столешницей — но это на будущее; пока что Алла всего лишь свалила скучные документы отца с множеством виз и согласований в один из многочисленных ящиков.

В целом, я понимал, что это место вряд ли превратится для меня в полноценный дом — может, через какое-то, очень продолжительное время, но точно не сегодня. Пока что я чувствовал себя тут даже не как в общежитии, навыки жизни в которой вспомнил достаточно быстро, а как в гостинице. Даже в анапской квартире Самвела мне было много уютнее.

Так что вечер субботы я встретил в условно своей комнате, которой предстояло стать нашим с Аллой семейным гнездышком, и выяснял судьбу своих носков, испытывая что-то вроде дежа вю. Я уже проходил через всё это, и делал это не раз и не два. И точно знал, что теперь мои отношения с Аллой перешли в новую фазу — после такого шага мы либо заживем дружно и счастливо, либо разругаемся насмерть через какое-то время и расстанемся врагами. Были в моей жизни и такие случаи.

Я с легкой тоской вспомнил, как буквально через год — просто в другой версии истории — стал жить со своей будущей первой женой. Мы с ней познакомились в конце моего второго курса, у нас случился бурный улично-парковый роман, после которого она позвала меня пожить у неё — родители были в отпуске, и квартира стояла свободной. Я не возражал, поскольку тогда вообще мало думал о последствиях. Пару недель мы весело проводили время в роскошных апартаментах — та квартира находилась в сталинском доме и была не четой жильём семьи Аллы, а потом, как обычно, очень неожиданно и внезапно, вернулись родители, которые обнаружили рядом с собственной дочерью потенциального зятя и не очень обрадовались этому факту. Правда, меня не выгнали и даже не слишком ругали, но, поскольку внеплановый визит к врачу показал, что надо торопиться, если мы не собираемся плодить бастардов, заставили думать в сторону ЗАГСа. Бастарды в их среде были моветоном.

Конечно, с Аллой всё было чуть иначе. Я подозревал, что мы с ней можем думать хоть о ЗАГСе, хоть о детях — и не только думать, но и предпринимать какие-то действия в этих направлениях, — а Елизавета Петровна лишь покивает седой головой и примет всё, что мы сможем нагородить. До переезда я был уверен, что в любой момент смогу порвать эту связь и выбросить Аллу из своей жизни, особенно если мы не перейдем к настоящему сексу. Но вечерние посиделки в первый же день сделали такое свинство с моей стороны попросту невозможным, поскольку у меня оставались определенные понятия чести и какие-то зачатки совести, причем я подозревал, что их мне подсадили вместе с молодым телом. В более зрелом возрасте я от этих рудиментов советского времени избавился напрочь.

А вывод о невозможности побега я сделал после просмотра семейных портретов, которые в очередной раз напомнили мне, что я знаю будущее и что с этим знанием нужно что-то делать.

Просмотр фотоальбомов — чуть ли не первое испытание, которому подвергают тех, кто потенциально может стать новым членом семьи. Занимается этим обычно старшее поколение, которое находит данную процедуру очень забавной — возможно, это своего рода месть за годы унижений, которым подвергают родителей и бабушек с дедушками подрастающие детки. Отсюда все эти детсадовские зайчики и снежинки, отсюда же странное голопопое создание, в котором можно узнать свою избранницу или избранника

только с очень большим трудом и по косвенным признакам.

Бабушка Аллы исключением не была и в первый же вечер притащила в условно нашу с Аллой комнату большую толстую книгу в синем бархатном переплете. Сложно, сказать, сколько лет было этому бархату, но он славно послужил этой семье, скрывая под собой архив фотографических карточек совершенно незнакомых мне людей, которые после объяснений оказывались предками Аллы с отцовской линии; разумеется, я тут же забывал и их имена, и степень родства, и даже то, живы они на данный момент или уже отошли в мир иной.

Но на изображения моей — уже можно сказать и так — невесты в самом нежном возрасте я смотрел с некоторым любопытством. Конечно, меня не слишком привлекали замечания Елизаветы Петровны, которые, откровенно говоря, были на грани фола. «Посмотри, Егор, как забавно она села в лужу, это она в годик», «А это она только что очень мило обкакалась» — и всё это под не менее забавное и милое возмущение виновницы торжества. Просто по детским фотографиям матери легче всего представить, каким получится наш ребенок, если он надумает родиться мальчиком. Девочки чаще всего шли в отцов, но до своих дошкольных фотографий я смогу добраться только летом, на родине. В Москву я их, конечно, не привез.

Было в архиве и фото мамы Аллы — они были немного похожими с дочерью, но это из-за одинаковых форм глаз и бровей — самых характерных частей любого лица — и слегка русых волос. Один из снимков, похоже, был сделан незадолго до её смерти — женщина сильно осунулась, опиралась на трость, и было видно, что стоять ей тяжело.

— Этот мы на юге, когда в санаторий ездили, — пояснила Алла, заметив мой интерес к этой фотографии. — Мама тогда уже с трудом ходила, но таскалась со мной всюду... а я не понимала, что ли? Мне и на экскурсии хотелось, и на пляж, и в кафе посидеть... Я дура?

— Нет, не дура. Это другое... тебе сколько тогда было? Лет пятнадцать?

— Почти четырнадцать, огромная уже кобыла была.

— Да какая огромная, ты и сейчас не крупная, — я улыбнулся в ответ на возмущенный писк. — Ты подростком была, подростки редко на чужие проблемы внимание обращают, им бы со своими разобраться, которые самые сложные и неразрешимые. Так что всё нормально. Думаю, твоя мама это понимала. Да и если бы ей совсем тяжело было, она бы сказала. Ты на неё похожа очень.

Алла немного приободрилась.

— Я ей тоже так говорю, но она не верит, — включилась Елизавета Петровна.

— Слушайся бабушку, Ал, она права. Действительно похожи.

— Надеюсь, — засмушалась Алла. — Но по мне — я на неё совсем не похожа... нос картошкой... ненавижу его!

Я секунду поразмыслил, но решил пока не говорить, что нос у неё как раз от мамы. И просто промолчал. Так меньше шансов нарваться на что-то неприятное. Женщины и их внешность были очень опасной темой.

А потом очередь дошла и до папы. Правда, большинство его фото были сделаны давно — когда дочь была маленькой, а жена — здоровой. Мне понравилась одна — трехлетняя, судя отметке на обороте, Алла с отцом и матерью были застигнуты неизвестным фотографом на каком-то пикнике среди редких березок. Девочка в «мухоморном» сарафанчике и такой же панамке смотрела куда-то в сторону, а её родители улыбались в объектив и стояли с приветливо поднятыми руками. Жаль, что фотография была мутноватой

и с коричневым подтеком — такое случалось, если плохо смыть закрепитель. Впрочем, и по этому снимку я понял, что губы у Аллы как раз отцовы.

И лишь в самом конце мне показали совместную фотографию родителей Аллы, сделанную примерно в одно время с тем снимком, где её мама была одна. Муж смотрел на подурневшую жену с любовью и обожанием — это было хорошо заметно, и мне такое отношение понравилось. А я смотрел на него — и не мог отделаться от мысли, что я его знаю по своему будущему, и это знание не из приятных. Но сразу вспомнить ничего не смог — лишь перебирал другие фотографии и поддерживал беседу.

На возвращение воспоминаний о том, чего ещё не было, ушло несколько минут, и когда они оказались в моей голове, я с огромным трудом смог заставить себя остаться сидеть на месте.

Это было где-то в конце девяностых, точную дату я если и знал, то надёжно забыл. Какой-то город в Сибири — кажется, как раз на Байкало-Амурской магистрали, очень важный для каких-то международных дел. И мэр этого города, который, наверное, искренне переживал, что все блага, которые жители этого медвежьего угла получали при кровавом совке, закончились с приходом рынка.

В городе был большой комбинат по производству чего-то ценного и редкоземельного; по обычаю девяностых, его приватизировали, а потом он оказался в руках одного из новых олигархов — не Ходорковского, я был уверен, что уж эту подробность запомнил бы. Комбинат продолжал генерировать большие деньги, только в город они не попадали, и когда мэр начал этим возмущаться, его просто послали. Но он оказался неугомонным и шумным, пошел не совсем туда, куда послали, а выше. Когда послали и там — ещё выше.

Где-то на уровне области хозяева комбината решили, что беспокойство выходит дороже цены одного патрона. Но тот олигарх то ли пожалел денег на патроны, то ли доверил щекотливую миссию не тем людям, а его подручные проявили ненужную в таких делах инициативу. Мэра и его жену вывезли на глухую заимку в тайгу, где они умирали страшно и долго, и двое их сыновей-школьников остались сиротами.

В новостях убийство мэра освещалось скупое, а вот последующие разборки во властных структурах — очень широко. Я не знал тогда и не знаю сейчас, почему самое высшее начальство этой страны так заинтересовались той историей. Кто-то из моих коллег был уверен, что дело было в жене — если бы её не тронули, расследование спустили на тормозах. Возможно, нашли бы того, кто нанес смертельный удар — но наверняка скончавшимся от тяжелых душевных переживаний и трех пуль в сердце. Но замученная жена стала своего рода триггером — от следствия потребовали конкретных виновников, причем по всей цепочке, от исполнителей до заказчиков.

Комбинат у того олигарха отобрали и отдали другому, который, скорее всего, был ничуть не лучше — только что жён своих противников не пытал. Кого-то посадили на серьезные сроки — чуть ли не пожизненно, потому что смертную казнь тогда уже отменили. Сам олигарх экстренно эвакуировался на историческую родину, где назвал себя борцом с режимом и стал спонсировать различных протестунов левого толка, которые ничем не отличались от правых, только были тупее.

К концу своей первой жизни я почти забыл те разборки во глубине сибирских руд — это был не самый значительный эпизод новейшей истории моей родины, который меня напрямую не касался. Но зрительная память у меня всегда была хорошая, фотографий тогда

публиковалось много, а отец Аллы почти не постарел за следующие пятнадцать лет — видимо, весь лимит горя он потратил на первую жену и единственную дочь.

Я подумал, что без моего провала в прошлое у этой семьи была бы очень непростая жизнь. Мать скончалась от рака, а дочь погибла по пьянке в задрипанном общежитии; бабушка, наверное, вряд ли сумела пережить смерть внучки. Отца, который после всех этих трагедий пытался начать новую жизнь, убили в криминальных переделах через полтора десятка лет.

Оставалась тётя в Германии, и я очень надеялся, что ей хватило мозгов не возвращаться на такую негостеприимную родину и обосноваться в экономическом пространстве Европы. Правда, уже в двадцатые годы к русским там начали относиться не очень, но она могла за сорок лет и полностью онемечиться. Или умереть. Я так не узнал, сколько ей точно лет, а судя по фото, она родилась то ли во время, то ли сразу после войны.

Мне, конечно, было лестно оказаться в роли Супермена, который буквально вытащил этих людей из небытия. Я даже мельком подумал, что если бы мироздание закинуло меня лет на десять пораньше, я бы спас и маму Аллы, в срочном порядке придумав волшебную таблетку от рака. Но раз уж я туда опоздал, мне оставалось в меру сил заботиться об оставшихся членах этой семьи — ну и о своих собственных родителях, друзьях и хороших знакомых. И о себе, разумеется.

Одной из форм этих забот могло стать скорейшее приобретение как можно большего числа квадратных метров московской жилплощади. Эта трешка, которая со стороны выглядит настоящим богатством, на самом деле может стать яблоком раздора уже на уровне поколения Аллы. Дело в том, что в этом времени советские люди не особенно задавились вопросом, что откуда берется, но в будущем я сталкивался с самыми нелепыми ситуациями, корни которых росли как раз из семидесятых-восьмидесятых годов двадцатого века.

Лет семь назад по субъективному времени, после третьего и последнего в своей грешной жизни развода, я искал квартиру. И мне тогда попался очень любопытный вариант, у которого имелось штук пять собственников и весьма причудливое распределение долей. С каждым владельцем предполагалось общаться и договариваться отдельно от остальных, иначе они начинали ругаться между собой, забыв о покупателе. Разумные люди старались в подобные змеиные клубки не ввязываться — просто на всякий случай. Я тоже не полез, хотя цена, планировка и расположение самой квартиры меня полностью устраивали. Впрочем, низкая цена была следствием той самой конфигурации собственности, разобраться в которой без литра водки и пары адвокатов было невозможно.

Трешка, принадлежащая Елизавете Петровне — на коммунистическом новоязе она называлась ответственной квартиросъемщицей, поскольку жилплощадь была государственной, а приватизация начнется нескоро — пока что была единым целым. Но вот после смерти бабушки лицевой счет придется делить — папа Аллы и тётя Люба каждый имели право на половину жилплощади. Я прикинул, что если у папы появится новая жена и новые дети — а учитывая мои воспоминания, это был очень вероятный вариант, — а заграничная тётя тоже обзаведется потомством, то эта трешка превратится в тот самый проблемный вариант и станет головной болью для всех участников процесса. И не факт, что в каком-нибудь будущем кто-то из двоюродных или троюродных родственничков не решит уменьшить число интересантов самым радикальным способом. Это, кстати, не поможет, поскольку у тех могут оказаться другие наследники, зато окончательно запутает ситуацию и

сделает невозможной простую продажу.

[1] ну не прям чтоб круто-круто-круто, но хорошие карандаши.

Глава 2. Это не Простоквашино

От автора: забыл, как это работает. Исправляюсь))

— А зачем нам обязательно нужна отдельная квартира? Я не хочу оставлять бабулю одну, — спросила Алла.

Утром в воскресенье она потребовала у меня отчета о впечатлениях от проживания вместе с ней, и я постарался быть настолько честным, насколько это возможно, если не упоминать будущую приватизацию жилья и проблему собственности в среде любящих друг друга родственников. Не мог я говорить и про то, что из всего набора, который в это время символизировал советский достаток, неблагодарным потомкам осталась только недвижимость в виде квартир и частных домов? В Москве будущего она вообще стоила запредельных денег, в Подмосковье была чуть дешевле, в провинции... там по-разному, в зависимости от местоположения — в Норильске и Сочи квадратные метры очень отличались по цене и доступности. А всё остальное... над коврами и джинсами точно трястись не стоило.

Поэтому для начала я обратил внимание девушки на обычные бытовые проблемы, которые сопровождали превращение комфортабельной трехкомнатной квартиры в тривиальную коммуналку, и которые решались собственной жилплощадью.

— Никто и не говорит о том, что нам надо обязательно сразу съезжать, — ответил я. — Но представь, что твой папа вернется со своей стройки века, а тётя приедет в отпуск из Германии. Впятером мы тут уже никак не поместимся.

— Ой, да брось, — отмахнулась Алла. — Когда мама была жива, к нам иногда её родители приезжали, а тогда и папа тут жил, и тётя Люба. Помещались же, как-нибудь и теперь поместимся.

Вот это «как-нибудь поместимся» мне активно и не нравилось. Я хорошо помнил подобные визиты родственников к моим родителям, где гостей распахивали буквально на любую ровную и не занятую мебелью поверхность. И ладно бы такая суматоха устраивалась на одну ночь — к нам часто заезжали пожить на недельку или около того. Я и сам на абитуре месяц обитал в подмосковных Мытищах у какой-то родственницы в её коммунальной квартире, комфортно ночуя на полу.

— Будет очень тесно, начнутся неприятные взгляды в мою сторону, а я этого не люблю, — объяснение было так себе, но другого я не придумал. — К тому же своя квартира дает всякие возможности... — я провел пальцем по её животу, — которые нам сейчас недоступны.

Ночью нам пришлось спешно пересматривать программу нашей версии секса, поскольку звукоизоляция в квартире была никакой даже с закрытыми дверями, а Алла действительно была громкой девушкой. Ей, конечно же, не очень понравилось, но она признавала разумность этого шага. Исправить этот недостаток можно было легко — достаточно посетить хозяйственный магазин, купить там войлочное полотно и клей «Момент», что значительно снизит уровень шума, проникающего за пределы папиной комнаты. Тем не менее, определенную осторожность соблюдать было нужно даже после этого апгрейда. К тому же стены в доме были, кажется, получены по наследству от «хрущевок», так что наши концерты в любом случае могли слушать соседи, хотя и в приглушенном виде.

Я был убежден, что ограничения сексуальной жизни — прямой путь к разводу. Ну или к обычному расставанию, если мы с Аллой не успеем расписаться. Она, правда, была уверена, что я не прав.

— Разводятся совсем не из-за этого, нам на психологии рассказывали. Просто нужно уважать друг друга и всё рассказывать, ничего не скрывая.

Спорить мне было лень, поэтому я просто согласился, хотя и остался при своем мнении, подкрепленном практикой.

Квартира у родителей моей первой жены была просторной и удобной, но для меня она все годы пребывания там оставалась абсолютно чужой. И тесть с тещей делали всё, чтобы я не чувствовал себя там, как дома, причем отсутствие прописки было меньшей из моих бед — я всё ещё был действующим студентом, и за мной сохранялось койкоместо в общежитии. Ну а основной проблемой, как я понимал сейчас, был секс — вернее, то, что секса у нас с женой не было.

Поначалу это объяснялось недавними родами, что, в принципе, было нормально; но потом родители супруги полюбили громко ходить мимо двери нашей с ней комнаты в самый неподходящий момент. Ни о каком наслаждении, разумеется, речи и быть не могло — к тому же мы и сами были не очень опытными в плане удовлетворения потребностей друг друга. Через несколько лет мучений мы всё-таки развелись — к моему огорчению, поскольку мне нравилась та девушка и наш ребенок, но к радости её родителей, которые с ребенком смирились, но меня терпели с трудом.

— Бабуля и с ребенком поможет, если что, — Алла слегка покраснела. — Она у меня хорошая. К тому же и денег у нас нет...

С деньгами Алла была права, с характеристикой бабушки — тоже, но меня поразило, что идея ребенка, оказывается, не вызвала у неё никакого противодействия. Раньше мы как-то избегали разговоров на эту тему, но, видимо, она посчитала, что теперь мы перешли на нужный уровень близости.

Против детей я не возражал. В том будущем, которое я оставил в своём прошлом, у меня их было. Не все ценили старика-отца, не у всех сложилась жизнь, но что-то хорошее я успел вложить в каждого. И, в принципе, мне было интересно посмотреть, какие дети получатся у нас с Аллой. Все мои пацаны пошли в матерей, что меня по молодости невероятно раздражало. Но сейчас я относился к такому варианту значительно спокойнее.

Меня лишь бесило, что пророчество Жасыма про свадьбу осенью неотвратимо сбывалось. Придется ему тоже чего-нибудь наванговать, а потом подстроить так, чтобы всё сбылось.

В своем будущем я бы решил проблему своей конуры относительно легко и без излишних проблем — заплатил бы агенту, который подобрал бы приличные варианты съемного жилья. Конечно, и тогда наш рынок жилья был далек от гордого звания цивилизованного, но получить желаемое за разумный срок и вменяемые деньги было возможно. В СССР же это был квест не для слабонервных, с неясным результатом и за бешенные суммы.

Благодаря мультфильму про обитателей деревни Простоквашино у нескольких поколений советских людей сформировалось ложное представление о недвижимости. Но квартирный вопрос портил москвичей не только во времена Булгакова, накануне перестройки дела со столичными квадратными метрами обстояли так же хреново. Впрочем,

справедливости ради, с этим рынком сталкивались далеко не все жители огромной империи — например, мои личные воспоминания относились к более позднему периоду, когда этот вопрос стал для меня актуальным. Но образ пустого дома, в который абсолютно любой может заселиться абсолютно бесплатно, оказался настолько сильным, что буквально выжег в памяти всю остальную информацию по теме.

Во время первой беседы со своим благодетелем по имени Михаил Сергеевич я мельком вспомнил о студентах, которые снимали углы где-то у чёрта на куличках. Но меня мучили воспоминания не только о будущем, но и прошлом. И когда я восстановил в памяти всё, что знал про покупку и аренду жилья в СССР, у меня пару дней волосы стояли дыбом. Москве этого времени совсем не была похожа на мультяшное Простоквашино.

Съемное жильё в советских фильмах упоминалось, как правило, вскользь и без подробностей. Но уже студент Шурик отдавал бабуле-сторожу сорок полнокровных рублей за месяц обитания в одной из комнат её дома. Правда, с шестидесятых цены не выросли, старик оказался человеком щедрым, а мне удалось сохранить большую часть премии, которую он дал за перегон «двушки». К тому же после возвращения меня ждала стипендия в кассе института и перевод от родителей на почте, которые ещё нужно было забрать, но формально я был почти богачом — особенно по студенческим меркам. Почти четыреста рублей в 1984 году имели на руках далеко не все граждане СССР, но в приложении к жилью их хватило бы на съём какого-нибудь пенала в коммуналке, да и то примерно до Нового года.

Аренду отдельной квартиры я не тянул с любой стороны — платить по сотне и больше за месяц я мог совсем недолго; к тому же такие квартиры, похоже, были большой редкостью. Поэтому от идеи снимать жильё я отказался. Менять одну из комнат в квартире с родной бабушкой своей девушки на такую же комнату в квартире с посторонними людьми, наверное, не стоило. Бабушка хотя бы не выгонит нас на улицу за незнание каких-то неписаных правил, да ещё и подкормить сможет в случае нужды.

Оставалась только покупка собственного жилья. Рассчитывать на попадание в жилищный кооператив мы с Аллой не могли, но вот прикупить что-то на вторичке были способны. Самое привлекательное тут было то, что сейчас квартиры стоили чуть ли не дешевле автомобилей. Впрочем, и таких денег у нас сейчас не было.

Заработать деньги во все времена не было большой проблемой — вопрос стоял только в величине этих заработков. У студента возможностей, конечно, имелось поменьше, во всяком случае, официально, но какие-то варианты всегда присутствовали в поле зрения. Можно было пойти лаборантом на кафедру — если кафедра, конечно, была согласна на такое совмещение работы и учебы и у неё имелась свободная ставка; платили там какие-то крохи, но это было неплохой прибавкой к стипендии. У нас кто-то этой опцией даже пользовался, но на более старших курсах; нужно было иметь хорошие отношения с преподавателями и аспирантами, которые могли намекнуть на открывающуюся вакансию.

Ещё студентов брали на окрестные заводы — тоже на половину ставки и, как правило, на вечерние смены. Это было не такое расслабленное занятие, как у лаборантов, но ничего сложно там не было. Заработки тоже были так себе — для сдельщины студентам не хватало мастерства, а почасовая оплата немногим отличалась от подачки. Но, в принципе, это тоже могло помочь слегка увеличить стипендию, хотя и лишало привычных вечерних развлечений вроде преферанса или пива.

Летом студентов официально брали в стройотряды — и ходили слухи, что кто-то там неплохо зарабатывал. В первой жизни этой стороной учебы в институте я не интересовался, но на этот раз ничто не мешает мне хотя бы попробовать.

Многие бывшие студенты в радужные воспоминания о годах учебы включали разгрузку вагонов, где платили сразу и наличкой, без утомительного оформления различных документов. Но это было опасно — можно было доразгрузаться до проваленной сессии и отчисления, поскольку после ночи, проведенной наедине с вагоном угля, ни о каких лекциях речи быть не могло в принципе.

Иногда, для поддержки штанов, это допускалось — мы с Жасымом на втором курсе изредка ходили на станцию, до которой было удобно добираться от общаги; особенно это было актуально, если мы хорошо сливали очередную партию в преф парням с другого факультета. Но уже тогда нам было понятно, что грузчиками нам быть не суждено. Там требовалась особая сноровка и выносливость, а кантовать двухсотлитровые бочки, например, мы так и не научились.

У меня была ещё вялая надежда на продолжение взаимовыгодного сотрудничества с Михаилом Сергеевичем, но пока что встреча с ним откладывалась на неопределенный срок. Когда я позвонил ему, чтобы подтвердить визит в воскресенье, старик сослался на обстоятельства непреодолимой силы и пообещал перезвонить, когда обстановка прояснится. Я дал ему номер, чтобы он не искал меня через всяких там Врубелей, и на этом мы распрощались. Я — не очень довольный, а в каком настроении пребывал он — не знаю. Голос у него был сухой, он активно употреблял всякие казенные обороты, которыми я вполне насытился за время, проведенное в библиотеке, но привет Алле всё-таки передал и о здоровье девушки справился. Товарищ Смиртюков всё ещё оставался для меня загадкой.

Можно было и не особо заморачиваться собственными заработками, хотя приток новых дензнаков стоило обеспечить в любом случае. У меня с Аллой имелось в наличии старшее поколение, которое достигло определенных высот в советской иерархии и получало за свой труд нормальные деньги. Кажется, строителям БАМа зарплата шла с северной надбавкой, — и если у отца Аллы ещё не образовалась новая семья, он мог поучаствовать в обустройстве жизни единственной дочери и любимого зятя. Во всяком случае, я надеялся с ним подружиться — в нём был стержень, который он пронес через годы и бережно сохранил. Таких людей всегда лучше держать на своей стороне.

Кроме того, у меня были смутные воспоминания о том, что как раз в эти годы мои родители активно копили деньги, и к концу восьмидесятых у них на книжках лежали достаточно крупные суммы. Они крутили какие-то мутные для меня-тогдашнего схемы, чтобы увеличить своё благосостояние, ввязывались в сомнительные предприятия, но в итоге пролетели и с машиной, и с кооперативной квартирой, а в начале девяностых их сбережения превратились буквально в пыль.

Я не помнил, сколько денег они потеряли во время павловской реформы и при гайдаровском подорожании. Не помнил я и точных графиков их накоплений — меня никогда в эту кухню не посвящали. Именно в 1984-м у них могло ничего и не быть. Но, возможно, уже сейчас они имели столько сбережений, что хватит на небольшую однушку в столице.

Я помнил, что потеря с таким трудом скопленных денег сильно подкосила отца. Разумеется, он никогда не подавал виду, что это так, но с возрастом я всё отчетливее понимал, что он испытывал определенную вину именно передо мной и считал, что я остался

в Москве не из-за женитьбы и ребенка, а из-за его просчета с инвестициями. Мол, если бы они успели проверить свои схемы, то мы бы с моей москвичкой сразу поехали бы в наш уральский городок жить в новой квартире и кататься на новом «Москвиче-2140». Это, разумеется, было не так, но мы с отцом ни разу об этом откровенно не говорили.

Правда, я пока не знал, как обосновать родителям необходимость отдать мне всё, что они заработали своим трудом. Но в любом случае делать это я должен был лично, а не по телефону — междугородняя связь сейчас была не слишком надежной, на линии всегда висели операторы, а я как-то уже приноровился держать свои знания будущего при себе. То есть этот разговор откладывался до июля, когда я сдам сессию и повезу Аллу знакомиться с моей семьей. В том, что это произойдет, я не сомневался — если к тому времени у нас обоих сохранятся серьезные намерения.

— С деньгами, надеюсь, получится решить, хотя и не быстро, — я старательно обошел тему ребенка. — Во всяком случае, я буду очень стараться.

— Тебе тут всё-таки не нравится, — Алла надула губки, чтобы показать, что обиделась.

Но по её глазам было видно, что насчет моей нелюбви к совместному проживанию с бабушкой у неё уже сложилось определенное мнение. Мне оставалось только поддержать его.

— Ал, я в общежитии почти год прожил, — напомнил я. — А до этого долго обитал у родителей. А ещё до этого — у нас была комната в заводском общежитии, с душем и туалетом на этаже. И каждое лето я проводил у родственников в деревне, где мы с двумя двоюродными братьями спали вповалку на одной кровати, которая осталась от бабушки, а на соседней койке храпел дед. У меня обширный опыт совместного проживания с самыми разными людьми. И, возможно, именно поэтому я так хочу свою собственную квартиру, чтобы там всё было по-моему. Ну и ты можешь поучаствовать.

Я улыбнулся, чтобы немного сгладить впечатления от столь откровенного проявления маскулинной культуры. В будущем подобные финты могли привести к определенным проблемам — не в России, конечно, но во многих странах. Впрочем, Алла пока что была не в курсе про феминизм и многовековое доминирование цисгендерных самцов, поэтому мой пассаж был воспринят благосклонно.

— Да я понимаю... я сама всю жизнь тут и с кем-то. Даже когда... ну... отношения были... мы не съезжались, и я на ночь возвращалась сюда. И у Ирки в общежитии никогда одна не оставалась.

Я сделал вид, что не заметил её запинки. В конце концов, то, что было у неё раньше, меня не касалось. В наше время рассчитывать на двадцатилетнюю девственницу в качестве невесты могли лишь уроженцы отдельных республик нашего Союза и самых отсталых стран третьего мира. Поэтому я не рассматривал как какой-то приз, что мне повезло быть у Аллы первым. В конце концов, сейчас были другие, совершенно травоядные времена, где подобное иногда случалось.

Положа руку на сердце, жить у Аллы мне нравилось гораздо больше, чем в общежитии. Например, теперь мне не нужно было приглядывать за рационом себя любимого и двух здоровых и прожорливых оболтусов — эту функцию полностью взяла на себя Елизавета Петровна. Впрочем, когда я спросил, могу ли я пользоваться плитой, она совсем не возражала, хотя в этом времени мужчина на кухне был типичным персонажем кинокомедий или

карикатур. Но Алла ещё в Анапе подседа на мои завтраки и ясно дала понять, что не собирается от них отказываться — а я не особо и возражал. Мне нравилось её кормить.

По наследству от второй жены мне досталось множество рецептов домашнего фаст-фуда — он не требовал суперпродуктов и готовился достаточно быстро, чтобы не заморачиваться готовкой по утрам. Конечно, те же тосты по-французски, скорее всего, имели очень отдаленное отношение к Франции, но были вкусными и сытными. Про влияние этих блюд на округлости в талии я Аллу, конечно, предупредил, но девушки пока что не были слишком уж увлечены какими-либо диетами. Сейчас у студенток и студентов вообще было примерно одинаковое меню — одинаково вредное для всех с точки зрения будущих адептов здорового питания.

К тому же у Аллы и её бабушки имелся большой запас различных деликатесов. Например, у них обнаружился импортный растворимый кофе — в стеклянной банке с плотно прилегающей черной массивной крышкой и надписью «Taster's Choice» на большой этикетке. Я такой марки не знал, хотя в будущем перепробовал много всякой порошковой кофейной фигни; впрочем, на той же этикетке было нерусскими буквами написано, что этот бренд принадлежит хорошо знакомому мне «Nescafe». Как рассказала Алла, кофе им периодически присылала тетя из Германии, и они относились к нему очень бережно. Но для меня сделали исключение.

Свой напиток я приготовил по рецепту Дёмы, который был таким же турецким, как и мои тосты — французскими. Впрочем, там было несложно — нужно было смешать коричневый порошок и сахарный песок, нагреть в ложке немного молока, взбить всё в пенную массу и аккуратно залить кипятком до половины, а потом добавить холодное молоко. Несмотря на то, что рецепт был явно выдуман кем-то из дёминых знакомых, он давал неплохой результат — правда, именно с импортным порошком. Советский «Кофейный напиток» для этих целей категорически не годился, хотя Дёмыч уверял нас в обратном. Алла тоже оценила и потребовала, чтобы по утрам я будил её ещё и чашечкой этого чудесного напитка.

В холодильнике нашлась палка сервелата и неплохие рыбные консервы — в дополнение к стандартным шпротам, которые почему-то в этом времени считались дефицитом и в свободной продаже появлялись редко. Впрочем, это можно было сказать про многое из того, что имелось у этого запасливого семейства, в том числе и про шоколадные конфеты — в наборе от «Красного Октября» и «Мишка на севере» россыпью. «Мишек» я безумно любил но попросить постеснялся.

Любовь к этим конфетам я бережно пронес через всю свою жизнь. В моём будущем они продавались везде и в самых разных видах, и я иногда брал себе немного, поскольку к тому времени врачи запретили мне получать от жизни почти любые удовольствия. Но кто тех врачей слушает?

Сейчас «Мишки» и любые их аналоги были страшной редкостью, ещё более страшной, чем пресловутая сырокопченая колбаса или фирменная джинса. Колбасу иногда «выкидывали» — очень иногда, разумеется, но важен сам факт; в кооперативных магазинах она вообще продавалась свободно и постоянно, пусть и по неприличным ценам. Купить джинсы западного пошива тоже было вполне реально, тем более в Москве — готовь много денег, бери надежного друга и езжай на любой рынок, где имелся вещевой развал, там наверняка найдется несколько подозрительных личностей с бегаящими глазёнками. Или

можно было поискать ушлых ребят прямо в общаге — кажется, я даже знал нескольких. Или узнаю... в общем, ничего сложного.

С конфетами же дела обстояли сурово. В любом продуктовом лежал стандартный набор из ирисок и карамелек, которыми, в принципе, можно было откупиться от мелких детей, чем и пользовались многие родители. Но по какому-то негласному советскому кодексу на праздничный стол следовало подавать не карамельки, а исключительно изделия из шоколада, которых днем с огнем было не найти. Конечно, могло повезти и с ними, но такого на моей памяти ни разу не случилось.

Распространенным в широких народных массах способом добыть вожделенную порцию шоколадных конфет был московский Елисеевский магазин на Тверской — сейчас он назывался, кажется, просто гастрономом и располагался на улице Горького. В своей молодости я там был ровно один раз, но мне этого раза хватило на всю оставшуюся жизнь. Я рискнул туда сунуться в январе как раз 1984 года, перед отъездом на зимние каникулы, и хотя новогодний ажиотаж уже закончился, безумные покупатели никуда не делись; мне удалось выстоять какую-то дикую очередь и получить два кило — больше в одни руки не давали — сладостей, которые я потом отвез родителям. И, кажется, сам так и не притронулся к этому с таким трудом добытому подарку. Насколько я помнил, в моём будущем шла какая-то вялотекущая борьба за закрытие этого универмага, которой я не интересовался; я часто проезжал мимо него, и ни разу у меня не возникло желание остановиться и зайти.

Ну а к Алле и ещё бабушке конфеты и прочие редкости попадали через продуктовые наборы, которые в Советском Союзе получали многие категории граждан. В первую очередь, конечно, члены правительства и ЦК партии, у которых были и другие плюшки от созданного их предшественниками государства — например, широко разрекламированная в будущем «сотая» секция ГУМа, где можно было недорого пошить себе приличный костюм, платье или шубу. Но что-то долетало и до других слоев населения — до тех же ветеранов войны и труда, которых пока ещё было много, или до трудяг — правда, не простых; я помнил, что отец приносил какие-то пакеты с вкусностями с работы. Но он был начальником, и, я думаю, им тоже полагались некие льготы — в соответствии с негласным табелем о рангах.

В общем, семейство Аллы жило чуть выше среднего — не медианного, я знал разницу — уровня. Для полного счастья не хватало только наследственной квартиры где-нибудь на «Динамо» от родителей её мамы, которую можно будет выгодно сдать, но те были живы и здоровы, хотя обитали где-то под Тверью, если Алла опять ничего не придумала — как придумала с дачей Елизаветы Петровны.

Помимо квартиры на Новоалексеевской у бабушки действительно имелась дача, только не в Волоколамске, а во вполне фешенебельном Кратово. Алла объяснила свою ложь тем, что не хотела светиться перед «моим» Казахом, а я принял это оправдание. На даче, если верить описаниям, имелся неплохой дом, и бабушка собиралась уехать туда в конце мая и на всё лето, оставив нас с Аллой одних в Москве.

Такая долгая поездка явно была затеяна из-за того, что у них в квартире поселился я, но не потому, что Елизавете Петровне было неприятно моё соседство — думаю, в этом случае она нашла бы силы сказать «нет» незваному квартиранту. Я был уверен, что она просто не собиралась становиться причиной нашего с Аллой расставания — видимо, у меня и бабушки были одинаковые взгляды на причины разводов.

Выяснил я это не сразу, а после серии наводящих вопросов.

— Она обычно так надолго и не ездила, — в итоге призналась Алла. — Только на выходные. Думаю, это как раз из-за нас...

Я понял, что Елизавета Петровна готова на определенные жертвы ради скорого появления правнуков.

— Ого... но ей совершенно необязательно... — безо всякого убеждения в голосе сказал я.

— Бабуля так решила, не думаю, что она меня послушает, — Алла покачала головой.

Бабушка, кстати, заранее пригласила нас иногда приезжать, чтобы помочь с хозяйством. Я примерно представлял, в чем может заключаться эта помощь, и был настроен скептически, но понимал, что ехать придется. Это была своего рода плата за моё проживание, взимаемая в натуральном виде. Что ж, время покажет, кто тут раб.

Но, похоже, меня ждала размеренная, сытая и наполненная физическим трудом на ферме жизнь женатого на москвичке студента; можно было учиться цыкать зубом и присматриваться к какому-нибудь автомобилю. Мечты сбываются не только в «Газпроме».

Глава 3. Парад, которого не было

С Днём Победы я лоханулся конкретно — меня подвела ложная память. То, что происходило в будущем, наложилось на прошлое и слилось воедино, оставив меня разгребать последствия. Впрочем, мои оговорки не привели к чему-то глобальному. Просто я понял, что на свои воспоминания надо рассчитывать с определенными оговорками.

Началось всё с того, что я предложил Алле съездить на Белорусскую или Маяковскую и посмотреть на военную технику, которая после парада будет возвращаться к месту постоянной дислокации. Вариант досуга, как по мне, был беспроектный. Все любят смотреть на танчики, громыхающие дизельным выхлопом и грозно водящие туда-сюда большими пушками, особенно девушки и дети. Ну и мальчики тоже.

— На каком параде? — недоуменно спросила Алла.

— На военном, — неуверенно ответил я. — Завтра же День Победы, вроде парад должен быть...

— В программе ничего такого не было, — сказала она.

Сразу давать заднюю я не стал, но мне предъявили газету с программой передач, и я убедился, что Алла была права. Никакого парада с прохождением танков и баллистических ракет по Красной площади и трансляцией по самому первому каналу не предполагалось. [1]

Но День Победы советское телевидение, разумеется отмечало — какими-то документалками и фильмом-спектаклем «Вечно живые», с которым вроде был какой-то скандал когда-то, но подробностей я не помнил.

— Да, действительно... — я был серьезно озадачен.

У меня пробежала мысль, что я попал в какое-то другое прошлое. Я твердо помнил, что ещё дома, до поступления в институт, под комментарии Игоря Кириллова смотрел нахождение танков и баллистических ракет по Красной площади. Но вообще-то я сразу после приезда в Москву на много лет завязал с телевизорами и почти забыл, что они показывали в это время, а что — нет.

У нас в студенческой комнате — она занимала большую залу на одном из этажей общаги — телевизор имелся, но эта комната была заперта на ключ, который выдавала комендант под поручительство кого-то из студсовета. Это было сложно и геморройно, поэтому мы почти не пользовались этой опцией. Вроде бы мы смотрели там пару матчей чемпионата по футболу, который должен был проходить в этом году, но я мог путать с чем-нибудь ещё. У первой жены я телевизор тоже не смотрел в силу напряженных отношений с её родителями, в комнате которых стоял заветный ящик. Лишь после развода, вернувшись в общагу и поселившись в гордом одиночестве, я завел себе ярко-желтый «Шилялис», который честно отпахал год и был бесплатно передан по наследству юным первокурсникам, которые случайно попались мне на глаза, когда я выселялся после ухода из аспирантуры.

От телевизоров моя мысль вильнула в сторону ставок на спорт. Например, я точно знал, кто будет новым чемпионом СССР по футболу — в 1984-м питерский «Зенит» внезапно разбил засилье «Спартак» и двух украинских команд. Со счетом и вообще с голами было сложнее — кое-что я помнил, но вот ставить на свои воспоминания деньги не рискнул бы. К тому же я не знал, где это сейчас происходит и насколько это опасно с точки зрения перспективы оказаться за решеткой.

— Ну и пусть парада нет, — решил я, свернув газету. — Тогда поехали просто в общагу.

Ты с Ирккой своей пообщаешься, а я вещи собираю.

И с парнями поговорю, они два дня меня поедом ели, требуя рассказать, спал я с Аллой или нет, словно ответ на этот главный вопрос жизни, вселенной и всего такого не был очевиден. Наверное, она пригласила меня пожить у неё лишь потому, что Егор Серов классный парень и хорошо рассказывает анекдоты.

Я ещё в поезде, после того, как Алла предложила переехать к ней, рассказал ей, как изменится её жизнь после столь решительного шага. Например, алкогольные визиты в нашу общагу к её разлюбезной Ирке становились неприемлемыми — ну не может почти замужняя девица вести себя подобным образом. Со мной — пожалуйста, если Ирка готова отменить табу на присутствие мужчин. Но отлавливать Аллу по общагским кухням я не собирался.

Это же, конечно, касалось всяких сейшенов и Димочек — с прежней жизнью в рок-н-рольном стиле надо было заканчивать сразу. Я не исключал визитов в эти значные места, но они были возможны только со мной в качестве компаньона. Впрочем, я не возражал против того, чтобы прицепом к Алле выгулять и Ирку — если та будет вести себя достаточно скромно и не станет надоедать.

Какое-то понимание этих требований у Аллы я даже нашел. Но и рвать отношения со своей единственной — во всяком случае, так я понял её слова — подружкой она категорически отказалась. В итоге мы договорились совмещать — мне всё равно надо было иногда появляться по месту прописки, чтобы Казах и Дёма не слишком расслаблялись, а Алла могла в это время посидеть с Ирккой, причем под бутылочку чего-то не слишком крепкого для смазки голосовых связок. Но она клятвенно пообещала, что напиваться вусмерть больше не будет.

У меня не было цели сажать Аллу под замок. «Домострой» дело хорошее и даже традиционное, но я не представлял, как можно реализовать его принципы в эпоху всеобщего избирательного права и относительно развитого феминизма. Поэтому и согласился с Аллой, что она имеет право на лево, хотя в её случае «лево» не было чем-то слишком уж предосудительным.

И я был уверен, что в какой-то момент мне выкатят встречные условия — и по законам жанра я буду обязан с ними согласиться, хотя они мне заранее не нравились, пусть я и не знал, чего может захотеть от меня Алла.

Любой человек кажется простым лишь до близкого знакомства, а потом в нем открываются какие-то бесконечные личности, которые до поры до времени скрывала под собой публичная маска. Мы с Аллой познакомились месяц назад. Три недели назад я играл с её бабушкой в поддавки, совершенно не предполагая переводить наши отношения в нечто большее. Две недели назад она всего лишь слегка раздражала меня. Ну а сегодня я с трудом понимал, как сумел прожить свою первую жизнь без этой девушки. Неужели со счастьем так легко разминуться?

Всего полчаса туда — и один сидит на скучном семинаре, а другая лежит мертвая на грязном полу кухни в общежитии заслуженных заборостроителей. А полчаса сюда — и впереди у них долгая и счастливая жизнь. Если, конечно, один из них не будет тем самым мудаком. Но я уже им и не был — во всяком случае, в своих мыслях.

У моих соседей внезапно обнаружилось пиво в товарном количестве — правда, не что-то более-менее приличное, а «Ячменный колос». Лишь боги знают, почему они выбрали

этот сорт по случаю полученного Дёмой с родины денежного перевода, зато купили от души — сразу ящик. Впрочем, мы его употребляли регулярно — именно «Колос» продавали из бочек на разлив, да и в бутылочном варианте он был нам знаком — мы обычно запивали им партии в преферанс, когда вкус победы или проигрыша был не слишком важен.

— Ты её уже трахнул, да? Ведь трахнул же?

Мне казалось, что Дёмычу было неважно, что я отвечу, и я даже не брался гадать, какой ответ его устроил бы больше, положительный или отрицательный. Скорее всего, он просто наслаждался возможностью ещё немного достать меня. Поначалу я отшучивался, потом раздражение взяло верх, и сейчас он находился на очень близком расстоянии от знакомства с моим кулаком — но пока что я сдерживался. Но пиво могло и снять некоторые внутренние тормоза — например, запрет на драки с приятелями.

Правда, Дёму было сложно назвать моим приятелем. Он точно не был другом и даже не планировал им стать, да и я все два года жизни в общаге его слегка сторонился; мы общались, конечно, но в чем-то вынужденно — как должны общаться люди, которые двадцать четыре часа проводят вместе. А мы и учились в одной группе, и в общаге спали на соседних койках, и деньги друг у друга занимали регулярно, и в преферанс могли на пару сыграть против команды другой комнаты. Но той степени понимания, которое было у нас с Жасымом, у меня с Дёмой так и не сложилось, и когда я перебрался к первой жене, то с легкостью выкинул его страшную рожу из своей жизни. А он, видимо, также поступил с моей мордой лица. Сейчас я понимал, что больше всего в Дёмыче меня раздражали его умение лезть грязными руками в самое святое и говорить всякую чушь в самое неподходящее время. Но и драться я не хотел, поэтому снова свёл всё к шутке.

— Дём, вот зачем ты всё опошляешь? Может, у нас любовь, а ты сразу на трах всё переводишь.

— Ну это же главное! — удивился тот.

— С чего вдруг? Чувства точно важнее, — я мысленно ухмыльнулся. — А ты как, уже трахнул ту дочку министра? Хотя нет, не отвечай, я не хочу этого знать...

Послышалось довольное хрюканье Казаха. Его наш с Дёмой разговор развлекал, и я не мог его осуждать. Я бы и сам развлекался, если бы речь не шла обо мне и Алле.

— Так как у вас всё сложилось? — вмешался Казах, заметив, как Дёма нахохлился. — А то, брат, ты всё виляешь и виляешь. Но если ты решил переехать к ней, то, наверное, что-то у вас было?

— Джентльмены о таком не говорят даже близким друзьям, — я снова ушел от прямого ответа. — Но у нас всё серьезно, надеюсь. Твоё пророчество, Жасым, почти сбылось.

— Какое пророчество? — не понял он.

— Про свадьбу, — а мне было не лень и напомнить, заодно ответив на вопрос Дёмы. — Осенью, думаю, если всё нормально пойдет. Про гостей не думали ещё, но я в любом случае проставлюсь.

— Круто, брат... отхватил себе москвичку, — в голосе Жасыма не было ни капли зависти — за что я его и ценил.

— Блин, да чем ты её поразил-то? Она вся такая... такая... — словарного запаса Дёме явно не хватало, но я понял, что он хотел сказать.

— Да обычная она, — отмахнулся я. — И хорошая.

Про обычную я соврал, но для ребят это слово вполне подошло. Они поймут, что я имел в виду — что Алла не была выпендренной цацей, с которыми все мы сталкивались и в

школе, и в институте. Причем многие из этих цац имели претензии безо всяких на то оснований — просто подсмотрели где-то и повторяли, как овцы. Выглядело это смешно, неприятно и жалко — уж для меня точно.

— Дём, а ты перед очередной вечеринкой тренируешься пивом? — спросил я, чтобы сменить неприятную для себя тему.

Тот должен был нажраться ещё вчера, накануне законного выходного, вместе со своими знакомыми уроженцами стольного града, которые что-то забыли в нашем институте. Но я в их обстоятельства не вникал, так что, возможно, у этих москвичей были веские причины учиться именно заборостроению. Дёмыча они брали в свою компанию из-за денег. Он приехал учиться из северных Апатит, и его отец частенько присылал сыну солидные суммы на проживание, которые бездарно сливались на водку и прочие непотребства — не без участия тех самых москвичей.

— Он позавчера свою норму выбрал, — выдал военную тайну Казах. — Теперь, наверное, и на пятницу не хватит.

— Ничего не выбрал, — Дёма всё ещё находился в слегка ершистом состоянии. — Толику привезли новый альбом каких-то шведов — то ли Хери, то ли ещё как, не запомнил. Он рассказывал, что они «Евровидение» выиграли, а это самый главный музыкальный конкурс на Западе!

Он произнес это с невероятным почтением в голосе, а мне дико захотелось приложить ладонь к лицу и рассказать приятелям всё, что я знал про «Евровидение» и его ценность для музыки. Впрочем, конкурс этот действительно был почему-то дико популярен, хотя со звездами там почти никогда не складывалось. Я не помнил ничего похожего на «Хери» и подозревал, что, скорее всего, их, его или её забыли сразу после конкурса — как и многих других победителей этого праздника европопа. Но я сдержался.

— И как они? — равнодушно уточнил я.

— Да ничего так, под водку норм пошло, всё легкое и танцевальное. [2]

Самое забавное, что в первой жизни я слегка завидовал Дёме и его приятелям, когда он с гордостью рассказывал, что слушал новые пластинки западных исполнителей, про которых мы с Жасымом даже не подозревали. Но позже я понял, что у компании москвичей, которых он спонсировал, с музыкальным вкусом не всё было гладко — они предпочитали поп-музыку самого низкого пошиба, вроде вот этих хитов «Евровидения». У них не в ходу были более приличные исполнители, хотя они, наверное, про них что-то слышали. Где-то в начале года, например, Дёма хвалился тем, что слушал новый альбом «Арабесок», где пели «тёлки вот с таким выменем». Сейчас я был уверен, что для него это было единственным достоинством той музыки, которую исполняли певица Сандра с подругами. Мелодия, слова, жанр, стиль — вряд ли Дёма сильно вникал во всё это. Впрочем, мы с Казахом тоже не были меломанами.

— А на прошлой неделе, пока тебя не было, он приперся к Рыбке с похмелья и без домашки, — сдал Дёмыча Жасым и посоветовал: — Ты бы поаккуратнее, это даже для тебя слишком изощренная форма самоотчисления. Попомни мои слова, когда тебя выпиздят из института с волчьим билетом.

Это случится через год, но Дёма действительно ускорял процесс всеми возможными и некоторыми невозможными способами.

— А что за Толик? Ты вроде про него раньше не рассказывал, — вмешался я.

— Он у нас в компании всего второй раз, — отмахнулся Дёма. — Я его ещё не понял. Но у него ещё есть пистолеты, старые, — он пытался жестом показать величину этой

старости и едва не выронил стакан с остатками пива. — Ну такие, из которых Пушкина убили.

— Круто, — кивнул я. — Только вряд ли стоило ради этого злить Рыбку.

— Да это не тогда было! А Толик пообещал, что как-нибудь даст пальнуть... только это на дачу к нему надо ехать... в июне, наверное.

Нравы золотой молодежи позднего СССР меня интересовали слабо, но вот дёминь слова про пальбу пробудили некоторые воспоминания. В нашем городе — вернее, на расположенном неподалеку полигоне — можно было легко найти несгоревшие «макаронины» — длинные соломинки каких-то порохов, желтые и черные. Мы их превращали как в начинку для самодельных петард, так и в заряды для самопалов. Занятие это было, разумеется, чрезвычайно опасным, регулярно заканчивалось членовредительством, и хорошо, что советская медицина была самой лучшей и самой бесплатной в мире — во всяком случае, врачам удавалось спасти большинство пальцев и глаз подрастающих оболтусов.

Свой перелом правого запястья в первом классе я заработал как раз после неудачного полета одной из петард, когда пришлось прыгать с высокого обрыва, чтобы избежать близкого знакомства с бризантным действием порохов. Хорошо, что под обрывом был песчаный пляж, иначе повреждения могли быть гораздо серьезнее; плохо, что из обрыва торчали корни слишком живучей сосны, в расщеп которых и попала моя рука.

Сейчас старые навыки могли мне пригодиться, если я всё-таки соберусь оторвать задницу от удобного дивана в квартире Аллы и её бабушки, и начну действовать. А действовать мне было нужно.

Дело в том, что я понемногу начинал проникаться величием 1984 года. Это был последний осколок эпохи застоя, золотого времени в истории СССР, когда власти наконец-то перестали экспериментировать на своими подданными и позволили им просто жить. Подданные этого подарка, разумеется, не оценили — в полном соответствии с концепцией Маслоу они набили животы, натаскали в свои квартирки польские гарнитуры за 830 рублей и захотели перемен. Перемены себя ждать не заставили — в марте-апреле 1985-го Черненко умер, застой закончился, а вместо него начались интересные времена, которые продолжались и к моменту, когда меня унесло в прошлое.

Ну а поскольку в будущем все были уверены, что перестройку затеял лично товарищ Горбачев, то отложить её было проще простого — достаточно убрать его фигуру с политической доски. Причем именно сейчас, когда он всего лишь один из многих секретарей ЦК, опасности не ощущает, а его охрана имеет весьма невзрачный вид.

Смерть Горбачева, разумеется, не означала, что всё сразу станет хорошо. Черненко всё равно умрет, и я не смогу этому помешать, даже если вдруг прорвусь к самому главному кремлевскому врачу — кто там сейчас, Чазов? — и изо всех сил, с большим ножиком в руках, попрошу его присмотреться к здоровью Генсека. Правда, сначала меня к Чазову не пустят, потом не послушают, а затем могут и в психушку закрыть, чтобы я перестал везде видеть чертиков. Да и за ножиком придется ещё раз съездить в Шахты.

После же неминуемой смерти Черненко высший партийный пост Советского Союза вряд ли останется вакантным. Если ликвидировать Горбачева, Генсеком может стать кто угодно, и нет никаких гарантий, что этот кто угодно не наворотит таких дел, перед которыми меркнет всё, совершенное Горбачевым и Ельциным вместе взятыми. В общем, как

бы я ни кидал жребий, всё равно получался клин. Мне всё ещё нужен был план, причем реалистичный и не связанный с инопланетянами.

Но даже если я решусь на ликвидацию Горбачева, оставалась одна большая проблема. В Шахтах я отчетливо понял, что не был убийцей и не знал, как им стать.

Тыкать ножиком в живого человека не так легко, как кажется. Тот «афганец», который пытался вдолбить в меня основы ножевого боя, переступил ту черту, которая отделяет сугубо мирного обывателя от хладнокровного убийцы. Я не знал, сколько «духов» он прикончил в Афгане и сколько из них — ножом; у меня даже мысли не возникало спрашивать такое. При этом я знал, что он пошел в армию сразу после школы и научился убивать именно там, в доблестной Советской армии. С одной стороны, это было страшно — всё же пять с лишним миллионов тинейджеров, психика которых позволяла им лишать жизни других людей. С другой — армия как раз для этого и существует, и без неё никакого СССР не было бы, а Советская Россия закончилась бы после года прозябания.

То есть для меня самым простым способом привести себя в нужное состояние для решения проблемы кадров, которые развалили СССР и долго и нудно строили капиталистическую Россию, оставалась армейская служба, которую я избежал в первой жизни. Правда, там сейчас служили два года; я смогу попасть в осенний призыв и вернусь на гражданку — вопрос моего выживания оставим теории вероятности и элементарному везению — в конце 1986-го. А тогда будет уже поздно что-либо менять настолько коренным образом, даже если я смогу прикончить всё Политбюро. Вкусивший гласности народ сотрет в пыль любого, кто посягнет на его право нести чушь. Это свободу дают сразу и всю; закручивать гайки надо постепенно. Нынешние коммунисты на подобную филигранную работу не способны категорически.

Можно было заменить два года армии элементарным огнестрелом. Я почему-то был уверен, что на расстоянии убивать легче, достаточно заучить нужную последовательность действий. Засыпать заряд, забить пыж, засыпать дробь, забить ещё пыж... поджечь фитиль, направить оружие на цель — и молиться, что всё было рассчитано правильно. В конце концов, не просто же так солдат муштруют? Легче думать, что ты просто выполняешь заученные приемы, чем переживать о том, что твоё оружие нацелено на живого человека.

Конечно, я не отказался бы от легендарного «глока»; я был согласен даже на примитивный ПМ — с запасом патронов, разумеется. С ними, наверное, было бы проще — или, как минимум, безопаснее. Например, не надо было дрожать над навеской взрывчатки или опасаться, что материал трубки за проведенные на помойке годы растерял все заложенные производителями прочностные свойства.

Но заводской «ствол» оставлял следы — даже самый нелегальный. Многих киллеров девяностых ловили как раз через оружие — у милиции были способы узнать, кто продавал и кто покупал. Конечно, там всё было много сложнее, пойманный убийца мог и отмазаться с помощью ушлых решал-адвокатов, а доказательства по его делу таинственным образом исчезали из опечатанных комнат в отделах милиции.

У меня не было знакомых решал, не имел я и высокопоставленных родственников, само наличие которых сделало бы невозможным уголовное преследование. К тому же сейчас правоохранительные органы ещё не утратили живительный импульс борьбы со злом, который они получили при Андропове. Черненко скучные материи не интересовали, и каких-либо руководящих указаний на эту тему он не выдавал — и милиция пока что

двигалась прежним курсом. Впрочем, не слишком усердно. Цену словам первых лиц государства народ знал хорошо, выучил за время позднего Брежнева, и инициативы Андропова приняли не сразу. А когда приняли всем сердцем и душой, оказалось поздновато — курс партии в очередной раз вильнул в непредсказуемом направлении, и любые инструкции прошлого вдруг в один момент стали неактуальными,

Для меня это означало лишь одно — соваться в местное преступное подполье мне категорически нельзя. Даркнета тут ещё нет, до своеобразной анонимности интернета ещё лет двадцать, и любой контакт с каким-нибудь вором в законе закончится тем, что подозрительного незнакомца сдадут милиции — просто на всякий случай, чтобы не отсвечивал и не мешал солидным людям делать бизнес.

Других способов обзавестись фабричным оружием я не знал. Наверное, можно было обокрасть какого-либо охотника — но это был совсем скользкий путь, который не давал стопроцентной гарантии успеха. Местные милиционеры умели раскрывать и квартирные кражи — особенно если они связаны с пропажей огнестрела. Ну а если этот огнестрел ещё и всплывет в каком-либо убийстве...

Оставались только самоделки. Про собственноручно изготовленное оружие я уже думал, но без фанатизма, к тому же у него были свои ограничения и свои проблемы, которые надо было решать в процессе эксплуатации. Проще всего, конечно, было превратить охотничий дробовик в обрез вроде того, что был показан в балабановском «Брате», который наше поколение смотрело как документалки с небольшими вкраплениями художественного вымысла.

У дробовика убойная сила была, как правило, повыше, но я помнил, как один мой приятель детства собрал свой собственный обрез, который раскрылся ромашкой после единственного выстрела, но разнес выставленный в качестве мишени кусок фанеры в мелкую пыль. Если поиграть с картечью, то у того же Горбачева не будет ни малейшего шанса выжить.

Правда, постоянно таскать с собой подобный поджиг из подручных материалов опасно — в первую очередь для самого себя, — но в некоторых ситуациях и он мог помочь. Я пока не знал ничего про эти ситуации и даже с трудом мог их нафантазировать, но во время посиделок с Жасымом и Дёмой мои мысли приобрели нужное направление.

[1] Я был уверен, что парады 9 мая были всегда. Но после вдумчивого изучения темы (прочитал статью в вики) выяснил, что нифига. В СССР военные парады делали в основном 7 ноября, и только на круглые даты — ещё и 9 мая. То есть в 1985-м Егор мог посмотреть на технику, но в 1984-м ему нужно было ждать до ноября. Привычные сегодня ежегодные парады на День Победы начались с 1995 года.

[2] Братья Херри (или Herreys) в 1984 году стали вторыми шведскими победителями «Евровидения» (первыми были АВВА в 1974-м). Они тогда пели песню «Diggi-Loo Diggi Leu», которая считается неким каноном для танцевальной музыки того времени и даже слегка ценима фанатами евродиско. У этого трио были другие альбомы кроме дебютного (одноименного с песней с «Евровидения»), оно существует и сейчас, хотя, конечно, исключительно в формате «дискотека 80-х».

Глава 4. Видеонесовместимость

Ирку я не то чтобы знал — просто видел несколько раз. Ничего эффектного в ней не было и в боевой раскраске, кажется, а сейчас я увидел ненакрашенную девушку в домашнем, с бигудями и следами излишеств на лице, которая вряд ли способна выглядеть как красотка с обложки «Плейбоя». Она была слегка крупновата — хотя это могло лишь казаться в сравнении с худенькой Аллой, и была совершенно не в моем вкусе. Впрочем, за свою жизнь я видел самых разных женщин, на некоторых даже был женат, и давно понял, что внешность не имеет никакого значения. К моему приходу они приговорили бутылку хереса и приступили ко второй. Разумеется, я присоединился, хотя от пива мне уже было хорошо. Но я считал, что повышать градус можно.

— За вас, ребята, — с чувством, на которое способен только слегка захмелевший человек, сказала Ирка и подняла свой граненый стакан.

Мы с Аллой подняли в ответ свои чайные чашечки, чокнулись втроем под задорное «дзынь» от Ирки — и выпили. Херес прошел на удивление хорошо.

Я откинулся на своем стуле, а девчонки вернулись к беседе, которую прервало моё появление. Насколько я понял, речь шла о каком-то парне, с которым Ирка в настоящее время крутила шуры-муры — её беспокоило то, что тот не хотел знакомить подругу со своей семьей, выдумывая всякие нелепые отмазки.

— Представляешь, вчера он рассказал, что на майские всей семьей ходили на пикник, а когда я спросила, почему он не позвал и меня, сказал, что забыл. Вот как можно обо мне забыть? — она гордо вскинула голову, и бигуди негромко звякнули.

Я хотел было вставить свои две копейки — что-то особо едкое на тему таких парней, но не стал. Когда-нибудь до Ирки дойдет, что её тактика не работает, и она её сменит. Ну или не дойдет и она не сменит — и продолжит удивляться странным, на её взгляд, поступкам сыновей московских мам, которые, очевидно, считали эту девицу не парой их отпрыску. У неё был шанс — например, залететь от очередного любовника и предъявить эту беременность его семье. Но не факт, что такой поступок облегчит ей завоевание столичных снобов.

— А у вас в комнате нет ещё одного такого классного мужчины? — Ирка внезапно обратилась ко мне.

Я мысленно пообещал себе потом поспросить у Аллы, что она успела рассказать Ирке до моего прихода.

— Таких как я — один на миллион, — я налил себе ещё немного хереса и обслужил дам. — Но есть парочка, хотя и с нюансами. Казах после института уедет к себе в Казахстан, а Дёмыча скоро выгонят из-за учебы. Впрочем, у тебя, Ир, есть шанс спасти заблудшую душу. Может, ему не хватает материнской любви, вот он и пьёт по-черному, и к занятиям не готовится. Не хочешь попытаться? Так-то он парень прикольный и богатенький, только на морду лица страшный.

Ирку счастье в виде Дёмыча не соблазнило — или ей нужно было смириться с этой мыслью, — и мы выпили за нормальных мужчин, которых не осталось в природе. И этих двух подвыпивших тигриц ничуть не смутило, что я сидел рядом и слышал этот тост.

Наверное, любительнице столичной прописки стоило сосредоточиться на ребятах из провинции, которых в общаге буквально толпы и среди них встречаются неплохие

экземпляры. Если история пойдет своим чередом, почти все они останутся в Москве и уже к середине девяностых обзаведутся своим собственным жильем. Я даже помнил имена и факультеты пригодных на закляние Ирке экземпляров — вернее, подходящих под её нехитрые требования.

Вот только сдавать их Ирке я не хотел. Даже недолгое общение с ней было очень изнуряющим опытом. Мне не нравились похотливые и манящие взгляды, которые та изредка на меня бросала, не нравилась её манера поведения, не нравились вульгарность в выражениях, которые наверняка помешают ей быть хорошей женой и матерью. Конечно, в студенческих романах всё это, скорее, приветствовалось, да и в том кругу общения, где Ирка обычно вращалась, подобное, наверное, даже поощрялось. Но отдавать ей на съедение своих знакомых — пусть даже шапочных — мне не хотелось. Если только Дёму, а потом посмотреть, кто из них кого соберет. Я ставил на Ирку.

— Как ты думаешь, нормально будет, если я переведусь к вам? — вопрос Аллы застал меня врасплох.

Ирку мы покинули под вечер, когда у той закончился её херес. Меня слегка штормило, а Аллу просто мотало, и мне приходило удерживать её в более-менее вертикальном положении. Наверное, стоило взять такси, но в этом времени агрегаторы ещё не придумали и номеров таксопарков на каждом заборе не рисовали. Хотя если долго стоять на обочине, можно было словить частника — предтечу бомбил 90-х, к которым я и сам когда-то принадлежал. Но заниматься этим было откровенно лень.

Пока мы добрались до метро, Алла слегка оклемалась, а во время пересадки созрела до волновавшего её вопроса. Не знаю, на что она рассчитывала, но я был её идее далеко не рад.

— Это будет ужасно, — честно ответил я.

— Почему? — недоуменно спросила Алла. — Мы могли бы учиться вместе...

— Да так-то всё нормально. Но тебе будет тяжело нормально перевестись из своего педагогического к нам. Скорее всего, год потеряешь, и нужно будет досдавать всякое, чего у вас в принципе не проходят.

— Я выучу!

— Не сомневаюсь, — я улыбнулся. — Только зачем тебе нужны наши заборы? У наших специальностей очень ограниченное применение, все заводы находятся в мелких и средних городках, ты вряд ли туда поедешь добровольно.

— С тобой — поеду! — пообещала она.

Это была сильная жертва с её стороны. Москвичи всеми силами старались устроиться в своем родном городе, лишь иногда случались некие флуктуации в атмосфере, которые приводили к их миграции в другие края. И я не знал, на что списать такой порыв Аллы, достойный лучших примеров из жизни жён декабристов — то ли на внезапную любовь, то ли на временную страсть. Я, конечно, рассчитывал на любовь, но знал, что со временем страсть может превратиться в нечто более крепкое, чем самая великая любовь.

К тому же эта жертва была абсолютно ненужной. Я точно знал, что из нашей группы лишь пара человек пошла работать по специальности — в конце восьмидесятых заборы как-то резко вышли из моды. Да и те ребята были вынуждены так поступить, поскольку учились по заводской квоте и обязаны были отработать три года на пославшем их предприятии. Я этой участи счастливо избежал, поскольку не стал брать направление от нашего комбината, хотя меня уговаривали. Это направление сулило всякие плюшки — например, чуть большую

и гарантированную стипендию, даже если я буду учиться на все тройки, — но сопровождалось определенными сложностями с оформлением документов. Впрочем, вроде бы и те ребята, что отбыли строить уже ненужные стране заборы, очень быстро оказались в других, более прибыльных сферах — и их никто не удерживал. Времена изменились необратимо.

Но переводиться к нам Алле не стоило не только из-за месторасположения заборостроительных заводов.

— Сказать по правде, я сам подумываю о смене института, — признался я. — Только пока не знаю, куда именно. Но время ещё есть, надеюсь, к концу сессии соображу, чего хочу от жизни.

— Ого! — воскликнула Алла. — А чего ты раньше молчал? Иди к нам, у нас там такой цветник!

— И конкуренции не боишься? — улыбнулся я. — Вдруг какая меня уведет? Я же доверчивый... и красивый! Видела, как твоя Ирка на меня смотрела?

— Ай, Ирка не станет, я с ней договорилась, а то раньше... А конкуренции не боюсь! — гордо произнесла она. — Ты сам говорил, что я лучше всех...

Насколько я понял эту девушку, у неё в голове эльфийские представления об окружающем мире спокойно сосуществовали с реальностью. В данном случае она была твёрдо убеждена, что лучшая подруга не станет отбивать у неё парня. Мне хотелось сказать пару едких слов о том, на что способны лучшие подруги, но я не стал. Такое на словах не учится, если столкнется — поймет, как оно бывает, а если нет — значит, повезло. Хотя той же Ирке я бы не стал доверять и снег в декабре — девица явно была себе на уме, а вот с совестью у неё было не очень. Да, из них со Дёмычем получилась бы прикольная пара.

Мне, правда, хотелось до конца понять, что же связывало этих двух разных девушек. Кажется, в этой паре Алла считала себя «страшной подружкой», а Ирку такое положение вещей более чем устраивало. Женщины всё-таки весьма загадочные и непостижимые существа.

— Мы, мужчины, морально нестойкие, — отшутился я.

— Врёшь ты всё... я же помню, как ты себя вёл.

Ну вёл и вёл. В свои восемнадцать я был тем ещё остолопом, и хорошо, что Алла не знала меня в моей первой жизни — правда, плохо, что для этого ей пришлось умереть. Это потом, набив немало шишек на своей многострадальной башке, я понял, что не стоит бросаться на всё, что движется. Проще подождать и, как в том анекдоте, взять всё стадо разом.

Хотя в случае с Аллой я ничего не ждал — всё случилось во многом само собой, и даже она не была виновата в том, что мы теперь вместе, несмотря на все её наивные женские причуды. Иногда так бывает.

— Нет, Ал, к вам я точно не пойду... хотя иностранные языки... это соблазнительно...

— Ну думай, — она, кажется, собиралась надуться, но не нашла в моих словах ничего обидного. — А как тебе Ирка? Ты её знал раньше?

Алле явно нужно было моё одобрение её подруги.

— Нет, конечно, я бы запомнил. Лицо знакомое, но я такое про половину общаги могу сказать, — вернее, про всю общагу, поскольку прожил в ней несколько лет. — Но мы в параллельных вселенных обитаем, она на четвертом курсе, я на первом, разница в возрасте, все дела.

— Со мной тебе разница в возрасте не помешала, — напомнила Алла.

— Тебе тоже.

Мы синхронно улыбнулись и обнялись под одобрительный взгляд дежурной по эскалатору.

Вещей у меня действительно было очень немного. Родители отправили меня в институт с картонным чемоданом, с которым отец когда-то ходил в армию; он был жутковатого коричневого цвета и хорошо потертым на углах. В моем будущем я «забыл» этого уродца у родителей первой жены, а они, думаю, сразу же спланировали его на помойку. Сейчас для всего моего барахла хватило тряпичной сумки, а чемодан я оставил на попечение Казаха, как самого ответственного — с твердым обещанием когда-нибудь забрать этот раритет. Тому же Казаху, я передал добытый у коменданта уют, но судьба этого предмета быта меня интересовала меньше всего. Большая же часть учебников уже обитала на моём новом месте жительства.

И поскольку я не был отягощён грузом, то предложил Алле посетить кинотеатр. Но у заведения с гордым названием «Россия», что располагался на Пушкинской площади, нас ждало разочарование.

— На Миронова, наверное, можно пойти, — Алла забавно сморщила лоб и посмотрела на меня, отдавая мне инициативу принятия решения.

Я ещё раз оглядел стенды. Представленная на афишах кинопродукция воодушевления не вызывала. В принципе, мне было всё равно, что будет происходить на экране, пока мы с Аллой будем обниматься на последнем ряду, но у всего есть предел.

Я смутно помнил боевик «Приказано взять живым» и, возможно, даже его смотрел когда-то; кажется, это было что-то шпионско-боевое, но с участием советских пограничников. Из списка актеров я узнал только Михаила Пуговкина и Яковлеву — ведьму Алёну из «Чародеев», — а остальные фамилии мне мало что говорили.

«Блондинку за углом» с Андреем Мироновым и молодой Татьяной Догилевой — очень скучную тягомотину, которая с помощью надписи на афише притворялась комедией, — я видел точно. Там как раз поднимались темы советской клановости и столичной недвижимости, но этого было мало, чтобы я захотел повторения старого опыта. [1]

— Нет, «Блондинку» точно смотреть не будем, — твердо сказал я. — А вот боевик — можно, если хочешь.

Алла слегка скривилась.

— Было бы тут что-то со Сталлоне... — протянула она.

— А ты где его видела? — насторожился я.

— В гостях у подружки... другой, не Ирки... мы учились вместе в школе. У них видеомэгафон есть японский, мы там смотрели «Рокки»... это про боксера... и «Рэмбо»... там про паренька, которого полиция преследует, а он их из лука... Его Сталлоне и играет, и боксера тоже он. Классные фильмы, только они черно-белые почему-то были...

Мне стоило чудовищных усилий не улыбнуться.

— Потому что системы цвета разные на кассете и у телевизора, — на автомате объяснил я. — Там декодер... — тут я заметил её недоуменный взгляд и оборвал себя. — Что?

— Ты откуда это знаешь?

Да про что я только не знаю, каких-то вещей ещё даже не существует.

— От верблюда, — я натужно улыбнулся. — Однажды довелось посмотреть... ещё дома, у знакомых родителей. Только мы не «Рокки» смотрели... — я быстро перебрал хиты, которые теоретически могли быть доступны продвинутым гражданам в этом времени. — Фантастику показывали, «Звездные войны». Тоже черно-белое, дядька объяснил, почему, но всё равно очень круто было.

— Ого. Я слышала о них! Дима даже звал на показ, но я тогда не смогла. А той подружке родители запретили нас приглашать, — грустно добавила она. — Она жаловалась, её даже карманных денег на неделю лишили.

В другое время я бы снова кинулся утешать Аллу и обещать, что у неё всё будет, причем в самом скором времени, но впал в ступор. Со своими переживаниями о событиях всемирного масштаба я как-то упустил настоящую золотую жилу, которая лежала у меня буквально под ногами.

В своей первой жизни я прошел мимо страданий видеоманьяков в начале восьмидесятых. Видеомагнитофоны тут точно уже были — устроенный подругой Аллы сеанс и приглашение пресловутого Димы говорили сами за себя. Наверное, существовала и какая-то система обмена русифицированными фильмами; кажется, именно в это время появились знаменитые «гносавые» переводчики, голосами которых говорили у нас все голливудские актеры следующие лет двадцать. [2]

Я же познакомился с этим явлением чуть позже, когда началась перестройка, и всюду — в том числе и в нашей многострадальной общаге — появились видеосалоны. В этих центрах досуга и развлечений можно было за рубль причаститься к новинкам западного кинематографа, которые, конечно, новинками были только для советского зрителя. Помнится, первым фильмом, который я увидел, были как раз «Звездные войны», про которые я вспомнил. Причем в нашем салоне показывали вторую часть, «Империя наносит ответный удар», которая подавалась как пятый эпизод. На недоумение зрителей — где, мол, предыдущие четыре — владельцы видеосалона разводили руками или вообще посылали по матушке. Что достали, мол, то и достали, кушайте — не обляпайтесь. Лишь потом я узнал, что первых трех эпизодов тогда просто не существовало в природе, а на «Новую надежду» попал лишь через несколько лет и почему-то в кинотеатре.

Именно в видеосалонах я посмотрел — и не раз — боевики со Сталлоне, Шварценеггером и Джеки Чаном, там же узнал о Брюсе Ли и его знаменитом ударе наслаждался обнаженными героинями «Эммануэль» и «Греческой смоковницы», да и всем прочим, что предлагали тогдашние дельцы.

В девяностые я купил собственный видеомагнитофон — вернее, модную тогда видеодвойку японской фирмы «Фунай», — научился пользоваться прокатом и даже завел собственную видеотеку. Там были непременно «Том и Джерри» — я как раз был второй раз женат и имел двух мелких спиногрызов, — какая-то порнуха на неподписанной кассете, и пара омерзительно несмешных отечественных комедий с Кокшеновым и Панкратовым-Черным. Куда делось это богатство, я не помнил. Кажется, выкинул при очередном переезде — интернет уже стал широкополосным, и любой фильм можно было получить буквально за пару минут без утомительной перемотки массивных кассет. Да и встроенный видак к тому времени накрылся.

Но возможность почти безнаказанно смотреть западные фильмы меркла перед возможностью хорошо заработать на тех, кто желает увидеть того же «Рокки». И речь даже

не про салоны — указ Горбачева о кооперативах, после которого этих салонов стало хоть жопой жуй, выйдет лишь через год или два. Хотя попасть в первую волну владельцев было бы круто — если удастся обзавестись видаком и наладить отношения с владельцами нелегальных прокатов. [3]

Отечественный видеоманитофон ВМ-12 стоил тысячу двести рублей, импортные устройства продавали много дороже, да и кассеты обходились недешево. Я слышал истории, как видаки обменивали на квартиры — но это было как раз в конце восьмидесятых и в начале девяностых, когда народ не осознал ценность выданных государством или купленных через кооперативы квадратных метров. Возможно, такие обменщики были уверены, что им дадут ещё одну квартиру — взамен той, что они так опрометчиво поменяли на достижения японской электронной промышленности. Кому-то, наверное, давали.

Собственный видак мне, понятное дело, был не нужен — всё, что я мог по нему увидеть, я уже видел, причем в лучшем качестве и в нормальном дубляже. Но он может сгодиться для развлечения Аллы и, главное, для налаживания контактов в среде очень деловых ребят с нужными связями. А эти контакты для меня-нынешнего выглядели много дороже любых возможных тысяч.

Но денег на видак у меня всё равно пока не было, хотя зарубку в памяти я себе поставил. Та же тётя из Германии могла бы поспособствовать любимой племяннице и притащить немного техники, а не вредного для сердца кофе.

Но занять видеоманитофон было меньшей из проблем. Западные телевизоры в СССР массово не возили — они и там были тяжелыми и неподъемными, в отличие от видаков, и тащить их в багаже было сложновато. Продукция же отечественных телевизионных заводов была настроена на другой стандарт цветопередачи — SECAM вместо импортного PAL. Зрители же хотели видеть шедевры мирового кино в цвете. И во второй половине 80-х кустарное производство тех самых декодеров PAL-SECAM было поставлено на промышленный поток.

Видеомания тогда уже стала массовым явлением, и в журналах типа «Радио» появились принципиальные схемы устройств, которые позволяли смотреть чужое кино на наших телевизорах. На толкучке радиолюбителей у платформы Покровское-Стрешнево [4] довольно дешево продавался набор «сделай сам» — готовая печатная плата с разводкой, микросхема K174XA28 — страшная аббревиатура словно сама всплыла у меня в голове — и кучка разноцветных и разномастных резисторов-конденсаторов. Всё это нужно было аккуратно собрать в одну работоспособную кучу — и продать на той же толкучке с заметной наценкой. Или даже договориться с покупателем на предмет установки — за дополнительный гонорар, конечно.

Мы с Жасымом тогда тоже включились в производство декодеров, но хватило нас ненадолго. Месяца два мы только учились нормально паять, потом выяснили, что в таких наборах могли попадаться и не самые качественные детали, из-за чего готовое изделие тупо не работало. Но в целом наш бизнес оказался безубыточным, мы даже немного вышли в плюс — и то хлеб.

Сейчас массового рынка для декодеров нет, но покупателей, думаю, найти будет легко — учитывая слова Аллы про черно-белого «Рокки». Стоило каждое устройство больше сотни; если искать детали самостоятельно и делать входной контроль качества, можно было получать нехилую прибыль. Правда, там были ещё проблемы с настройкой — советские

телевизоры отличались разнообразием моделей, и то, что подходило к «Рубину», могло не сработать на «Горизонте». Но в этом времени было много точек ремонта телевизионной техники; работали они, правда, непредсказуемо, но неофициальную подработку тамошние мастера всегда брали охотно. И если создать производственную цепочку, то...

...то можно получить несколько лет колонии или даже расстрел, хотя вряд ли я наработаю на высшую меру социальной защиты.

Но можно и неплохо заработать.

Ещё одним способом «электронного» заработка моей первой молодости — правда, уже после декодеров, в середине девяностых — было изготовление автоматических определителей номеров, АОН. Поначалу это были небольшие коробочки, которые устанавливались перед телефонным аппаратом и питались от сети, потом их начали встраивать прямо в корпус. Стоили они тоже прилично, но спрос на них был безумный — вплоть до того момента, как эта услуга начала внедряться на заводском уровне. Правда, сейчас были серьезные проблемы с микропроцессорами, и эти проблемы останутся актуальными чуть ли не до середины девяностых. Но, наверное, достать их всё-таки можно — всё в том же Покровском-Стрешнево. И, кажется, именно сейчас заваривалась какая-то каша с отечественными персоналками, которые тоже предлагалось собирать самому — и тоже из набора деталей и печатной платы.

Я почувствовал, что оказался у распахнутой двери в мир невиданных возможностей и гор денег, перед которыми меркли любые заработки в стройотрядах. И я даже растерялся, не зная, с чего начинать — всё было очень вкусное и привлекательное. Главное было не обосраться в процессе превращения в нового русского.

— Ты о чем задумался? — спросила Алла.

В кино мы не пошли, так и не сделав выбор между боевиком без Сталлоне и недокомедией с Мироновым. Вместо этого мы двинулись вниз по Горького, в сторону Кремля — мимо того самого гастронома, за большими окнами которого толпы народу пытались приобрести коричневую смерть, и мимо большого книжного магазина, заходить в который при наличии у Аллы огромной библиотеки было попросту глупо. В моём будущем на место этой улицы вернули царскую Тверскую. Мне же больше нравилось название Пешков-стрит, как величали эту улицу советские хиппи, недобитые кровавой гебнёй.

— Слушай, а почему у вас нет видеомэгафона? Обычно все из-за границы привозят именно это... ну, в дополнение к прочим излишествам...

В принципе, с техникой в квартире Аллы всё было также хорошо, как и с деликатесами. На кухне имелась красненькая «Юность Ц-401» — она стояла на холодильнике и позволяла поглощать пищу под советские телепередачи. Эта «Юность» считалась переносной и имела сверху ручку, но при этом весила почти двадцать килограмм, и мне хотелось бы посмотреть в глаза тем, кто посчитал, что эту махину можно сдвинуть с места одной рукой.

У бабушки в комнате стоял старенький черно-белый «Рубин», и вечерами, идя на кухню или в туалет, я слышал, что он работал с чуть прибавленным звуком. Но телепередачи в СССР шли только до полуночи, до полноценного ночного вещания оставалось несколько лет, так что это своеобразное дополнение к нашей импровизированной шумоизоляции, которую я всё-таки установил уже в воскресенье, прекращало работать достаточно рано. Но я отметил, что Елизавета Петровна оказалась очень тактичной и понятливой женщиной, хорошо знающий трудности совместного быта, и дал себе слово порасспросить её о былом,

причем записывая её воспоминания для неблагодарных потомков. Алле я о хитрости её бабушки рассказал сразу, и мы совместно согласились, что наши интимные игрища тоже должны заканчиваться вместе с передачами Центрального телевидения. [5]

Для контроля этого процесса в папиной — теперь нашей — комнате имелся совсем новенький цветной «Рубин Ц-266Д», как было написано на панельке справа внизу, за которой скрывался блок разъемов, вполне продвинутых для этого года, но для меня выглядевших как нечто из каменного века. Этот аппарат был относительно передовым изобретением советской промышленности, его очень любили все установщики декодеров, поскольку у него имелся отдельный модуль цветности, который можно было заменить на другой — со встроенными декодерами PAL, SECAM и NTSC. Правда, найти продвинуты блоки было сложновато, поэтому умельцы приклепывали нужные платки отдельно. [6]

Ещё у Аллы в комнате стоял громоздкий бобинный магнитофон «Юпитер» и вроде с десяток катушек с записями имелись. Но пользоваться этим комбайном я никогда не умел и не хотел учиться, а потому даже не стал смотреть, что за фонотеку собрала моя девушка.

А вот видака у них не было.

— Тётя Люба предлагала прошлой зимой, но папа отказался — сказал, что слишком дорого, — объяснила Алла.

В чем-то я папу понимал, конечно — импортный видеомагнитофон мог и до трех тысяч стоить, да ещё кассеты, — но в целом его позиция меня немного удивила. У тебя ребенок, который не так давно потерял мать, живет под присмотром весьма лояльной бабушки и бродит по всем значным местам Москвы и окрестностей. Не проще ли потратить эти деньги, зато точно знать, что Алла по вечерам сидит дома и смотрит своего Сталлоне? Ох уж эти советские граждане с их непростым менталитетом...

— А ты хочешь?

— Было бы неплохо, наверное, — мечтательно протянула Алла, из чего я сделал вывод, что она просто-напросто мечтает об этой вещи. — Фильмы всякие можно смотреть прямо на диване и в кино не ходить...

В принципе, я совсем не горел желанием пересматривать всякое старье, пусть оно и было старьем лишь по моим меркам, на регулярной основе, но вот расширение кругозора Аллы было хорошей целью. Правда, я не был уверен, что тот же «Терминатор» или «Рокки» полезны в этом отношении, но классику знать надо.

— Купим, — пообещал я. — Сразу после квартиры.

Алла лишь грустно кивнула. А я лишь через несколько минут осознал, что моё обещание прозвучало так, словно у нас никогда не будет видеомагнитофона. Но объяснять ничего не стал. Если всё получится — будет сюрприз. А если нет, то и говорить не о чём.

[1] В реальности «Блондинка за углом» вышла чуть позже, 21 мая, и шла в «России» в гордом одиночестве.

[2] Первое поколение переводчиков появилось ещё в конце 70-х из недр «Мосфильма» — Алексей Михалёв, Андрей Гаврилов, Григорий Либергал, Леонид Володарский. Несмотря на критику более позднего времени, они действительно были профессионалами своего дела. Тот же Володарский переводил с 1968 года и работал на кинофестивалях; правда, думаю, к озвучке его впервые допустили именно видеопираты, потому что в дикторы он категорически не годился.

[3] Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» был принят Верховным Советом СССР 19 ноября 1986 года и введён в действие 1 мая 1987 года.

[4] У закрытой сейчас платформы Покровское-Стрешнево находилась толкучка, которая в 1991-м стала Тушинским радиорынком. В 1994-м вся эта банда переехала в Митино.

[5] Владимир Молчанов запустил своё «До и после полуночи» в марте 1987 года.

[6] Рубин Ц-266Д выпускался с начала 1984 года

Глава 5. Боб с горы

Пару дней я катал в голове идею с декодерами и АОНами, а в пятницу после занятий вызвал Жасыма на разговор. Дёмыч привычно убежал пить с москвичами и слушать новые хиты одноразового попа, да я на него и не рассчитывал особо — не того склада был этот товарищ.

С Казахом мы честно отсидели все пятничные пары, а чтобы стряхнуть с ушей развешанные Рыбкой диффуры, забрались в расположенную недалеко от института «стекляшку», удачно оккупировали свободный столик и приобрели по паре кружек местного пойла, который пивом назывался исключительно волей руководящей и направляющей. Но к каждой кружке полагалось по вяленой вобле, и с этой добавкой жизнь представляла не такой плохой и стремной.

И после утоления жажды я посоветовал Жасыму обратить внимание на такую область деятельности, как радиоэлектроника. Что-то подобное нам преподавали, но на втором курсе, и там паяние не предусматривалось — схемы мы собирали на платах с кучей огромных разъемов, произведенных, наверное, ещё под руководством товарища Сталина. На первом курсе ни я, ни он про паяние даже не задумывались, но у меня с тех пор прошла достаточно насыщенная жизнь.

— Нафига? — лениво отозвался Казах.

— Про видаки слышал же?

Он слышал. Я, наверное, тоже, но у меня все воспоминания перемешались, и я уже оставил идею выцепить нужную последовательность своего знакомства с новинками зарубежного кино.

— Родители хотели летом купить, кажется, наш какой-то... не помню... отец говорил зимой.

— «Электронику», — уверенно определил я.

Советская промышленность разнообразием моделей не радовала. Под этой маркой выпускались и обычные магнитофоны, и мы когда-то хорошо знали их номера. В отличие от всего остального, магнитофоны были реальным подарком, например, по случаю успешного окончания первого курса.

— Наверное, — Жасым неопределенно пожал плечами. — Так что там с радиоэлектроникой?

— У видаков есть особая фишка. У нас и на Западе разные системы кодирования цветности. Соответственно, кассеты, которые записаны там, — я неопределенно мотнул зажатой в руке воблой, — у нас будут показывать только черно-белое изображение. Понимаешь?

— Смутно, — признался он. — Но шут с ними, а нам что с того? Если отец купит, пусть у него голова болит.

— У него и будет болеть, — я улыбнулся. — Решение, кстати, простое — всего лишь небольшой блок, электронная платка с микросхемой, её надо впаять в схему и подключить к питанию. И всё — цвет кодируется-декодируется, все довольны. Это многим сейчас нужно, кто импортные видаки навез. И если им предложить устранить неисправность, они с радостью заплатят деньги. Такой блок с установкой можно рублей за сто пятьдесят впарить.

— Это всё хорошо, брат, — Жасым скривился. — Только я понятия не имею, как их

делать и куда впаивать и подключать, и блокков этих у меня нет. Я и паять не умею.

— Вот о том-то и речь, — я постарался говорить как можно более уверенно. — Нужно учиться паять. В выходные хочу в Покровское-Стрешнево съездить, там небольшой радиорынок есть. Продают неплохие паяльники и можно пару наборов на пробу взять — ну, чтобы паять поучиться и не палить зря микросхемы.

— А зачем это?

— Казах, не тупи. Деньги. Или тебе сотни четыре в месяц лишними будут? Один я вряд ли потяну, хотя и могу попробовать. Но на пару всяко лучше. Схемы добудем, выходы на людей с видами есть. При бабках будем.

Выходов у меня пока не было, но я собирался серьезно продвинуться в этом отношении в самое ближайшее время.

— Фиг знает, Серый... Не уверен, что потяну. Давай я подумаю? Если решусь, тогда наберу.

Телефон Аллы я ему, конечно, оставил. Но почему-то был уверен — не позвонит. Во всяком случае, по этому поводу точно. Видимо, все деньги мира мне предстояло зарабатывать в одиночку. Впрочем, были и другие кандидаты в напарники, но их ещё надо было отлавливать по общаге и знакомиться. В старой жизни я контактировал с ними значительно позже первого курса и плохо помнил, кто и чем сейчас занят.

Из-за облома с Казахом я вылез на Алексеевской — сейчас она почему-то называлась Щербаковской — в слегка упавшем настроении. Хмель уже выветрился, а фактический отказ Жасыма от участия в моей аванюре серьезно меня задел. В принципе, я всё равно собирался заняться этим проектом — посетить на выходных радиорынок, узнать, что там происходит, и, может быть, завести пару полезных знакомств.

Впереди было два выходных дня, но в прошлой жизни я их не слишком жаловал — особенно воскресенья. В будние дни почти все вызовы были рабочими — люди перемещались по своим делам, были трезвы и в основном адекватны, маршруты были понятны, хотя и пробок хватало. В выходные же дни такси требовалось совсем другому контингенту — сначала они стремились добраться до мест собственного увеселения, а потом их нужно было везти обратно, но уже в невменяемом состоянии и, как правило, очень поздно. Хуже таких клиентов были только подвыпившие бандиты, но они пользовались услугами агрегаторов не слишком часто, на уровне статистической погрешности.

После провала в прошлое я начал жить слишком быстро для того, чтобы сосредоточиться на своем восприятии отдельных дней недели, и не успел проникнуться эстетикой ничегонеделания в субботу-воскресенье. И не собирался ничего менять в своей жизни. Деньги сами себя не заработают.

Впрочем, судьба в очередной раз распорядилась моим временем за меня.

Погода продолжала портиться, в куртке было зябко, и я пытался дойти до дома как можно быстрее и не смотря по сторонам. Но их я заметил сразу, как только свернул на тропинку, проложенную кем-то из мудрых архитекторов от станции метро, чтобы жители Новоалексеевской не делали крюк вдоль проспекта Мира. Трое нехорошего вида ребят, что сидели на лавочках чуть в стороне от тропинки и безуспешно прикидывались гопниками, внушали определенные опасения. Наверное, в другое время я всё-таки пошел бы в обход, чтобы не попасть в их поле зрения, но неподалеку гуляли с колясками несколько женщин, и

я решил рискнуть.

Традиционная гопота — это подростки, которые от нечего делать сбиваются в стаи, в которых и отрабатывают навыки, необходимые для незаконного промысла. Наверное, внутри этих стай даже происходит некий отсев совсем уж тупых и распределение более-менее смысленных по разным специальностям — наверняка же кому-то хорошо удается разводиться лохов, а кто-то начисто лишен этого таланта. Но гопота сама по себе не водится — нужна какая-то подпитка воровской романтикой со стороны старших товарищей, уже побывавших по ту сторону решетки, ну и полное отсутствие родительского контроля. Правда, иногда родители и были теми, кто был хорошо знаком с зоной — либо сидел, либо уже вышел, чтобы нести свою версию света широким народным массам.

У гопоты, как правило, было плохо с образованием; после восьмого класса подобные элементы уходили в ПТУ или техникумы. Школам это нравилось, а были ли счастливы средние профессиональные учебные заведения — неизвестно, но их никто и не спрашивал. Дальнейший путь этих ребят зависел от многих факторов. Кто-то мог присесть уже по малолетке и стать нормальным преступником — тем самым, который «украл, выпил — в тюрьму», как говорил герой Леонова из народной комедии. Кто-то худо-бедно учился два-три года, получал диплом, шел на завод, а оттуда уходил в армию — и, что называется, брался за ум. Конечно, прежние привычки изживали единицы; жены и дети таких бывших гопников плакали горячими слезами, а они регулярно напивались с бывшими корешами, причем безо всякой цели. Просто так.

В институте я с этими ребятами не пересекался — в районе нашей общаги они если и водились, то в тех местах, до которых я не доходил. Жасым, насколько я знал, тоже избежал подобных встреч. А обстоятельства смерти Дёмы я знал только в пересказах, да и случилось это в начале девяностых, когда и прежний мир рухнул, и сам мой сосед по комнате превратился в нечто спившееся и несуразное.

Но вот после, в тех же девяностых, я узнал эту братию слишком хорошо. Они уже перешли на другой уровень; частенько заказывали такси и иногда платили долларами, с кем-то из них мы ходили в одну качалку и нормально общались. Случались и эксцессы — меня подранил как раз один из свеженьких и борзых, но неумелых. Впрочем, тогда они с разводом лохов уже почти завязали — появились дела поинтересней и поприбыльней. Но в нулевые всё вернулось, правда, новые обитатели скамеек в московских районах с прежней гопотой были связаны слабо. Зато вооружены они были много лучше.

Эти же «гопники» никакими гопниками не были. Они были слишком хорошо прикинуты — всё чистенькое и глаженное, а джинсы большинство настоящих гопников видели только в кино. Ну или по телевизору, если он был — почему-то именно этот предмет обстановки глава проблемного семейства пропивал в первую очередь. У этих ещё были хорошие стрижки и очень дорогие модные кепки, а на лицах, как у Шарапова, было нарисовано десять полных классов среднего образования. Да и вообще они были слишком взрослыми — в их возрасте настоящие пацаны либо сидели по второй ходке, либо уже вели относительно законопослушную жизнь.

Но нужную фразу они выдали почти без запинки.

— Эй, пацан, закурить не будет?

Я сделал вид, что ничего не слышал и продолжал идти, как шел.

— Эй, ты что, не слышишь? Оглох?

Мне жутко хотелось сломать схему. Подойти, достать ломик, который я купил уже после поездки взамен изъятого в Шахтах, — и врезать одному из этих ушлёпков по лбу. Но о прямом конфликте я старался не думать — и продолжил свой путь.

Они были старше, и не мне в восемнадцать лет в одиночку раскидывать трех почти взрослых лбов. Даже с тем тесаком, что остался в Шахтах, я бы поостерегся выходить против этой гоп-компании — такое возможно только в кино и то если ты Брюс Ли. В остальных ситуациях всё, как правило, заканчивалось одинаково — храбреца ждал неожиданный удар сбоку или сзади и коллективное пинание ногами. Ну а свой ломик этот храбрец потом заколебется вытаскивать из собственной задницы.

Собственно, я надеялся успеть добраться до Новоалексеевской — до неё было совсем близко, а там громкие наезды без внимания не остались бы точно, потому что тропинка выводила меня прямо к местной ментовке. К тому же и мамыши уже косились в нашу сторону и, наверное, прикидывали, как ловчее вызвать участкового.

— Эй, лошара, ты чего по нашему району шарисься?

Они послали одного, самого мелкого. Это была отработанная тактика, хотя эти поцы про неё только слышали, а сами применяли, наверное, чуть ли не впервые.

Мелкий догнал меня и заступил дорогу. Вот тут я остановился — просто не было другого выхода. Но продолжал молчать, глядя ему прямо в глаза.

— Чего молчишь? Ссысься?

Я продолжал молча стоять. Это явно выводило его из себя, кажется, он начал нервничать, но тут я мог ошибаться — всё-таки я видел его первый раз, а прочесть эмоции на лице незнакомого человека практически невозможно — если нет нужного опыта. У меня такого опыта не было.

Он подошел чуть поближе. Если говорить в терминах будущего — нагло вторгся в моё личное пространство.

— Ты чё такой дерзкий? — я учуял смесь табака с ментолом и окончательно расслабился.

Ни один гопник не стал бы курить эти вонючие девчачьи сигареты. У них в ходу были «Астра» или копеечный «Дымок».

— А кто интересуется? — спокойно спросил я.

— А то ты не знаешь!

Я промолчал.

— Да чё ты молчишь!

Ему очень хотелось ударить меня, но он, похоже, получил вполне конкретные инструкции касательно рукоприкладства. Я всё-таки положил руку на сумку и нащупал пальцами ломик. Если получится уложить этого с одного удара, я успею оторваться от тех двоих.

— Ты не ответил.

— Какого хера я будут тебе отвечать, ты кто такой?!

— Кто интересуется? — повторился я.

— Хуй в пальто!

— Не слышал о таком.

Он немного завис, а я воспользовался этим, чтобы обойти его и продолжить свой путь. Но он оказался настырным — быстро догнал меня и снова встал на тропинке.

— Стой! Не понял, че за хуйня? Сука, я же к тебе по-пацански! Что, запахло

побазарить?

Краем глаза я заметил, что и два оставшихся уже встали и идут к нам. Тут уже не убежишь. Я отпустил ломик и вытащил руку из сумки.

И постарался не дрогнуть, когда мне на плечо опустилась тяжелая рука.

— Ты чего грубишь нашему другу? Ты кто такой?

— А кто интересуется? — повторил я.

— Во, как попка одно и то же завел...

— Лёха, заглохни, — негромко сказал второй его товарищ, и Лёха послушно закрыл рот. — Кто надо интересуется, ты на вопрос отвечай. Я Родион, это Лёха, а это Мишка.

Он протянул мне руку, а я её проигнорировал.

— Не слышал о вас.

Будь на месте этих товарищей настоящие гопники, я бы уже валялся на земле и пытался защитить голову от ударов ногами. Гопники всегда ходили толпой и нападали на жертву все вместе, не давая шансов на честный бой. А все отмазки вроде «кто спрашивает» или «не слышал» хорошо работали только на интернетных форумах, в реальной жизни их лучше не применять. Конечно, у гопников был определенный кодекс чести — если так можно назвать фразы, которые были однозначным сигналом к началу избиения лоха, — но они в любом случае доводили дело до кровавой развязки, если проявляли к кому-то интерес.

— Ну так теперь услышал, — спокойно сказал он — и резко ударил меня в живот.

Хоть я и был готов к чему-то подобному, но всё равно скрючился от боли. Удар у этого Родиона был хороший, поставленный. Он прихватил меня за волосы, поднял мою голову и проникновенно заглянул мне в глаза.

— Тебе привет от Боба.

И ещё раз засветил мне в живот. Напрячь пресс я уже не успел.

— Это что за хуй с горы? — выплюнул я, откашлявшись и понимая, что напрашиваюсь на ещё один удар.

И Родион не обманул мои ожидания.

— Это наш друг, — объяснил тот, кого представили как Мишку. — Он сейчас в армии, но попросил своих друзей приглядеть за его девушкой.

У меня зародились нехорошие предчувствия.

— А я тут каким боком, — меня снова ударили, хотя и не так сильно, как до этого.

Удивительно, но я пока не плевался кровью и не собирал с газона обломки своих зубов. Видимо, они всё-таки не хотели меня калечить.

— Присмотреть — значит, сделать так, чтобы к его девушке не лезли всякие левые чмошники. А ты, козёл, полез. И это тебе первое предупреждение. Будет и второе, если от Алки не отстанешь.

Родион ещё разок сунул мне в живот и отпустил мои волосы. Стоять я уже не мог и со стоном повалился на траву. Напоследок меня небрежно пнули новеньким югославским ботинком и выдали напутствие:

— Неделя тебе сроку, гнида. Если потом увидим тебя тут, тебе не жить.

Я услышал удаляющиеся шаги. Немного приподнял голову и увидел, что женщины с колясками смотрят в мою сторону с легким любопытством и милицию явно звать не собираются.

Несколько минут я провел на холодной земле, дожидаясь, пока желудок вернется на

место, а живот перестанет болеть. В этот момент я как раз и подумал о том, что если бы у меня был короткоствол, то эти ребята лежали бы тут вместо меня, причем с отстрелянными яйцами. Они дали мне время подготовиться; наверное, если бы я сразу побежал, то успел бы нырнуть в безопасный подъезд, а им бы пришлось снова подлавливать меня на улице. Но короткоствола у меня не было, и я не побежал — поэтому они спокойно ушли, а остался на поле боя, хотя и не победил.

Наконец я сумел добраться до лавочек, которые друзья Боба любезно освободили от своего присутствия, достал сигарету и с трудом, от третьей спички, прикурил дрожащими пальцами. Лавочки были битые-перебитые, прожженные бычками и слегка кривоватые. О комфорте горожан нынешние власти столицы совсем не заботились.

Ещё полчаса назад я был в очень благодушном настроении. Я выпил пива с приятелем, закусил воблой и отполировал разговором, который, правда, мог бы сложиться и лучше. У меня были планы на выходные, а также планы на остаток весны, планы на лето и на целый год, хотя и не такие отчетливые и ясные. Где-то в этих планах было место и для нашей с Аллой свадьбы, поскольку я не слишком сомневался, что у нас всё идёт именно к этому. В конце концов, она мне нравилась, она не была уродиной и в целом оказалась довольно приятной особой. Не в том смысле, что она была достойна такого классного меня, я вообще не думал о том, кто из нас кого достоин. Мы как-то сошлись, оба были готовы попробовать жить вместе — для меня этого было достаточно.

Но за Аллой тянулся как-то странный шлейф из прошлого. В моей первой жизни этот шлейф обнулился с её смертью, но тут ничего непоправимого не случилось, и её предыдущая жизнь стала понемногу приоткрываться передо мной. Совсем недавно меня беспокоили её пьянки с Ирккой — я опасался, что и в семейной жизни Алла будет периодически срывать к подруге и пить до положения риз, что мне категорически не нравилось, но об этом мы вроде договорились.

А сейчас из прошлого выплыл ещё и какой-то Боб — судя по всему, бывший бойфренд, который до сих пор считал Аллу своей собственностью. У этого Боба имелись приятели — они каким-то образом избежали армейской службы и пытались строго блюсти нравственность его избранницы. Мне повезло, что меня не покалечили, но, видимо, у этой гоп-компании был свой подход к беседе с потенциальными женихами. Одиссей, помнится, сразу расстреливал претендентов на руку Пенелопы из лука, а эти поначалу предупреждали и давали время собрать манатки.

Можно было и отступить, и вряд ли меня кто осудил — истинную причину разрыва отношений буду знать только я и эти хлопцы. Конечно, Алла обидится, её бабушка тоже будет недоумевать, Казах с Дёмой посмеются на моим краткосрочным романом — но всё это можно было пережить. Вот только именно я сам, проживший долгую жизнь, хорошо понимал, что в реальности означает выражение «потерять лицо». Японские самураи в таких ситуациях, если на их честь падала хотя бы тень подозрений, без колебаний делали харакири. И пусть на самом деле всё было гораздо сложнее, конечно, но упертые традиционалисты водились и в Японии.

Я упертым традиционалистом никогда не был, но от объяснений этой ситуации самому себе мне сводило живот хуже, чем от ударов любых из друзей этого Боба. Что я должен сказать, чтобы принять эту ситуацию? Извини, мне лень разбираться с бывшими любовниками Аллы, пусть она сама как-нибудь, а там посмотрим? После такого обычно плюют в рожу, разворачиваются и уходят. Я тоже буду в себя плевать — каждый раз, как

увидю своё отражение в зеркале. И дело не в том, кто кого спас или приручил. Просто иногда отступить невозможно. В первый жизни я каким-то образом избежал подобных ситуаций. Но теперь, похоже, судьба отыгрывается за все пропущенные мною возможности потерять лицо и самого себя.

Я отбросил окурок и решительно двинулся обратно к метро.

Разумеется, к метро я отправился не затем, чтобы навсегда уехать из жизни Аллы. Просто там была аптека, и она ещё работала. Молоденькая и страшенькая продавщица слегка удивилась моей покупке, но промолчала. Впрочем, любопытство свойственно и юным фармацевтам, поэтому приняв деньги и рассчитав меня, она всё-таки не выдержала, и спросила, зачем мне пять стограммовых упаковок марганцовки. Я объяснил, что с его помощью можно легко отстирывать детские пеленки, и это была чистая правда.

Когда у нас с первой женой родился ребенок, теща категорически запретила мне пользоваться их стиральной машинкой — мол, младенческое говно обязательно испортит импортную технику. Женщиной она была своенравной и скандальной, боялась только мужа, а дочь держала в ежовых рукавицах, поэтому та в наш спор предпочла не влезать, но и брать на себя стирку в силу недавних родов не могла. На поддержку тестя я тогда рассчитывать не мог — мы и с ним были на ножах, — а потому молча, до кровавых мозолей на пальцах, отстирывал фланелевые и ситцевые простынки ручным способом.

Мои страдания заметил наш алхимик — преподаватель аналитической химии, добрейший профессор Иван Семенович. Вернее, он был добрейшим ровно до зачета, и горе тем, кто неправильно определял титр раствора. Но во время семестра он относился ко всем студентам с некоторым участием и как-то поинтересовался причиной ужасного состояния моих пальцев. Я выложил ему всё, он сокрушенно покачал головой и посоветовал очень простой способ сохранения рук и душевного равновесия. Нужно было смыть с пеленок коричневую субстанцию, замочить их в растворе марганцовокислого калия, а потом просто прополоскать. Несколько дней я подбирал нужную концентрацию, а потом лишь пользовался плодами науки, удивляя тещу своим бодрым видом и каким-то непомерным расходом пеленок — их ткань не была предназначена для регулярного контакта с агрессивным веществом. Но меня подобный обмен вполне устраивал.

Продавщица проглотила эту историю и прониклась трудностями отцовства. А я вспомнил, как в начале девяностых эта марганцовка тупо пропала из аптек. Убрали её примерно по той же причине, по которой я её сейчас купил.

Дело в том, что перманганат калия был чудо-окислителем; из-за этого, кстати, и с пеленками происходили всякие нехорошие вещи. При нагревании он как сумасшедший выделял кислород — в таких количествах, что горело даже то, что теоретически не может гореть. При вдумчивом подборе наполнителей можно было достичь самых разных результатов — от эффектного, но безопасного хлопка до настоящего взрыва с хорошим бризантным действием. Нам про это рассказывали на курсе неорганической химии, но скрывали суть за нагромождением безумных формул и задач с запутанными условиями, поэтому многие оставались в неведении. Мне же всё это попало потом в интернете — и я очень удивился, когда выяснил, что спустя столько лет что-то ещё помню. [1]

Кроме того, я знал одного паренька, который весьма неплохо разбирался в приготовлении взрывчатых веществ из подручных материалов. Вернее, я должен был узнать его в будущем, мы познакомились лишь на втором курсе, но он и сейчас учился в нашем

институте — на первом курсе, просто на другом факультете. Я подумал, что надо чуть ускорить процесс нашего с ним знакомства, чтобы получить у него пару консультаций.

Мы с тем пареньком сдружились достаточно крепко. И он был, пожалуй, одним из немногих людей, которых я искренне хотел спасти от уготованной ему участи. Его отчислят на третьем курсе, за хранение в общаге какого-то безумного количества пикриновой кислоты. Насколько я помнил, он тогда совсем берега попутал из-за собственной крутости — после устроенного на Новый год фейерверка в прилегающем к студгородку лесопарке стал звездой общаги, и его обуял грех гордыни. Но и воздалось ему по грехам в полной мере — после отчисления его призвали, он попал в Афган и вскоре вернулся оттуда в цинковом гробу. [2]

Не то что я хотел с помощью полкилограмма марганцовки решить все проблемы этого мира и свои собственные, но меня грела сама мысль и его наличия в моей сумке.

[1] Никогда не пробуйте повторить рецепты, которые встретите в художественной литературе. Это касается и еды, но особенно — взрывчатых веществ, в том числе и из «Поваренной книги анархиста». В лучшем случае останетесь без пальцев или просто умрете, в худшем — прихватите с собой ещё кого-то.

[2] Судьба того паренька, который держал трехлитровую банку пикринки под своей кроватью в нашей общаге, сложилась на удивление удачно, его даже не отчислили и ни в какой Афган он не попал. Но свои познания он черпал не из худлита, да и Афган к тому времени уже закончился.

Глава 6. У дверей заведенья

— Алла, а кто такой Боб?

Мой вопрос застал её врасплох, она замерла посреди комнаты с кучей постельного белья в руках и как-то беспомощно посмотрела на меня.

Я сидел за столом и делал вид, что ответ на заданный вопрос меня совсем не интересует, а сам я всецело занят разглядыванием грязных штанов, которые хорошенько извазюкал, пока ползал по газону. По-хорошему, их нужно было стирать, но тогда до завтра они не высохнут, а завтра у меня намечался выезд в общество. У Аллы тоже, но она пока была не в курсе моих планов.

Ответила она лишь после длинной паузы, но лишь сильнее всё запутала.

— Это... я говорила о нём... он меня с Димой познакомил... Но я даже не...

Пришлось задавать дополнительные вопросы, чтобы понять, что именно когда-то происходило в жизни этой девушки. Но всё оказалось проще простого.

Алла поступила в свой педагогический и уже в самом начале первого курса закрутила роман с этим Бобом — так-то его звали Борисом, но он предпочитал всё иностранное, в том числе и имя. Боб учился там же, но на год старше и на другом факультете, как-то связанном с художествами и графикой; по возрасту он должен был уже окончить третий курс, но что-то у него не сложилось со сдачей экзаменов и зачетов, и один год — судя по справкам — он провел в какой-то клинике с очень серьезной травмой.

Роман был относительно бурный, во всяком случае, со стороны Аллы — она, похоже, всегда была слегка активной. Или ей просто льстило внимание со стороны более взрослого юноши. В какой-то момент Боб познакомил её с Врубелем, с которым учился в одной группе, и причастил к полуподпольной музыкальной культуре. Дело уверенно двигалось к более тесным отношениям, но в какой-то момент Алла испугалась — или этот Боб сделал что-то нехорошее, она не сказала толком, а я не стал уточнять — и решительно порвала с ним любые связи.

Боб пытался извиняться, просить прощения, но Алла оказалась стойким оловянным солдатиком и своего решения не переменяла; я не исключал, что в тот период было всякое, но принял её версию. В итоге Боб отступил, Алла выдохнула и продолжила жить по собственному разумению. Она уже была знакома с Ирккой, они обе пытались найти подходящих женихов, но неудачно. Алла заводила какие-то знакомства, кто-то ей даже сильно нравился — но все ухажеры в какой-то момент просто исчезали с её горизонта. Правда, некоторые из них сначала могли переключиться на Ирку — поэтому насчет меня они заключили отдельный договор, что меня неприятно кольнуло. Но в целом Алла не понимала, что происходит, они с подружкой перебрали тысячу вариантов, но так ни до чего и не додумались.

Впрочем, теперь всё прояснилось — во всяком случае, для меня.

— Скорее всего, он следил за тобой, — объяснил я. — Не знаю, как, сам, с помощью своих приятелей, ещё как-то — но следил. И как только у тебя что-то намечалось, к тем ребятам подходили другие ребята, которые делали им внушение самым серьезным образом. А когда тебя так настойчиво предупреждают что-то не делать и обрисовывают, что будет, если ты не послушаешься... Проще поступить так, как предлагают. Безопаснее, и лицо целее будет.

— В смысле — внушение? — не поняла Алла.

— Да обычное. Мол, отвали от Алки, иначе мы тебя изобьем. А если не послушаешься, изобьем ещё раз. И ещё. И будем бить столько, сколько потребуется.

— О, — она закрыла рот ладошкой.

— Вот тебе и «о», — я улыбнулся. — Некоторые мужчины считают, что отказ женщины их оскорбляет. Ну и начинают мстить и гадить — по мелочам, но неприятно.

— И к тебе тоже приходили?

— Сегодня столкнулся, Нет-нет, всё нормально закончилось, я не пострадал, — ну да, пострадали только моя гордость и мои штаны.

Я не стал говорить Алле, что ничего ещё не закончилось. Поскольку я уже принял решение остаться в её жизни, примерно через неделю мне нанесут повторный визит, но я собирался разобраться с этим делом сам. Это пахивало пресловутым «Домостроем», но я был так воспитан.

— Ты дрался? — она всё-таки положила белье прямо на стол и подошла ко мне поближе.

— Немного... примерно, как в Шахтах. Всё очень быстро случилось. Я дольше выяснял, что это за хрен и с какой горы он спустился. Слушай, а как этот Боб в армии оказался?

Этого Алла не знала. Она действительно выкинула Боба из своей головы и жизни, не думала о нём и не пыталась узнавать, чем и как он живет. Были и другие заботы. Врубель, по её словам, вскоре ушел из института, занялся своими художественными и музыкальными проектами и связь с Бобом тоже потерял.

Впрочем, эта загадка не была биномом Ньютона. Сейчас студентам попасть в армию было легко, гораздо сложнее было избежать службы. Ну а если этот Боб посвящал преследованию той же Аллы больше времени, чем учебе, то его призыв в ряды несокрушимой и легендарной был делом времени. Судя по всему, это случилось примерно через полгода после их с Аллой расставания — то есть он завалил ещё одну сессию, а с доброжелательными врачами на этот раз не сложилось.

— Да шут с ними, — решительно махнул я рукой. — Давай доделаем тут всё и поедем. У меня за целый день в желудок попали только пиво и тощая вобла. А этого мало для моего растущего организма.

Я действительно сегодня не попал в нашу столовку, причем безо всякого повода. Просто решил не идти, узнав, что Дёмыч захотел составить нам с Жасымом компанию. Почему-то после среды я с трудом сдерживался, чтобы не наговорить ему грубостей, причем делать этого не хотел и не понимал, что на меня нашло. Так-то Дёмыч вёл себя тогда как обычно, не хуже и не лучше. Но сейчас я воспринимал его слегка хамскую манеру разговора слишком близко к сердцу, и собирался лечить свою злость проверенным лекарством — временем.

— А что мы будем делать с... — Алла не закончила, но и так было понятно, кого она имела в виду.

— Ты будешь помогать мне, — это очень сильно пахивало «Домостроем», но мне было плевать. — А я постараюсь сделать так, чтобы эти ребята забыли о нашем существовании.

Методы работы с памятью людей, подобных приятелям Боба, были отработаны на протяжении многих поколений. Правда, эти методы были трудоемки, требовали серьезного напряжения сил и затрат времени. Не все хотели втягиваться в длительное противостояние,

да и не все находили у себя решимость идти до конца.

В теории всё было просто — нужно было тупо отловить этих перцев по одному и отмудохать чем бог послал, хотя бы и тем же ломиком. Конечно, как и в любом простом плане, тут имелись нюансы — например, нужно быть готовым, что тебя тоже будут отлавливать, но всей толпой, и тоже мудохать до потери сознания. Главное, не сворачивать с выбранного пути после первой же неудачи.

Кроме того, нужно было хорошо рассчитывать свои силы. В моём случае выход один на один не давал мне гарантии победы — если только в случае с Лёхой, но он у них явно был не главным, и, возможно, остальные не принимали его мнение в расчет. В общем, вступая на скользкий путь мести, я должен был хорошо подготовиться.

Был и ещё один нюанс — Алла не знала, кто это такие и где их искать. Боб её в свою компанию ни разу не брал, уж не знаю по каким причинам; возможно, он собирался сначала её трахнуть, а уже потом предьявлять приятелям в качестве трофея. Но разгадывать эту загадку я не стал — единственным человеком, который знал точный ответ, был Боб, а он сейчас нёс армейскую службу в рядах советской армии. И мне, кстати, надо было выяснить, когда он собирается возвращаться с дембеля, потому что вряд ли этот товарищ просто так оставит то, что я наплевал на слова его миньонов. Ну и вряд ли они все вместе простят мне то, что я собирался с ними сделать.

У меня была лишь одна ниточка, за которую следовало потянуть. И тут мне могла помочь Алла, но она неожиданно закусила удила.

— Нет-нет, даже не проси! Диме я, конечно, позвоню, но про друзей Боба ничего спрашивать не буду. Егор, месть — это плохо, нельзя быть таким мстительным...

С моей точки зрения это была самозащита, но убедить в этом Аллу я не мог. Она считала, что я опять пытаюсь найти приключения на наши задницы, ввязаться в какие-то неприятности и всё такое. Пришлось включать режим зануды.

Я сел рядом с ней на диван и обнял её за плечи.

— Ал, если хочешь знать — мне дали неделю сроку.

— Неделю... на что?

— Чтобы я свалил от тебя подальше, — объяснил я. — И если я этого не сделаю, они вернутся снова. Я не знаю, насколько компанейским парнем был этот Боб, но как минимум трое приятелей у него есть. И я не справлюсь с троими, даже пытаться не буду, я не... не Рокки какой-нибудь. Поэтому и хочу выцепить их по одному и поговорить с каждым по душам. Возможно, такие индивидуальные беседы пойдут нам всем на пользу.

О том, что в качестве аргумента я собирался использовать ломик и ещё пару вещей, которых у меня ещё не было, я решил Алле не говорить. Она и так слишком погрузилась в те дела, которые я считал чисто мужскими.

— Блин... — в углу её глаза я заметил слезу. — Я... я пойму, если ты решишь уйти...

— Котёнок, я сам себя не пойму, если сделаю такое, — я успокаивающе погладил девушку по голове. — Но они — явная угроза, и эту угрозу надо устранить. Позвонишь Врубелю? Если нет, буду думать дальше. Всё равно нужно будет с ними разбираться...

— Но это неправильно!

Мы спорили на протяжении битых получаса. Алла всё-таки страдала комплексом отличницы и комсомолки, у которой силовой путь решения проблемы вызывал инстинктивное неприятие. Думаю, в конце я передал ей простой настойчивостью — она устала от бесконечного повторения одних и тех же аргументов. Но для меня важно было

другое — то, что она согласилась позвонить своему Димочке.

Врубель не стал ничего говорить Алле по телефону, но зато согласился встретиться с нами. Поэтому мне пришлось в срочном порядке менять планы на субботу, впихивая в них посещение самого настоящего ресторана. Вернее, по советской классификации это было кафе, но по крутизне среди определенной публики оно было равно иному ресторану. Как бы то ни было, но ровно в полдень мы с Аллой вышли из метро на Горького и под ручку направились к стеклянным дверям «Лиры».

Он ждал нас перед входом и был очень радушен — чмокнул Аллу в щеку, недолго потряс мне руку, а потом провел нас внутрь, бросив недовольному швейцару: «Костик, это со мной». Я морду кривить не стал — с ним так с ним. А Алла, кажется, и вовсе внимания на этот эпизод не обратила.

Внутри ничего не напоминало про первый «Макдональдс», а расположенное на месте будущего флагмана капиталистического общепита кафе выглядело как любое другое заведение советского общепита этой поры — кроме совсем уж роскошных, разумеется. Только огромные панорамные окна, выходящие на Тверской бульвар, и низко висящие плафоны создавали ощущение чего-то космического. В принципе, мне тут понравилось.

Разговор начался только после того, как строгая официантка приняла у нас заказ. Я ограничился бутылкой пива и сырной нарезкой, а Алла попросила чашечку эспрессо; я понятия не имел, как его тут готовят, но понадеялся на лучшее. А вот Врубель заказывал долго и вдумчиво — и первое, и второе, и какой-то коктейль в качестве аперитива, и бутылочку неплохого портвейна как допустимый в приличном обществе диджестив.

— Боб? Да, конечно, помню, — сказал он, отведав свой «Шампань-коблер». — Никакого таланта, как его только взяли на наш факультет, рисовать совсем не умел, перспективы не чувствовал, цвета мешал наобум, все экзамены провалил, разумеется, его на повтор оставили, а потом и в армию забрали.

— Когда? — поинтересовался я и приложился к своему напитку, к котором у прилагался пузатый фирменный стакан.

Пиво было «Московское оригинальное» — в продаже я такого не видел, но оно было много лучше любого «Жигулевского» и, наверное, расходилось исключительно по вот таким злачным местам.

— Да года два... сейчас, дай вспомнить, — он употребил ещё глоток своего коктейля. — Да, два года, но осенью. Я как раз после осеннего семестра ушел из института, и мы его провожали в «Арагви».

Я мысленно присвистнул. Этот Боб мог оказаться отпрыском очень непростой семьи, вступать в конфликт с которой может быть себе дороже. Но давать задний ход я не мог. Впрочем, сейчас понты кидали едва ли не все люди с деньгами и связями.

— А его приятелей знаешь? Родион, Михаил...

— А зачем они тебе? — Врубель задал этот вопрос дежурным тоном и не отвлекаясь от принесенной официанткой рыбы в кляре, но было видно, как он слегка напрягся.

— Недопонимание у нас вышло, мизандерстендинг, как говорят наши вероятные противники, — я улыбнулся. — Надо бы уладить всё, вот и ищу их следы. Это Аллы касается.

Аргумент был слабый, но Врубелю и его хватило. Всё-таки он симпатизировал этой девушке, хотя, кажется, без каких-либо последствий — для неё и себя.

— У меня есть телефон Родьки... — признался он. — Мы когда с Бобом дружили,

иногда устраивали вечеринки на свободных хатах. У Родьки Макар пел, но один, он тогда в очередной раз со всеми поругался и был без группы. Бесплатно выступил, по дружбе. Адрес не помню, извини. Где-то у вдныха.

Я мысленно хихикнул над его манерой произносить название главной выставки страны, но внешне сохранил серьезный вид — всё же мы говорили о важных вещах.

Я поблагодарил его за заветные циферки, которых мне, в принципе, было достаточно для начала поисков адресов. Но сразу уходить мы не стали. В конце концов, я не собирался посвящать сегодняшний вечер изблению друзей Боба. Это можно будет сделать в любой другой день.

Я заказал ещё пиво, а Алла, глядя на Врубеля, захотела такой же коктейль. Он стоил полтора рубля, но я был богат и щедр, а она была моей девушкой. Исход был немного предсказуем.

— Скоро будет обалденный концерт, — сказал Врубель, который закончил питаться и наслаждался розоватым портвейном. — Его не я делаю, знакомые, но там должно быть очень круто. Новая группа, у их солистки прямо-таки инопланетный голос, и она вроде бы иностранка... или из Прибалтики, не знаю. Хочу порекомендовать, но предупреждаю — всё будет в Бескудниково, туда сложно добраться.

«Браво»?», — вяло подумал я. Слушать песню про желтые ботинки мне не хотелось, но я был уверен, что Алле творчество Хавтана и Агузаровой понравится.

— Не иностранка, — улыбнулся я. — Ивона Андерс это псевдоним. Но голос действительно крутой, таких у нас больше и нет, пожалуй.

Алла удивленно уставилась на меня, на что я не отреагировал.

— О, ты слышал их? — заинтересовался Врубель.

— Пару песен, знакомый в общаге кассету откуда-то приволок. Но качество было ужасным, заезженная «МК-60» и дубовая «Электроника», — я ничего не выдумал, так оно и было, просто не вчера, а через год.

— Не, на такой аппаратуре их слушать нельзя, — неодобрительно покачал головой Врубель. — Я на студии был, когда они записывались, отвал башки просто. Ну как, хотите билеты? — я кивнул. — Хорошо, я на вас тогда закажу. Аллочка, я помню твой номер, как билеты будут у меня, сразу же наберу, — обратился он к моей спутнице. [1]

Алла только и смогла обреченно кивнуть.

После встречи с Врубелем мы снова отправились в мою родную общагу. Аллу я с некоторым сомнением отпустил к Ирке — с наказом ничего не говорить о приятелях Боба. Про мои дела с ними и так знало слишком много народу. Поначалу я думал привлечь к противостоянию Жасыма, как достаточно мощную боевую единицу, но потом отказался от этой идеи. Это моя война, и воевать буду я один. А противник... противник мог приходиться хоть толпой.

В свою комнату и вообще в свой корпус я не пошел. Мне нужен был тот любитель всяких опасных шпук, которого звали Стасиком. Вернее, Стасиком он стал только в конце второго курса, когда мы уже достаточно крепко сдружились. Он тогда отпустил усы щеточкой, усы внезапно оказались темно-рыжими, что резко контрастировало с его чернявостью, и к нему навсегда приклеилось прозвище наших родных рыжих тараканов, с которыми в общагах была сущая беда, несмотря на регулярные облавы. Вообще-то он был

Станиславом, сейчас откликнулся на Стаса или Славу, и был настоящим фанатом всего взрывающегося. Если верить его рассказам, свой первый пероксид ацетона он получил чуть ли не в утробе матери, а уж глицерин нитровал с молодых ногтей и безо всякого охлаждения. В этом он, разумеется, сильно преувеличивал, но в своем хобби разбирался довольно неплохо.

В моем будущем я отвык от внезапных визитов к незнакомым людям. Но сейчас у меня не было другого выхода, да и в студенческие годы знакомились примерно так, без лишних церемоний. Ну а их продолжение целиком зависело от степени мизантропии сторон. У Стаса и у меня с этим параметром всё было в порядке — уже через пару часов мы с ним могли бы пить на брудершафт, если бы у меня была такая цель.

Из трех общагских корпусов нашего института два были одинаковыми, стандартными пятнадцатипятиэтажками, а вот тот, в котором обитал Стас и его софакультетники, имел забавную конфигурацию и в просторечии слыл «крестом». Седьмой этаж, от лифта налево, третья дверь справа. Тут я часто бывал, но на втором курсе. Впрочем, особых отличий с тем, что я помнил, не было.

Я постучал, ответа не дождался, вошел в такой же блок, в котором жил до недавнего времени, и толкнул дверь в большую комнату. Она легко открылась. Внутри царил полумрак из-за задернутых штор; одна кровать была пустой, а вот на двух других нагло дрыхли два тела. Алкоголем не пахло, и вообще было достаточно чисто — ребята, которые тут обитали, пили только по великим праздникам и вообще следили за своей комнатой.

Я подошел к кровати Стаса, убедился, что там лежит именно он, и осторожно потолкал его в плечо. Потом потолкал чуть посильнее. И лишь когда я позвал его по имени, он соизволил продрать один глаз и посмотрел на меня.

— Привет, — дружелюбно сказал я. — Я Егор, учусь на инженерном, тоже на первом курсе. Мне тебя посоветовали, как знатока в некоторых вопросах.

Стас мученически закрыл глаз и простонал.

— А это не может подождать? — спросил он. — Мы легли только что... часа три назад... или... Сколько времени?

— Полтретьего, — с готовностью ответил я.

— Три с половиной...

— Преф?

— Угу.

— И как?

— Мы в плюсах, — вялое движение в сторону второго тела, — но небольших.

— Поздравляю. В минусах было бы хуже.

Ответом мне было согласное мычание.

Через преферанс мы и познакомились. Стас пришел к нам в комнату на очередное ночное бдение; в паре с ним был какой-то невзрачный паренек, которого я больше никогда не видел — точно не тот, что спал в этой же комнате, этот был, кажется, Ильей, и он был полностью ушиблен на всю голову, ещё хуже Стаса, но по другим направлениям. Вроде бы из-за спора с ним Стас и пошел устраивать тот фейерверк, после которого вылетел из института.

— Стас, — снова позвал я. — Мне нужен магний.

Не стоит ходить вокруг да около, когда человек находится в измененном состоянии сознания.

На меня снова посмотрел мутный глаз.

— Много?

— С килограмм.

Я точно не помнил расход этого реагента на небольшую войну и брал с хорошим запасом.

— Дофига... — протянул Стасик. — Столько нет, да и было бы — не дал. Там заебешься его шкерсти, руки потом дня два трясутся. Даже продавать не буду, самому нужен.

Но я и не рассчитывал на подобную щедрость.

По трезвому размышлению я отказался от идеи делать пугачи — их минусы перевешивали их же плюсы, — и решил, что для стычек с приятелями Боба мне вполне хватит самодельных бомбочек. Это была какая-то вариация чуть ли не штатной армейской светошумовой гранаты, которая неплохо слепила и глушила противника — вернее, всех, кто оказывался поблизости, без разбора. Для этих бомбочек кроме вполне доступной пока марганцовки нужен был второй компонент — тот самый магний, который в свободной продаже отсутствовал напрочь. Ходили слухи, что где-то магний продается на развес для каких-то хозяйственных нужд, причем сразу в порошкообразном виде, но на поверку его нигде было не купить. В специальном магазине на Кузнецком мосту он либо только-только был, либо скоро ожидался — но застать тот самый момент мне лично ни разу не удалось.

Где-то в середине третьего курса Стасик склонял меня совершить кражу — то есть позаимствовать магний из запасов лаборатории аналитической химии. Конечно, склонял он не только меня, а всех знакомых, и, кажется, так и не смог добиться взаимности ни от кого — в том числе и от меня. Я отказался по чисто прагматическим соображениям — мне не хотелось выводить из себя добряка-профессора. Правда, позже я узнал, что магниевый заговор Стаса и так не имел шансов на успех — в лаборатории этот металл отсутствовал как класс.

Но в природе встречались совершенно бесхозные залежи магния. Дело в том, что большевики и буржуи активно использовали его в вертолетостроении. До «Чинуков» и «Апачей» нам, понятное дело, было не добраться, но вот отечественные «Ми» регулярно опраивались на покой, и несколько деталек из магниевого сплава по какой-то причине обычно оставались внутри корпуса, из которого перед отправкой на свалку изымалось всё мало-мальски ценное. Конечно, вертолетные кладбища никто на карты не наносил и указателей на дорожках к ним не ставил, но знающие люди всегда были в курсе, где и что лежит и куда были новые поступления. Правда, эти кладбища обычно охранялись вооруженными военными солдатами, да и в целом надо знать, куда лезть и на что смотреть.

Но на этом трудности с добычей магния не заканчивались. Если все звезды сходились в нужную комбинацию, а заветные детали были добыты, то нужно было, как выразился Стасик, долго-долго «шкристи» напильником, чтобы получить небольшую порцию ингредиента.

Стасик был человеком, который всё это знал, умел и практиковал. И он был единственным из моих знакомых — в прошлом и будущем, — кто обладал нужной мне информацией и охотно ею делился.

— Мне не надо из запасов, хотя если решишь продавать, то куплю, без базара, — сказал я. — Мне достаточно наводки — где можно найти детали и что именно там искать.

— А... это...

Стас ненадолго подвис. Я знал это его состояние — он аккумулировал слова, чтобы

потом выдать длинную речь на заданную тему. На экзаменах эта особенность иногда становилась настоящим шоком для преподав. В принципе, Стас нормально учился, перебиваясь с «четверок» на «пятерки». Он мог быть и отличником, если бы уделял учёбе хотя бы половину того времени, что тратил на взрывоопасное хобби.

— На неделе на пятьдесят втором новые корпуса привезли, — наконец выдал он. — Движки сняли уже, но не целиком, несколько узлов остались. Надо искать маркировку... ВМЛ, Ме или Мг. Как найдешь, откручивай — там ключ нужен разводной и лучше парочку... отвертку тоже захвати, на шлиц. Одна деталь — грамм сто, двести, сколько соберешь, всё твоё. Только там прямо рядом военный аэродром, на нём охрана с автоматами, так что особо не шуми и надень что-то темное.

— А пятьдесят второй — это что? — уточнил я.

— Станция такая, с Курского туда ехать. От платформы на юг по дороге, метров через пятьсот будет просека налево — вот по ней и иди, как раз упруешься. Через колючку не лазь, пусть она там дырявая вся, пристрелят и всё, слышал про таких долбоёбов. А тебе зачем магний? — спросил он. [2]

Стас уже вполне проснулся и сумел разлепить и второй глаз. Ещё одной его особенностью было то, что про своё хобби он был готов говорить в любое время суток и в любом состоянии.

— Да хочу пиротехники немного сделать, девчонку одну удивить. У неё день рождения скоро.

— А, хорошее дело. Ладно, бывай, я досыпать.

Он отвернулся и натянул на голову одеяло. Но далеко уйти я не успел.

— Егор!

Я остановился и оглянулся.

— Да?

— Ты это... никому, лады?

— Конечно, — я улыбнулся. — Могила.

— И это... — он вдруг засмутился. — Если лишних деталюшек натащишь — я бы забрал...

— Без проблем, — пообещал я.

Чужого добра мне было не жалко. Тем более для Стаса.

На вертолетном кладбище я был один раз, где-то года через полтора от сегодняшней даты — мы со Стасиком и ещё каким-то его товарищем ездили как раз добывать детали из магния. Я помнил, что та наша поездка прошла почти впустую — всё приличное отвинтили до нас, а для неприличного у нас не было подходящих инструментов. И я совершенно забыл, куда именно мы ездили — кажется, тоже на восток области, но нужную остановку электрички не помнил. В последующей жизни мне эта информация была не нужна, и я был уверен, что после развала СССР она стала ещё и неактуальной.

Стас тогда предупреждал о нескольких опасностях, которые подстерегают юных магниефилов, и солдатики из караула местной военной части были наименьшим из зол. Поисковиков они гоняли, скорее, по приколу — Стас подозревал, что они просто от скуки иногда включали мощные прожектора, чтобы осмотреть вверенный их заботам сектор обстрела. Убить, правда, действительно могли — но только тех, кто зачем-то лез через периметр и не реагировал на неоднократные предупреждения. Стас мне рассказывал про два

точно известных ему случая, но, кажется, это было на других вертолетных кладбищах, а не на пятьдесят второй платформе.

При некоторой удаче эти опасности проходили стороной — как в ту мою поездку, когда мы никого не встретили, но и магния не нашли. Наверное, стоило позвать на добычу полезных ископаемых Стаса, но его состояние пока не предполагало дальнейшего знакомства, и я не стал настаивать.

[1] сознательный анахронизм, но не слишком большой. Концерт группы «Браво» в Бескудниково состоялся 18 марта 1984 года, а демки они записали в феврале.

[2] это место я придумал

Глава 7. Долг самурая

Добыть информацию о любом человеке в Советском Союзе было относительно легко. В Москве такую услугу предоставляли на Центральном телеграфе или в специальных киосках, которые были разбросаны по городу безо всякой видимой системы. Но нужно было знать фамилию, имя, отчество и точную дату рождения — ну и заплатить небольшую копеечку за услуги. Обычно этим сервисом пользовались приезжие, которые искали своих родственников, чтобы остановиться на время визита в столицу; что любопытно, они находили, и их пускали — но люди тут действительно были доверчивые, что потом аукнулось им в перестройку. Это был своеобразный оффлайн аналог популярной передачи «От всей души», только с анонимными тётеньками вместо Валентины Леонтьевой.

По понятным причинам я не мог использовать этот способ. Про миньонов Боба я знал только их имена и мог предполагать год рождения — наверняка в этой компании все были ровесниками. Для тётенок из справочных киосков этого было мало, и они бы с полным правом послали меня далеко и надолго — добывать недостающие анкетные данные. Наверное, можно было задобрить их, вручив в крошечное окошко некоторое количество хрустящих купюр, но я решил пока поберечь нажитое нелегким трудом. В конце концов, имелись и более простые способы.

И вечером, после возвращения домой, я вооружился тетрадным листком, позаимствовал из папиной коллекции самый непрезентабельный «кохинор» и оккупировал красный телефон в прихожей. Набрал подсказанный Врубелем номер и был готов дать отбой при первых признаках работы АОНа. Но этого не потребовалось — видимо, сейчас эта аппаратура была не слишком распространена даже среди продвинутых слоев населения.

— Алло?

Мне ответил приятный женский голос, и я вздохнул с облегчением. Говорить с самим Родионом мне пока было не о чем.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался я. — Извините, а можете позвать Женю?

— Женю? — удивилась женщина на том конце провода. — Молодой человек, вы, наверное, ошиблись, у нас нет никого с таким именем.

Я с некоторым облегчением выдохнул. В моём будущем я привык к тому, что неправильно набранный номер почти гарантировал окончание разговора буквально после первой фразы — почти никто не горел желанием утешать человека, набравшего не ту цифру. Но тут до поголовной телефонизации было далеко, и каждый разговор по волшебному аппарату мог продолжаться сколько угодно — особенно если попадешь на правильного собеседника. Эта женщина, кажется, была именно им, «правильным» — во всяком случае, с моей точки зрения.

— Да? — я изобразил огорчение. — Я же правильный номер набрал?

Я повторил подсказанную Врубелем последовательность цифр.

— Да, всё верно... — в её голосе сквозило сочувствие. — Жаль, что никаких Жень тут нет... Это же девушка, я угадала?

— Да, — я поймал кураж и мог, наверное, растрогать даже армейского прапорщика. — Мы познакомились на этой неделе, она дала свой... то есть ваш телефон... и позвала в гости, сказала — приезжай, я живу на Проспекте Мира, сто двадцать два, семьдесят восемь. Но я решил предварительно позвонить... и вот...

— Ох, знакомая ситуация, — сказала женщина. — Наверное, вы ей не понравились, бывает и такое. Она, наверное, вообще всё выдумала, у нас другой адрес — мы на Константинова живем, в девятом доме. Советую вам выбросить её из головы и не переживать. Судя по голосу, вы ещё достаточно молоды, у вас всё впереди.

— Да, пожалуй... вы правы. Хотя обидно... очень. Спасибо, что поддержали.

— Да не за что, — в трубке послышался смешок. — Знали бы вы, какие ситуации в жизни случаются! Что ж, удачи вам!

Я услышал короткие гудки отбоя и положил трубку на место. Потом аккуратно записал сказанный женщиной адрес на листок, поднял голову — и столкнулся с суровым взглядом Аллы.

— Тебя опять избьют!

Мне удалось увести Аллу в нашу комнату, прежде чем она начала обвинять меня в различных непотребствах — во время скандала на первой неделе совместной жизни нам только бабушки в пределах слышимости не хватало. Дверь я тоже закрыл поплотней, хотя и сомневался, что Алла сможет сдержать рвавшийся из неё крик. Впрочем, себя я чувствовал вполне нормально. Кроме того, я был уверен, что готовлю совершенно богоугодное дело.

— Если я ничего не буду делать — да, избьют, — спокойно ответил я. — Они уёбки. Только уёбки будут следить за девушкой и делать так, чтобы пацаны бросали её ради непонятно чего.

Алла обиженно засопела.

— Я им, конечно, в чем-то благодарен. Если бы не эти ребята, фиг бы мы с тобой познакомились. Вот такая закавыка, понимаешь, — я не слишком удачно спародировал Ельцина, которого тут если и знали, то только в его родном Свердловске. — Вот только теперь пора с этим заканчивать. А для этого им надо показать, что хранение твоего целомудрия переходит ко мне, а они могут поискать себе другое занятие.

— Скажешь тоже... — я добился, что Алла улыбнулась.

— Скажу, — подтвердил я. — Они мстительные, мелочные и очень неприятные люди. Но сталкиваться сразу со всеми я не готов. Их больше, они старше и крупнее. Один из них... вот этот, Родион... кажется, немного знает каратэ. Так что один на один будет честно, по любым понятиям. Но сами они на такое не пойдут, вот и приходится так — врать, врать и ещё раз врать. Не знаю, с кем я говорил, но если это мать, то странно, что у такой милой женщины выросло то, что выросло. Хотя по-разному в жизни случается...

Помнится, одним из героев сериала «Бригада» был сыном профессора или академика, которого воспитывали в очень правильном, советском ключе. Вот только потом, когда сложились определенные обстоятельства, этот правильно воспитанный академический сынок сел в «боевую машину вымогателя», научился виртуозно обращаться с пистолетом и пачками валил таких же дебилов, пока его самого не завалили. И пусть это было в сериале, который суть художественное преувеличение, он точно отражал реальности первоначального накопления капитала в российской версии. У нас в качалке занимался сын простой учительницы, которая уж наверняка не учила своего ребенка, как надо правильно засовывать паяльники в жопу другим людям. И был сын какого-то из секретарей то ли райкома, то ли чего-то подобного, и его отец буквально сегодня говорит правильные и мотивирующие лозунги про помощь ближним и взаимовыручку.

Кричать лозунги я тоже умел, но не видел в этом особого смысла. Я почти смирился с

тем, что один человек не сможет радикально изменить ход истории — особенно при активном противодействии. Фактически мне оставались только судьбы отдельных людей. Правда, и в этом направлении я далеко не продвинулся, а лишь сделал то, что мог сделать без долгой и муторной подготовки. Тот же Чикатило сидел в шахтинской ментовке, и если не случится очередного чуда, то он останется там достаточно надолго, а это — спасенные жизни, пусть и не слишком много. Спас Аллу. Не так уж и много, но не так уж и мало. Особенно если принять в расчет ещё и Елизавету Петровну.

Всё это, конечно, не давало полного удовлетворения моим амбициям. Я чувствовал, что колесо сансары сделало полный круг и вернуло меня обратно. Я снова пребывал в том состоянии, в котором попал в прошлое. Правда, за первый оборот я всё-таки сумел заработать пару плюсиков в карму — и то хлеб.

И пусть разборки с приятелями Боба были, с моей точки зрения, боями местного значения — их всё равно нужно было выигрывать. Иначе я не смогу победить там, где должен.

— И что ты собираешься делать?

— Пока ничего, — я пожал плечами. — У меня неделя на подготовку, и я собираюсь использовать её по полной программе. Например, завтра мы с тобой едем за грибами. А пока...

— За какими грибами? — перебила меня Алла.

— За самыми обычными грибными грибами. Они в лесу водятся, их можно жарить, варить, тушить, солить... хотя нет, эти надо сначала варить, а потом жарить, тогда не отравишься.

— Егор! — Алла подскочила ко мне и стукнула кулачком в плечо. — Я тебя когда-нибудь сама убью! Что за грибы?!

— Видишь ли, Алла...

— Егор!

— Ладно, ладно, котёнок, — я увернулся от кулачка, который был готов раздробить мне плечо, и обнял девушку, крепко прижав её к себе. — Самые обычные грибы. Они в лесах растут. Сейчас хорошее время, чтобы поискать какой-нибудь подножный корм и даже найти его.

— Ты надо мной издеваешься?

— Ни капли. Я действительно завтра хочу посетить один подмосковный лес и поискать там грибы, а ты можешь ко мне присоединиться — ну или провести воскресенье за другими, более интересными занятиями. Например, за очередным рефератом, — это был не очень честный прием, и он сработал.

В прошлое воскресенье Алла мужественно наверстывала учебное время, от которого она откосила в Анапе, и успела подготовить всё, что требовал строгий препод по какой-то из литератур. Но профессор не оценил её труды и раскритиковал написанный реферат за банальности — похоже, у них тоже практиковалось держание студентов в черном теле и постоянном страхе. У нас за это в основном отвечала Рыбка, но у неё было много единомышленников. Были, конечно, и препода-пофигисты, которых студенты любили, но сейчас я считал, что Рыбка и ей подобные всё же вдальбливали в нас больше знаний и делали это гораздо качественней — просто в мою первую жизнь мы не умели оценивать деяния по их последствиям и не очень понимали, чему нас вообще учат. Лучшие студенты обычно осознавали это курсу к третьему; хорошисты типа меня могли проникнуться происходящим в

стенах альма матер к диплому. У двоечников шансов на понимание не было — их безжалостно выкидывали после пары заваленных сессий, невзирая ни на какие оправдания.

Аллу я тогда сумел успокоить — мол, если бы твой реферат был плохим, преподаватель предпочел бы его совсем не заметить. А так он уделил ему время, прочитал и указал ей на ошибки, которых, по его мнению, могло и не быть. Другое дело, что после поездки мозг Аллы, видимо, был способен генерировать только банальности, но вряд ли об этом стоило ставить в известность сотрудников института. Да и, скорее всего, им было бы глубоко пофиг на трудности отдельно взятого ученика.

И хотя Алла мои объяснения приняла, но самоотверженный труд по выходным заметно сократила. Например, ни в День Победы, ни сегодня, в субботу, она к учебникам даже не притронулась.

— Нет уж, одного я тебя никуда не отпущу! — Алла вывернулась из моих объятий и ткнула указательным пальцем в мое солнечное сплетение. — Иначе ты опять во что-нибудь ввяжешься!

— Да, за мной глаз да глаз нужен, — согласился я. — Пойдем котлет пожарим?

Это тоже был запрещенный прием. От еды Алла никогда не отказывалась.

Продукцию местной кулинарии я опробовал ещё в самый первый день своего попаданчества и в целом остался доволен; за сорок лет я успел позабыть эти вкусы и эти полуфабрикаты. Фарш, например, тут продавали вполне сносный — если не думать, из чего его намешали, и не обращать внимания на запредельное количество лука. Во всяком случае, котлетки из него получались съедобные, особенно если не жалеть белого хлеба и соли. Я и не жалел, клал и того, и другого от души, опасаясь только пересолить. Со всем остальным я был готов примириться.

Бабушка пришла из своей комнаты в самый разгар готовки, молча включила телевизор и некоторое время увлеченно следила за каким-то телеспектаклем с неплохим актерским составом — там играли Этуш, Юрский, Немоляева, Смехов, Гафт и прочие звезды, слава которых сумела продержаться как минимум следующие сорок лет. Они были ещё относительно молодыми и бодрыми, даже Каневский, его я помнил по циклу следственных документалок, которые он уже вёл глубоким стариком. Но пока что майор Томин ещё не обзавелся благородной сединой, а был полноценным брюнетом. [1]

Но потом она поинтересовалась нашими планами на воскресенье, и внучка огорошила её моими грибами.

— Грибы? В мае?

— Говорят, сморчки уже пошли, — ответил я, следя, чтобы котлеты не пригорели к массивной чугунной сковороде. — Но посмотрим, что попадет, хотя на белые я не рассчитываю.

За неделю я успел хорошо обжиться на кухне, а Елизавета Петровна всячески приветствовала мои устремления и помогала в случае нужды. Это не было эксплуатацией внезапно свалившегося меня — я подозревал, что бабушка была готова стоять у плиты днями и ночами, лишь бы мы с Аллой были сыты, здоровы и не помышляли о расставании. Но если я проявлял желание что-то приготовить сам, бабушка категорически не возражала.

Правда, обычно она к ужину всё делала сама, и я не вмешивался в этот процесс, чтобы не плодить сущностей и недоеденных блюд. Но сегодня я успел первым. На мои котлеты бабушка смотрела одобрительно; рядом с плитой имелась целая кастрюля отварной

картошки, которую она приготовила, наверное, ещё в обед, но вот ничего мясного к гарниру почему-то не было.

— Сморчки? — нахмурилась Елизавета Петровна. — Я слышала, они ядовитые.

— Сырые — да, лучше даже не пробовать. А если их правильно приготовить, то ничего страшного. И там не сложно — сварить, воду слить, а потом пожарить.

С весенними грибами меня познакомила одна из любовниц. Мы прожили вместе целый год, и она едва не стала моей третьей женой, но ей подвернулся какой-то другой, более выгодный вариант, и мне дали отставку. Но одну весну я провёл в её обществе, и она заставляла меня возить её в лес. От самих грибов я, правда, отказывался — мне был неприятен их запах. Впрочем, я надеялся, что наш завтрашний поход в лес закончится хорошо, и мы не найдем ни одного строчка или сморчка.

— Ну если ты знаешь, как... — с сомнением сказала бабушка. — Но я поговорю с Ленкой, она большой специалист в этом вопросе.

Ленка, видимо, была одним из членов вохровской мафии. Впрочем, мне это было не слишком интересно.

— Опыт и у меня есть. Но и совету я буду рад, — сказал я. — А если ваша знакомая заберет нашу добычу, то, наверное, будет даже лучше.

— Мы же не за грибами поедем?

Я покачал головой.

— Конечно, нет. Но сморчки и строчки сейчас найти можно, особенно после сегодняшнего дождя, так что внимательнее смотри под ноги, вдруг соберем развлечение для этой бабушкиной Ленки.

После сытного ужина мы оставили Елизавету Петровну досматривать историю про старого развратника в исполнении Этуша, а сами уползли в свою комнату. Меня этот день немного вымотал, и я отвалился на диван, размышляя на тему немного подремать перед сном. Но такой поступок в более зрелом возрасте приводил к очень предсказуемым последствиям — я колобродил всю ночь и на следующий день был разбитым и невыспавшимся. Сейчас, конечно, мой организм мог справиться с этими проблемами. Я уже выяснил, что могу заснуть почти везде и в любой обстановке. А взрослое сознание позволяло мне адекватно оценивать возможные поводы для волнений.

Но Алле надо было договорить. Она притащила с собой кружку кофе, приготовленную мною лично, и сидела за отцовским столом, понемногу отхлебывая горячий напиток.

— Это всё хорошо, но тогда зачем нам куда-то ехать? Думаю, тётя Лена и без твоих сморчков проживет.

Конечно, проживет. В первом варианте истории она именно так и поступила — и наверняка не слишком расстроилась этому.

— Куда она денется, — сказал я вслух. — На самом деле мы едем на кладбище.

Я постарался сказать это самым обычным голосом, и, кажется, у меня получилось.

— Н-на какое клад... кладбище? — Алла внезапно начала заикаться.

Я выдержал небольшую паузу.

— На самое обычное, на какое же ещё, — сказал я. — Вертолетное. Туда свозят вертолеты, которые уже не летают.

— Егор!

— Что?

— Я тебя прикончу!

— Не надо, я хороший, — я улыбнулся. — Извини, не мог удержаться. Ты так забавно испугалась.

— Я тебя сейчас испугаю! Я чуть не поперхнулась.

— Но ведь не поперхнулась же?

— Егор! Так что там с вертолетами? Надеюсь, ты не собираешься их угонять? — с опаской в голосе спросила она.

Я представил эту картину — когда-то я хотел был пилотом именно вертолета, носиться над полями и лесами под вдохновляющую на разрушения музыку Вагнера и чувствовать себя вершителем судеб. Впрочем, как и многие другие мои хотелки, эта осталась нереализованной. К тому же сейчас я хорошо представлял себе, что такое вылет боевого «Аллигатора» и как все враги в окрестностях хотят его приземлить. Во время двух русско-украинских конфликтов было много видеороликов работы этих бронированных чудовищ.

— Это невозможно, котенок...

— Егор!

— Я и говорю — невозможно, — невозмутимо продолжил я. — Там одни корпуса лежат, даже винты сняты, и вся начинка вытащена. Так что никаких угонов, к сожалению.

— А зачем они тебе тогда? — недоуменно спросила Алла.

— Там остаются детальки из магния, а магний это очень ценная вещь, из него можно новогодние фейерверки наделать. Вот мы и позаимствуем пару штук. Они легкие совсем, не надорвемся.

— И это не опасно?

— Ни капли. А на обратном пути сморчков поищем, вдруг нам повезет?

— Егор!

Я рассмеялся. Алла очень забавно возмущалась — у неё морщилась переносица, носик задирался ещё выше, а глаза становились похожими на глаза героев японских мультфильмов. Только они были не совсем милыми — а, скорее, показывали весь её гнев. Гнев маленького котенка.

Алла насупилась, обхватила чашку двумя ладонями и спрятала в ней лицо. Пришлось вставать с уютного лежбища, подходить к девушке и тыкаться лбом в её затылок.

— Извини, Ал. Что-то я сегодня слишком наглый, что ли. Ещё не отошел от разговора с мамой этого... И от них самих...

— Понимаю, — тихо сказала она. — Но хватит на сегодня, я из-за твоих планов сама на взводе, боюсь страшно... Может, лучше будет, если ты от меня уйдешь? И драться ни с кем не...

— Не говори так, — оборвал я её. — Знаешь, у японских самураев есть такой кодекс Бусидо, по которому они живут. И один из пунктов прямо говорит — надо понимать, что позорит честь. Вот если я оставлю тебя из-за угроз этих ублюдков, это опозорит мою честь. И мне останется только совершить сэппуку.

— Что совершить?

— Это у них такой обычай, — объяснил я. — Опозорившийся самурай садился на пол и вспарывал себе живот с помощью вакидзаси, а его лучший друг — я попрошу Жасыма — отрубал ему голову катаной.

— Егор! Что за ужасы ты рассказываешь?! — Алла развернулась ко мне, едва не опрокинув кофе.

— Это красивый обычай древнего народа... ну, не очень красивый, скорее, жестокий и кровавый, но я буду вынужден сделать это. Женщины, кстати, тоже что-то подобное делали, только они горло перерезали.

Все мои познания в кодексе Бусидо и самурайских обычаях были получены из художественных фильмов, которые пока не добрались до советских зрителей, но Алле этого знать не стоило. Она и так восприняла всё это слишком всерьез.

— Егор!

— Да ладно, ладно. Шучу. Не буду я делать никакую сеппуку. Но и тебя не брошу. А поэтому мне нужно заставить этих ребят передумать. Просто я ещё не придумал, как именно. Но в любом случае, это будет не завтра. Завтра нас ждут грибы и вертолеты.

Заснуть в этот день мне удалось не сразу, несмотря на все мои таланты и юное тело. Обычай резать себя большим острым ножом почему-то задел в моей душе какие-то струнки — хотя, наверное, и не совсем те, на которые рассчитывали те, кто придумал так смывать позор. Я вдруг понял, что хочу законсервировать 1984 год, чтобы он сохранился на веки вечные — ну или хотя на то время, которое отмерено мне, моим детям и моим внукам.

Оруэлл оказался неправ. Выбранный им год оказался самым лучшим в новейшей истории человечества. Где-то, конечно, шли войны; где-то от голода и болезней умирали люди. Кто-то зарабатывал на страданиях, кто-то разорялся, страдая. Но в мире в кои-то веки возник баланс, который не позволял главным игрокам совершать резких движений. Баланс был достигнут всей предыдущей историей взаимоотношений востока и запада, его, кажется, никто не видел из тех, кто жил здесь и сейчас и по первому разу. Я же знал, что буквально через год хрупкое равновесие будет разрушено, когда в посудную лавку ворвется Михаил Сергеевич Горбачев.

Был ли он виноват в том, что случилось потом? Безусловно. Власть мало взять, её нужно удержать. С первым ему безусловно помогли — возможно, это были как раз те ребята из ГКЧП, но, может, и кто-то из тех, кто уже сегодня имеет всю полноту власти на одной шестой суши. Я этого не знал, но это было неважно. А вот с удержанием у товарища Горбачева ничего не получилось, всё-таки он был настоящим неудачником, даже Хрущев на его фоне выглядел вполне прилично...

Я замер в темноте, боясь потерять с таким трудом нащупанную нить. Было очень соблазнительно объявить Горбачева идиотом — да и не только его, но и всех его предшественников скопом. Мол, им оставили страну с ядерной бомбой и кучей миньонов, а они всё проебали, как последние лохи, ну, кроме бомбы, слава богам и добрым людям, иначе всё, что происходило за несколько лет до моего попадания, могло закончиться совершенно иначе.

Но я помнил популярную максиму — про то, что сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения. Хотя как рабочую версию её стоило принять. Принцип Питера, в конце концов, никто не отменял, а тот же Горбачев ещё на уровне ЦК не продемонстрировал ничего, что выделяло его на фоне многочисленных секретарей или даже рядовых членов этого авторитетного органа. [2]

Его, конечно, запикивали во всевозможные комиссии и посылали с ответственными поручениями, но был ли с этого толк? Я не помнил. Но выяснить было проще простого. Нужно было снова посетить библиотеку, опять полистать подшивку «Правды», выбрать оттуда всё, что так или иначе связано с определенной фамилией, занимавшей определенный

пост. Это шесть лет, двести с лишним номеров в год и восемь страниц. Все страницы смотреть не обязательно — культуру и спорт можно пропустить, да и вообще секретарей ЦК КПСС местные СМИ старались не опускать ниже третьей страницы. В общем, за пару дней можно было управиться — и либо подтвердить, либо опровергнуть мою теорию о некомпетентности товарища Горбачева.

Откровенно говоря, мне очень хотелось с кем-нибудь поделиться своими знаниями. С кем-то более опытным, знающим и сообразительным, кто сможет в рассыпанных там и сям по моей памяти осколках будущего увидеть масштаб катастрофы и пути её предотвращения. Сам я, похоже, был на это не способен, потому что для меня будущее катастрофой не было — я там просто жил и в меру сил выживал. Правда, подходящего человека на роль конфиденанта не имелось. Им мог стать старик с Сокола, который пока что был вне досягаемости моих откровений.

Но для продолжения моих библиотечных изысканий мне нужно было разобраться с прихлебателями Боба. Причем так, чтобы они навсегда забыли о моём существовании и о существовании Аллы.

[1] В субботу, 12 мая 1984 года, первый канал ЦТ вечером показывал телеспектакль «Месье Ленуар, который...» по пьесе французского драматурга Армана Салакру. К моему стыду я этот спектакль не видел, но аннотация и не вдохновляет. Обычный детектив в закрытом помещении, а убийца — дворецкий.

[2] Автор цитаты про простые решения — Артур Блох. Принцип Питера звучит так: «В иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности».

Глава 8. Грибы отсюда

В воскресенье мы встали в несусветную рань, и несколько долгих минут после того, как прозвенел будильник, мне дико хотелось снова закрыть глаза и никуда не ездить. Но я понимал, что магний сам себя не добудет, а без него мои разборки с друзьями Боба пройдут на совсем другом уровне, на котором я уступал своим соперникам почти по всем параметрам. Выходить на честный бой один на один с тем же Родионом я бы не стал. Мне нужен был засадный полк.

Утренняя электричка из Москвы была совершенно пустой, и кроме нас в вагоне сидело всего два человека. Алла доверчиво прижалась ко мне, обхватила мою руку и досматривала сны, от которых я её так жестоко оторвал. Лишь однажды — по какому-то совпадению, не иначе, это было совсем недалеко от Кратово — она тихо промурлыкала мне прямо в ухо, что не прочь скоро перейти к следующему этапу.

Я не сразу понял, о чем она, а когда понял — слегка запаниковал. Я точно знал, что средства контрацепции в этом времени были очень специфическим товаром. Нормальные «изделия номер два» были в лёгком дефиците — примерно как нормальная колбаса; при некотором везении их можно было купить, но лучше целенаправленно охотиться, а не полагаться на случай. При этом они всё равно были именно что «изделием» — толстым, грубым и, кажется, одноразмерным. Я не возражал против применения этих пыточных орудий; опыт у меня имелся, хотя и нельзя сказать, что удачный. С первой женой мы пытались научиться эксплуатации данных «изделий», но это оказалось очень сложно; впрочем, больше всего нашему процессу познания добра и зла мешали её родители.

С Аллой и со звукоизоляцией на дверях, наверное, всё пройдет нормально. Но ни один презерватив, даже самый навороченный, не давал стопроцентной гарантии отсутствия последствий. Там, конечно, были какие-то небольшие проценты в пользу беременности, но неправильное использование значительно повышало вероятность появления ребенка. А в том, что мы поначалу будем использовать эти вещи неправильно, я не сомневался.

Правда, заводить ребенка во время проживания на птичьих правах у её бабушки было немного опрометчиво. Нам всё-таки нужно собственное жильё.

— Можем попробовать, — сказал я. — Только надо презервативами озаботится... ну это чтобы не залететь...

— Я знаю, глупенький! — Алла пихнула меня в бок. — Мне Ирка все уши прожужжала на эту тему, ты ещё не начинай. И я у неё импортные возьму, они со смазкой!

Советские тоже были со смазкой, но я не стал говорить об этом. В этом времени вера в волшебные свойства зарубежных товаров была очень сильной, и средств контрацепции эта мода стороной не обошла. Много позже я узнал, что среди импортных презервативов, которые всё-таки попадали в Союз, частенько встречались те, которые были предназначались для анальных половых актов — то ли они были дешевле прочих, то ли по какой-то другой причине. Меня подмывало уточнить, знает ли Алла, зачем презервативам нужна смазка, но я решил пожалеть девушку.

— Ну раз со смазкой, то бери, конечно. Она и за них деньги захочет?

Десятку за концерт я Ирке вернул — через Аллу, конечно. А одновременно узнал, что эта Ирка была той ещё подругой — ей где-то перепадал небольшой ручеек западных шмоток, которые она сбывала Алле, безбожно накручивая исходную цену. Например, за красную

кожаную курточку Ирка получила триста рублей — примерно две цены, если ориентироваться на похожие изделия советских мастеров индпошива. Мне этот спекулянтский подход не нравился, но я старался особо не топить эту алчную особу, хотя сдерживать язык мне было очень и очень сложно.

— Не знаю, спрошу. А если за деньги — не брать?

— Смотря за сколько денег, — философски ответил я.

На платформе было пустынно. Сюда никому не было нужно — и никому не нужно было ехать отсюда в сторону Куровского.

— Какое-то мрачное место, — пожаловалась Алла. — Тут неуютно.

Я был уверен, что с утра мало где уютно — если это не внезапная баня под Красным Колосом.

— Ничего, мы скоро вернемся в цивилизацию, — пообещал я. — Сделаем, за чем приехали, соберем грибы — и сразу же обратно.

— Егор!

— Что?

— Ну какие грибы?! — для разнообразия меня стукнули по хребту.

— Я же рассказывал вчера...

— Егор!

— Всё, понял, понял, молчу, — я успел увернуться от очередного тычка и взял Аллу под руку. — Пошли, нам сюда.

Так-то платформа была самой обычной — две бетонные площадки с четырьмя нитками рельс между ними. С севера виднелись какие-то домики небольшого поселка, а с юга к железной дороге вплотную подступал смешанный лес, в котором, наверное, можно было найти те самые сморчки — если нас, конечно, не опередили местные жители. И я, в принципе, хотел это проверить — но на обратном пути.

Похолодание, которое накрыло Москву после девятого мая, заканчиваться не хотело. По телевизору я слышал, что это был какой-то антициклон, пришедший из капиталистических стран, чтобы заморозить строителей коммунизма; ведущие обещали, что скоро передовая научная мысль справится с этой напастью и в столице снова будет тепло и солнечно. Впрочем, ниже нуля температура пока что не опускалась, а сегодня вообще обещали довольно комфортные пятнадцать градусов тепла. Для меня все эти цифры никакого значения не имели — мой гардероб не был рассчитан на небольшие колебания показаний градусника, он отражал выстраданную поколениями мысль, что на Руси — ну и в СССР разумеется — испокон веков было три времени года — зима, сев и уборка урожая. К середине мая зима обычно заканчивалась, а для периода сева я пользовался всё теми же брюками и курточкой, в которых ездил на юг; под куртку надел свитер — и посчитал, что справлюсь с любыми холодами. Пачкать условно-выходную одежду мне очень не хотелось, но другого выхода у меня пока не было. Ещё со мной поехала моя институтская сумка, из которой я безжалостно выкинул учебники и тетрадки, но зато положил внутрь два разводных ключа — вещь в хозяйстве полезную безотносительно добычи магния, — и пару отверток, которые путешествовали с нами на юг. Ну и ломик с ручкой из изоленты тоже — на всякий неприятный случай.

В принципе, я уже был готов к тому, чтобы запрячь Аллу на настоящий шопинг по хорошим универсам, названным в честь городов стран социалистического лагеря. Они

были разбросаны по всей Москве, в них иногда выкидывали неплохие шмотки, что вызывало целое столпотворение. Но там можно было прилично одеться и без пресловутого дефицита, особенно если не слишком внимательно смотреть на цены, а я сейчас мог себе позволить немного пошвыряться деньгами.

Алла оделась, на мой взгляд, ярковато — в красной курточке и в джинсах в обтяжку она буквально притягивала взгляды, пока мы ехали в метро. Но её рюкзак частично скрывал эту красоту, да и менять куртку Алла отказалась наотрез — поскольку этот предмет одежды был одним из немногих, которые у неё остались в память о маме, та купила его дочери буквально за год до смерти. Я не стал применять запрещенный прием и указывать, что Алла уже немного переросла эту куртку, хотя рукава ей были явно коротки.

Стасик не обманул. Дорожку на юг мы нашли быстро; она скрывалась за деревьями, но туда вела натоптанная тропа. Вскоре обнаружилась и просека, уходящая влево — по ней шла линия электропередач. А затем мы попали на огромную поляну, на которой в диком беспорядке валялись корпуса различной авиа- и автомобильной техники. Они были частью ржавые, частью блестящие — поскольку были изготовлены из нержавеющей стали, но все без исключения носили следы вандализма. Я не знал, что с ними предполагалось делать. Возможно, их хранили для какого-нибудь страшного будущего или до того невероятного будущего, в котором металлурги разработают способы утилизации этого хозяйства. Вот только те же армейские КрАЗы скорее распадутся хлопьями ржавчины, чем дождутся попадания в доменные печи.

Были здесь и корпуса вертолетов — не очень много, но прилично, около десятка. В основном это были остатки продукции конструкторского бюро Миля ранних версий, но ни одной большой «восьмерки» тут не было — эту я узнал бы даже в разобранном виде. Не было и камовских машин с характерными двумя соосными винтами.

Большинство вертолетных останков валялись на этом поле давно; через один корпус даже пробил себе дорогу осиновый ствол. Но парочка действительно появились недавно — дёрн вокруг них был покорёжен колесами тяжелых грузовиков и были хорошо заметны четыре глубоких отпечатка опор автомобильного крана, до краев заполненных водой от вчерашнего дождя.

К этим вертолетам мы и направились.

Распотрошили их знатно. Не было большой балки заднего винта, лопасти были сняты и аккуратно лежали рядом на двух бревнах. Не сохранилось ни одного стекла — и не было похоже, что их разбили. Снаружи и внутри не осталось ни одного прибора, сняли и сиденья пилотов, и все ручки управления, и даже перегородку демонтировали. Двигателя, понятное дело, тоже не было. Свисали какие-то забытые провода, куски внутренней обшивки, которые забыли ободрать до конца; в углу салона первого из вертолетов лежала кучка земли, видимо, попавшая сюда в процессе перегрузки.

— Тут совсем мрачно, — констатировала Алла.

Я был с ней полностью согласен.

— Да, — кивнул я. — Ещё и опасно. Вон там, — я указал в сторону недалекого забора из колючей проволоки, — ходят ребята с автоматами, так что лучше громко не шуметь. Ладно, пошли смотреть, что нам тут оставили.

Мы залезли в салон первого вертолета. Алла просто встала посередине и начала с любопытством осматриваться, а я пошел изучать детальки. Уже вторая мне подходила — я

понятия не имел, что она делает, но на ней была нужная аббревиатура. Открутилась она тоже легко — и вскоре оказалась в моей сумке.

Магний не очень тяжелый металл; он легче алюминия, но прочный и легко прессуется. Потому его так любят использовать в различных авиаподелках вроде этого вертолета. Я никогда не задавался вопросом, почему детали из магния остаются на месте после демонтажа всего остального хозяйства; возможно, металлурги ещё не решили, что с ними делать — как и с самими корпусами старых вертолетов.

С этого вертолета я собрал три детальки — по прикидкам это было около полкилограмма чистого магния. Позвал Аллу, и мы переместились в соседний корпус — он стоял чуть дальше от военного городка и в нем я чувствовал себя немного безопаснее. Тут нужных деталек было побольше, пара открутилась легко, а вот с остальными нужно было повозиться. Иногда я просил помощи у Аллы — подержать ключ или что-то такое, но в целом мне было неловко, что она просто скучала. Но и отпускать её слишком далеко от себя я не хотел. Не то место и не то время. Менты и военные не дремлют.

Военные были опасностью понятной. У милиции же иногда случались рейды на тему расхитителей социалистической собственности, а под эту статью поисковики попадали на раз-два, была бы воля недоброго следователя. К тому же хлопот с ними было гораздо меньше, чем с нормальными несунами, промышленявшими на окрестных заводах, магазинах и товарно-сырьевых базах. Наказание там, правда, было не слишком серьезным — какой-то небольшой штраф, — если, конечно, не настаивать на том, что ты сознательно обдирал государственную военную технику с целью изготовления взрывных устройств, — но времени можно было потерять кучу, да и ещё и неприятности поиметь с деканатом, куда письмо о совершенном правонарушении поступит в обязательном порядке.

Впрочем, с милицией всегда можно было договориться, если убедительно играть в «незнайку», иметь жалостный вид и стоять на своём — мол, увидел классные вертолетики и не удержался, отвинтил на память то, что было плохо привинчено. От разводных ключей и отверток при этом надо было каким-то образом избавиться до задержания. Но Стас утверждал, что иногда милиционеры закрывали на экипировку глаза — если над ними не висел план по задержаниям, можно было отделаться отеческим внушением и пендалем под зад для ускорения.

Аллу я, кстати, взял именно на случай конфликта с ментами — болтающаяся по лесу влюбленная пара по умолчанию не выглядит лакомой добычей для пополнения коллекции «палок» в отчетах.

Но нас застукали не менты и не военные.

Два мужика средних лет были одеты в брезентовые штормовки, резиновые сапоги и имели с собой по паре плетенных из лозы корзинок — в дополнение к висящим за спинами рюкзакам. Они вышли из леса неожиданно, и если бы не Алла, я бы их не увидел до самого последнего момента. А так я бросил отвинчивать очередную деталь, убрал инструменты в сумку, и мы встали в дверном проеме «нашего» вертолета. Я ещё обнял Аллу за плечи и принял немного огорченный вид.

— Егор, это опасно? — тихо спросила Алла.

— Не знаю, но ничего не бойся, отбредемся, — шепнул я ей на ухо.

Стас упоминал и про конкурентов в деле добычи ценных металлов из старых вертолетов. Суровые поисковики воровали вообще всё ценное, что оставалось в вертолетных

корпусах после официальной разборки, и любителей вроде нас рассматривали как временных хранителей своей добычи. Магний их интересовал не в первую очередь, но уже отвинченное они отбирали с удовольствием — среди студентов не было дураков спорить с серьезными хмурыми дядьками, поэтому приходилось скидывать хабар и уходить несолоно хлебавши.

Эти мужики, судя по всему, были опытными ребятами. Они подошли к первому вертолету, осмотрели его и направились прямо к нам.

— Эй, вы, сумки вывернули и свалили отсюда нахрен, — сказал тот, что был повыше.

— Кто первый встал, того и тапки, — я немного выступил вперед и задвинул Аллу за себя, вглубь салона.

Нечего ей оставаться на линии огня.

— А по рогам?

— А в ответку?

Вид у мужиков был решительный. Судя по всему, они занимались каким-то бизнесом, но я не знал, в чем он мог заключаться, а Стас ничего подобного никогда не упоминал. И мой единственный выезд на вертолетное кладбище в прошлой жизни закончился вполне мирно, без столкновения с местными. Хотя мужики вполне могли быть такими же приезжими, как мы с Аллой.

Доставать ломик я не торопился. С этих долбоклюев станется в ответ достать из рюкзаков по обрезу, с помощью которых они обычно устраняют конкурентов. Конечно, палить рядом с караулом воинской части — не самая умная идея, но кто знает, что у этих товарищей в их заточенных на воровство головах.

— Может, разойдемся? Отдам половину добытого, и тут ещё много чего можно открутить, — предложил я.

Уже лежащего в сумке металла было жалко, я его считал своим собственным, но лучше так, чем прорываться с боем. К тому же по моим прикидкам, я уже набрал пару кило, так что половины в любом случае хватит на все мои задумки. А если не хватит — можно снова пересечься со Стасиком. Вертолетов в Стране Советов дофига, и они регулярно отправляются на покой — в том числе и на подобные кладбища в Подмосковье.

Высокий ненадолго задумался.

— Не пойдет, — покачал он головой. — Вываливай всё, что в сумке у тебя и в рюкзаке у неё — и валите отсюда.

Похоже, глаз у него был очень наметанный.

— У неё ничего нет, — ответил я. — И, похоже, мы не договоримся.

Моя рука уже была в сумке и сжимала рукоятку ломика. Мне не нравилась ситуация, не нравилось, что их было двое против меня одного, не нравилось, что к моей спине прижималась перепуганная Алла. Дракой на равных тут и не пахло — и я ещё не знал, чем вооружены эти добытчики магния.

Спасла нас, как ни странно, Алла. Она вдруг резко завизжала так, что у меня от неожиданности заложило уши. Мужики тоже растерялись, немного присели, осмотрелись... а в стороне воинской части с резким щелчком включился мощный прожектор, разогнавший утреннюю хмарь, и послышался какой-то крик. Мельком я заметил, как мужики упали на карачки и в таком полусогнутом состоянии побежали в сторону ближайших деревьев — это выглядело даже комично, но сама ситуация к веселью не располагала. К тому же я был готов поклясться, что где-то там, за колючей проволокой, невидимые солдатики передернули

затворы своих «калашниковых».

Я не стал искушать судьбу — схватил Аллу в охапку и упал с ней на пол, постаравшись прикрыть девушку своим телом. Ещё я надеялся, что автоматные пули не смогут пробить корпус вертолета — этот старичок уже отслужил своё, но делали его на совесть. Впрочем, стрельба так и не началась, хотя прожектор долго водил своим лучом туда-сюда по кладбищу техники, нигде особо не задерживаясь.

Мы лежали на полу вертолета с полчаса, не меньше, но нас так никто не потревожил. Наконец я уверился, что пронесло — видимо, солдатики в карауле решили, что сумели прогнать злоумышленников, а приказа покинуть пост и преследовать врага не последовало.

— Всё, встаем, котёнок, — прошептал я. — Только очень аккуратно и по стеночке.

Алла послушалась.

Когда она поднялась, я разглядел на её лице слезы — и вытер мокрые щеки ладонью.

— Егор, куда мы всё время влипаем? Почему так происходит? — с каким-то отчаянием прошипела она.

— Случайно, — всё также шепотом ответил я. — Всё происходит случайно. Тут не должно было быть этих мужиков, а солдатакам незачем всё время смотреть сюда. Мы бы уже давно ехали обратно, если я правильно помню расписание. Но теперь придется чуть задержаться. Присядь тут, сбоку, я сейчас.

Я открутил ту деталь, от которой меня оторвали незваные гости, и отправил её в свою сумку. Потом заставил Аллу снять её красную курточку и спрятать её в рюкзак. Вряд ли после такой встряски она замерзнет, а вот привлечь внимание напрягшихся солдатиков нам было нельзя. Мы подобрались к двери вертолета, и я указал на одинокую сосну, которая стояла отдельно от остальных деревьев и в стороне от направления, куда убежали мужики.

— Всё, пошли, вон туда, только пригнись, — я подтолкнул её в попку.

Она послушалась, а я двинулся следом, снова прикрывая её собой.

Я надеялся, что наши оппоненты убежали очень далеко, а не затаились в кустах, дожидаясь, пока мы не вынесем драгоценный магний прямо им в руки. Впрочем, если это были не обученные шпионы из ЦРУ, которые пытались раскрыть тайны советского вертолетостроения, а обычные хапуги, тащившие всё, что плохо лежало, то они не вернуться к этому кладбищу ещё с месяц. Просто на всякий случай.

Но всё обошлось — кусты пустовали, и когда между нами и полянкой со старой техникой оказалось достаточно деревьев, я сумел заставить себя остановиться. Аллу, правда, пришлось окликать дважды — в первый раз голос меня подвел, и я выдал лишь какой-то невнятный сип.

— Всё, привал, — сказал я. — У меня бутерброды с собой. Хочешь?

Алла покачала головой.

— Я сейчас не смогу есть. Мне бы пописать... от страха захотелось.

— Ну это легко. Весь лес к твоим услугам, — я обвел рукой полянку, на которой мы стояли. — Эй! Только не туда!

Она замерла на месте с припущенными джинсами и трусами и принялась озираться по сторонам.

— Не, ничего страшного, — успокоил я её. — Просто там, куда ты прицелилась, растет целое семейство сморчков. Вряд ли будет правильно их описать? Хотя дома помоем, будут лучше прежнего.

Алла застенчиво улыбнулась, сместилась на метр в сторону, присела — и её струя

ударилась прямо в ещё одно семейство весенних грибов.

Эти грибы мы, конечно, собирать не стали, но вообще в лесу их оказалось весьма прилично — за недолгую прогулку до станции мы наполовину заполнили рюкзак Аллы, который она теперь бережно несла в руках. А на самой платформе я сделал доброе дело, указав бабушке, которая сидела у ведра со сморчками, на козырное место совсем рядом — я был уверен, что мы собрали далеко не всё. Уж не знаю, воспользовалась она моей наводкой или нет — пока мы ждали электричку, бабушка оставалась на своем месте и бежать за новой порцией грибов не собиралась.

В Москву мы уже ехали в теплой компании, хотя и выделялись своей слегка замызганной одеждой. А я думал, что если бы поехал один, то поездка выдалась бы, скорее всего, очень скучная — приехал, отвинтил, уехал. Алла словно притягивала неприятности, хотя и как-то избирательно. В обычной жизни у неё всё происходило нормально, без особых отклонений от нормы. Она не была неуклюжей и не совершала странные поступки, но в какой-то момент поле вероятностей вокруг него уплотнялось до нужной степени и генерировало те самые проблемы. Причем и для неё, и для тех, кто находится рядом.

Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу я не мог. Конечно, можно таскать девушку в разные значные места, скрупулезно вести наблюдения и заполнять соответствующий журнал — а в итоге, возможно, получить некие закономерности, которые позволят сделать некие глобальные выводы. Это, конечно, был своего рода проект века; если у меня получится найти экспериментальное доказательство существования судьбы, которая влияет на жизнь отдельных индивидуумов, я смогу буквально озолотиться. Правда, вряд ли мои выкладки пойдут на пользу всему человечеству; скорее всего, их приватизируют какие-нибудь толстосумы, которым по средствам нанять лучших математиков, детективов и паранормальщиков для составления нужных прогнозов.

Но мне было откровенно лень. Я уже побывал в самой настоящей фантастике, когда перенесся в прошлое. Наличие у обычной на вид девушки каких-то необычных способностей могло окончательно свести меня с ума. И лучше мне этого не знать, даже если именно так работает вселенная. Пусть работает. А я в меру своего везения буду оберегать Аллу и себя от её тлетворного влияния.

Из-за столкновения с конкурентами весь вечер воскресенья пришлось приводить в порядок мои брюки, которые и так носили следы недавней стычки с друзьями Боба. Надевать их на выход — даже в институт, куда я собирался завтра — не рекомендовалось категорически, а свой старый клёш я выкинул ещё с месяц назад.

— Алла, мне нужны джинсы, — сказал я, когда мы в нашей комнате дожидались окончания работы странного агрегата, очень сильно напоминавшего мне хорошо мне знакомые стиральные машинки более позднего времени.

Агрегат назывался «Вятка-автомат», имел узнаваемую фронтальную загрузку через круглый люк со стеклянным окном и разные кнопки для выбора нужного режима. Питалась она через отдельную розетку — Алла пояснила, что её специально проводили для подключения машинки мастера из ЖЭКа. Ну и ещё эта стиралка не была подключена постоянно к сетям — перед использованием нужно было подсоединить к ней шланг для подачи воды, а слив кинуть в ванну или раковину. Кроме того, её нужно было выволочь из угла, где она обычно стояла — места в ванной для её размещения не хватало. Я побоялся

спрашивать, как с этим монстром справлялись Алла и её бабушка; возможно, никак. [1]

— Какие? — она словно не удивилась моим запросам.

— Самые обычные, — я пожал плечами. — Фирмы не нужно, но вроде были какие-то наши... из Твери что ли?

— А почему фирменные не хочешь? — слегка удивилась она.

— А зачем? Стоят как самолет, купишь — и дрожи над ними потом. Нет уж, мне чего попроще. Я бы и брюками обошелся за десять рэ, но их фиг найдешь нормальные. С этими повезло, надо было сразу двое брать, но и денег тогда не было, и не сообразил.

— Можем в ЦУМ заглянуть как-нибудь после учебы...

— Думаю, лучше на выходных, там времени точно побольше будет, — после недолгого раздумья ответил я.

До выходных я, скорее всего, буду очень занят.

[1] Стиральные машины «Вятка-автомат» завод в Кирове выпускал с 1981 года по итальянской технологии Indesit, они стоили рублей 400, но довольно долго не пользовались популярностью. И да, для них надо было от щитка тянуть специальный шнурок — существующая разводка в квартирах не была рассчитана на её мощность.

Глава 9. Комсомольцы и добровольцы

При наличии вертолетных деталей получить порошковый магний проще простого. Достаточно копеечного напильника с грубой насечкой и газетного разворота, а в качестве рабочего места подойдет даже кривоногая табуретка на кухне. Несколько часов «шкрябанья» — и готова нужная навеска ценного материала. Правда, нужно быть готовым к тому, что этот порошок будет буквально всюду, удержать его в пределах газетного листа не удавалось даже Стасику — он жаловался на эту проблему, но в условиях общаги на неё можно было забить. В чужой квартире, где я жил по доброте Елизаветы Петровны, делать подобное было нельзя.

С уборкой тут вообще дела обстояли странно. Я не знал, насколько хорошим хозяином был отец Аллы, но повсюду в квартире царила легкая запущенность. Большого ремонта не было лет эдак пятнадцать; лишь обои вроде бы переклеивали — да и то не везде. За уборку тут явно отвечала бабушка, которая в силу возраста уже не могла, например, снять плафоны с люстр и светильников и смыть с них пыль, а те же батареи нужно было помыть, зачистить и хорошенько покрасить. Ковры тоже не выбивали давненько — но в этом я двух хрупких женщин винить не мог. Правда, я бы предпочел вообще от этих потенциальных пылесборников избавиться, но в этом времени они считались символом достатка и ценились чуть ли не выше любовно размещенных в мебельных стенках сервизов. В этой квартире, кстати, сервизы тоже были — они хранились в комнате бабушки и на стол попадали, видимо, только по очень большим праздникам. Или не попадали вовсе. На дне рождения Елизаветы Петровны, например, мы пользовались обычной посудой.

Так что один из свободных вечеров после переезда я потратил на то, чтобы пройтись с влажной тряпкой по выделенной нам комнате; Алла присоединилась ко мне, но с легким недоумением — мол, чего ты? А когда я ей всё объяснил, она снова назвала себя «дурой» и попыталась распространить наши усилия и на другие комнаты — но тут я её не поддержал. Прежде, чем вторгаться во владения хозяйки, нужно было хоть немного примелькаться, иначе можно нажать себе смертельного врага. Правда, потом случилась стычка с миньонами Боба, и мне резко стало не до чистоты, но на работу с магнием в любом случае нужна была санкция Елизаветы Петровны. Так что я набрался духу и пошел ставить её в известность о своих намерениях.

К моему удивлению, Елизавета Петровна очень быстро осознала суть проблемы и начала её решать по-своему. Она провела несколько раундов телефонных переговоров, потом оделась и куда-то вышла — хотя по вечерам обычно сидела дома. А по её возвращении я стал обладателем массивного ключа с большой биркой из фанеры, на которой красным химическим карандашом были написаны три цифры 062. Как пояснила бабушка, это был номер бокса в одном из гаражных кооперативов, которые располагались вдоль железнодорожных путей Ярославского направления и служили дополнительной преградой между домами на Новоалексеевской улице и парком Сокольники. Я не стал уточнять, в какие долги влезла Елизавета Петровна, чтобы заполучить эту ценность абсолютно бесплатно. У стариков были свои собственные отношения, в которые лучше не лезть, если вам дороги рассудок и жизнь.

С гаражами в СССР была примерно та же засада, что и с отдельными квартирами, если не хуже. Это хорошо показал Эльдар Рязанов в своем фильме про гаражный кооператив —

возможно, для него это было что-то наболеее. Но диагноз проблемы совершенно не означал наличие адекватного лечения. Гаражей было мало, строили их с диким отставанием от набирающей темп автомобилизации граждан, распределялись они очень странным образом, да и свободно купить их было почти невозможно — для этого надо было стать членом одного из тех самых гаражных кооперативов и получить за немалые деньги освобожденное предыдущим товарищем машиноместо. И стоили они чуть ли не дороже квартир.

Снять гараж тоже было непросто. Теоретически это можно было сделать через объявления в газетах или на бирже в Банном переулке — там, где народ занимался и квартирным обменом, — но практически всё, что касалось гаражей, замыкалось на правление кооперативов. Деньги они, разумеется, тоже любили и могли помочь страждущим, но это заметно увеличивало стоимость аренды. У меня лишних денег не было, но я подумывал про визит в ближайшие гаражи, чтобы за бутылку водки купить доступ на пару часов к обычному верстаку с тисками. Ну или без тисков — это как повезет. Вмешательство Елизаветы Петровны уберегло меня от лишних унижений, за что я был ей очень благодарен.

Взамен мы с ней договорились начать взаимовыгодное сотрудничество. Она получала помощь в содержании квартиры, а я показывал, что у меня есть крепкая мужская рука, которая может сделать быт двух женщин чуть более комфортным. В конце концов, за свою жизнь я прошел через массу ремонтов и имел квалификацию, которой хватило бы, чтобы стать в ЖЭКе сантехником или целым слесарем. А после сдачи экзаменов по ПУЭ — или как они сейчас называются — и электриком. Перед существующим контингентом у меня было одно большое преимущество — я почти не пил. Ну почти. Да и то предпочитал пиво.

В общем, весь понедельник я с нетерпением ждал знакомства со своей новой мастерской, но мироздание словно решило немного испытать меня.

Когда после окончания пар меня перехватила Натаха, я испытал нечто вроде злости, хотя эта девушка была ни в чем не виновата.

Натаха — вернее, Наталья Савельева — была у нас в группе единым в трех лицах лидером. Никто её не назначал и не выбирал, во всяком случае, ничего подобного я не помнил, но она заведовала одновременно комсомолом и профсоюзами и в дни выдачи стипендий собирала взносы. Ещё она была старостой и отмечала отсутствующих на лекциях и семинарах — если преподавателям по каким-то причинам было лень заниматься этим самим.

Мне её активизм и в первой жизни был до одного места, а сейчас и подавно. Тем более что теперь я точно знал, что ничего она со своей вовлеченности в общественные процессы не поймет. На втором курсе Натаха залетела от какого-то случайного любовника, родила здорового паренька весом в четыре с половиной килограмма, ушла в академический отпуск, после которого перевелась на заочное отделение и навсегда исчезла из моей жизни.

В принципе, три её должности подразумевали, что у неё имелись возможности устроить подянки тем, кто её по каким-то причинам не устраивал. Например, мелкая пометка в журнале посещаемости могла всерьез испортить репутацию с деканатом. Вернее, потом придется долго и нудно доказывать, что ты был на той лекции, а Савельева ошиблась — и в конце концов доказать, но ничего приятного в этом процессе не было. Натаха ещё могла вспомнить твою фамилию, когда комсомольские лидеры придумывали что-то

воодушевляющее, но при этом бесплатное и пожирающее прорву времени. В общем, с ней лучше было поддерживать хорошие отношения — на всякий случай.

В целом я уважал её стремление освободить своих одноклассников от утомительного общения с различными комитетами, поэтому особо над ней не издевался. Ну а для меня сегодняшнего люди вроде Натахи интереса вообще не представляли, и за месяц моего пребывания в прошлом мы общались лишь дважды — перед отъездом я предупредил её, что отпросился в деканате, и она пообещала проследить, чтобы мне не поставили заслуженные прогулы, а после возвращения отблагодарил шоколадкой. Конечно, я мог просто из природной доброты предупредить её о необходимости изучить способы применения презервативов, но это было сродни пророчествам Кассандры — Натаха обязательно забудет о моих словах и будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Или не будет, я же не знал, как она восприняла внебрачного ребенка. Могла и порадоваться тому, что подарила миру нового человечка. Мир, конечно, такие подарки не ценит, но матери всё равно ими гордятся. А она хорошо подходила на роль «яжематери», хотя, наверное, пока ничего не знала про овуляшек, беременюшки и про то, как масюн ножками пихулечки.

— Серов, у тебя есть время? — Натаха начала издали — впрочем, как обычно.

Меня по имени называли редко. Произносить слово «Егор» на регулярной основе рисковали только люди с хорошей дикцией. Например, Алла. Это был своего рода тест, который срабатывал прямо при знакомстве, за что я всю жизнь был благодарен своим родителям. В институте я был либо Серым — либо Серовым. Фамилия у меня, правда, тоже была не подарок, особенно для тех, кто немного картавит, но всё же её было легче произносить.

— Немного есть, — осторожно сказал я.

— Мне с тобой поговорить надо, — она выразительно посмотрела на Жасыма, который остановился рядом погреть уши. — Наедине.

Общей дороги у нас с Казахом было — до метро, потом он возвращался в общагу, а я направлялся в сторону дома Аллы. Так что ему было не нужно меня ждать — как и мне его.

— Я пойду, брат, — кивнул Жасым. — А вы поворкуйте, голубки. Ты только не забывай, что тебя дома ждут.

Он хитро подмигнул мне, а я в ответ стукнул его в плечо — привычка Аллы оказалась заразной, хотя я старался соизмерять силы — и повернулся к заалевшей Натахе. Для активиста она была очень стеснительной; помнится, мы очень удивлялись, когда она сумела забеременеть — ведь для этого надо было заниматься сексом.

— Наташ, он шутит, хотя меня действительно ждут. Ну чего ты хотела мне сказать такого тайного?

— Я просто не хотела, чтобы эти... твои...

С Жасымом и Дёмой у Натахи было что-то личное, я не помнил что именно. Кажется, Дёмич зачем-то начал её задираить чуть ли не в первую неделю занятий — или даже раньше, во время традиционного вывоза вчерашних абитуриентов в Бухту радости на теплоходике, а Жасыму это показалось смешным. Наоборот вряд ли — Казах относился к людям достаточно хорошо, и не ему с его восточным типом лица критиковать кого-либо за внешность. В принципе, Дёме тоже, но у него напрочь отсутствовали понятия о приличиях. В общем, какая-то причина не любить моих соседей по комнате у Натахи имелась.

В целом Натаха не была уродиной. Круглое лицо, аккуратный нос и неаккуратно выщипанные брови в сочетании с химической завивкой были широко распространены на

территории СССР в этом времени. Её портили глаза — они оба присутствовали на лице, но были расположены очень близко к носу и друг другу, что делало девушку похожей на некоего мультяшного персонажа, получившего огромной киянкой по макушке. Я подозревал, что она осведомлена об этой своей особенности, сильно её стесняется, и поэтому волевым усилием старался не делать ей сомнительные комплименты про форму черепа, который я хотел бы иметь в своей коллекции.

Думаю, именно внешность была той причиной, по которой Натаха активничала, стараясь таким вот своеобразным способом компенсировать собственную непопулярность у мужского большинства нашего потока.

— Так зачем я тебе? — поторопил я её.

— Про тебя в комитете комсомола спрашивали.

И снова замолчала, коза.

— Кто там мог про меня спрашивать? — недоуменно уточнил я.

— Какой-то парень, — Натаха почти перешла на шепот и придвинулась ко мне поближе. — Я там была сегодня, ведомости сдавала, а он у нашего комсорга про тебя спрашивал. Такой модный, в джинсах, темных очках, а сам твою, Серов, фамилию называет.

У меня немного похолодело внизу живота.

— Да? Ну мало ли, зачем я кому-то понадобился, — как можно небрежнее сказал я. — Может, меня к медали хотят представить, вот и собирают характеристики. А что им наш вождь ответил?

— Этого я не слышала, он ко мне спиной стоял и тихо говорил, — с сожалением ответила Натаха.

— Ну, будем надеяться, что ничего плохого. Наташа, а как нашего комсорга зовут?

— Александр, Осмолов Александр. Но он на Сашу обычно откликается, он парень простой...

Ага, знаем мы эти простых комсомольцев. Один из них в будущем и заказал папу Аллы.

— Ладно, Наташ, спасибо, что сказала. Я пойду, у меня дел по горло.

Я махнул рукой и пошел по длинному институтскому коридору в направлении выхода. Где-то там рядом находился и наш комитет комсомола.

С институтскими комсомольцами я точно никак и никогда не пересекался — ни на первом курсе, ни на последующих, ну а к моему поступлению в аспирантуру и сам комсомол весь закончился. Во всяком случае, наши копеечные взносы перестали интересовать комсомольских вожаков, а других точек соприкосновения у меня с ними не имелось.

Конечно, визит незнакомца мог быть продолжением моего знакомства с Михаилом Сергеевичем, но я не понимал, зачем тому узнавать что-то обо мне в комитете комсомола. Что там может быть? Решение горкома четырехлетней давности о приеме меня в члены союза, если её удосужились прислать из моего города, характеристики по комсомольской линии из школы — опять же, если они доехали до Москвы из нашей Тьмутаракани. Институтские комсомольцы вряд ли успели за год изучить меня настолько хорошо, чтобы сказать обо мне хотя бы пару слов. Вот если бы я был активистом... но я им не был. В общем, это был какой-то сюр.

В принципе, я был уверен, что Михаил Сергеевич всё это как минимум понимает, но вообще он производил впечатление человека, который не избегает неофициальных путей решения проблемы. Правда, я не знал, когда успел превратиться для него в проблему — и

было ли такое на самом деле. Но в первую очередь он просто запросил бы наш ректорат и всё, те сами всё принесли бы, да ещё и извиняясь при этом.

Конечно, можно было предположить, что наш комсомольский комитет наладил тотальную слежку за всеми студентами — с прослушкой телефонов, наружным наблюдением и донесениями тайных сексотов. Правда, никаких телефонов у студентов восьмидесятых, как правило, не было — только один у общагского вахтера на столе и разбитый таксофон в холле первого этажа, к которому вечно стояли очереди. Ну а тотальная слежка требовала таких гигантских затрат, которые было бы невозможно покрыть двухкопеечными студенческими взносами.

В общем, всё это было странно и непонятно, а я не любил загадок. И мне срочно захотелось пойти в комитет, взять секретаря за грудки и задать ему неприятные вопросы. Правда, тот учился, если я правильно помнил, на пятом курсе, готовился к аспирантуре и занимался в секции бокса — а потому мог и сдачи дать. Но я собирался как минимум хорошенько понять, чтобы добиться ответа на свой вопрос.

Комсорга с гендерно-нейтральным именем я видел до этого лишь один раз, и для меня нынешнего это было около сорока лет назад — в начале первого курса нас согнали на комсомольское собрание в актовЫй зал, где он нёс с трибуны какую-то малопонятную для вчерашних школьников пургу, а потом с важным видом восседал за столом президиума и периодически подавал реплики. На втором курсе такое же собрание я пропустил по какой-то причине, потом мне стало совсем не до комсомольцев, а совсем потом — им стало не до меня. Судьбу этого Саши я не помнил, но в списке олигархов более позднего времени его фамилии не встречал. Впрочем, не все комсомольцы заработали миллиарды на распродаже социалистической собственности. Некоторые стали депутатами.

Саша, конечно, мог оказаться и дурным идеалистом — такие встречались в низовых звеньях и комсомола, и партии. Но всё могло быть ещё проще — возможно, он просто видел в комсомольской работе какой-то смысл — или же способ выпустить на свободу свою кипучую жажду деятельности. Ну а когда начался бизнес, он покинул эту организацию без особых сожалений и занялся чем-нибудь более полезным для себя и для общества.

Мне повезло — Саша сидел за своим столом в большой просторной комнате, которую институтское начальство выделило под профсоюзно-комсомольские надобности, и работал над неким монументальным трудом — если судить по кипе уже исписанных листочков.

— Привет, — поздоровался я.

Он поднял на меня недовольный взгляд.

— Привет, — буркнул он. — Что-то со взносами? Извини, лучше завтра, мне доклад надо к районной конференции подготовить, а времени в обрез.

— Нет, я не про взносы... чего с ними выяснять — заплатил и заплатил. Я Егор Серов, учусь на первом курсе инженерного.

— Серов... Серов... — Саша потер свой высокий лоб. — Слушай, а про тебя тут недавно спрашивали.

Меня удивило, что его не попросили — предельно вежливо, разумеется — держать интерес к моей персоне в тайне. Возможно, те ребята, которые мною заинтересовались, даже мысли не допускали, что я забреду сюда и начну выкрикивать свои анкетные данные.

— Да? — удивился я. — А кто?

— Инструктор из райкома приходил, ты его вряд ли знаешь, а мы с ним пересекались на

совещаниях, ответственный товарищ, если обращается, то только по делу.

— А что у него за дела ко мне? — поинтересовался я.

— К тебе? — Саша усмехнулся. — Вряд ли у него к тебе может быть какое-то дело. Скорее всего, ты где-то выделился, попал к ним на заметку, вот Вадика и послали выяснить, что ты за фрукт такой.

— Как-то глупо выглядит, — засомневался я. — Что ты же ему про меня можешь сказать? Мы с тобой первый раз разговариваем. Я понимаю — характеристика из деканата, уж они-то меня хорошо знают. Как учусь, как прогуливаю, сколько двоек...

— Я ему примерно так и ответил, — кивнул комсорг. — Была бы у меня освобожденная должность, я бы, думаю, всех комсомольцев института лично знал. А так — учеба, учеба и ещё раз учеба. Только и хватает времени на текучку.

— Да, не до жира... — сочувственно кивнул я. — А он так и ушел?

— Наверное... я ему как раз в деканат посоветовал обратиться, думаю, туда отправился.

За деканат я был спокоен. Там меня знали с хорошей стороны — сильно провиниться я не успел, «хвостов» не имел и препода на меня не жаловались. Конечно, это можно сказать про заметное большинство студентов, но я был в хорошей компании.

— Ну ладно, — я изобразил, что мне всё равно, куда пошел посланный Сашей Вадик. — В деканате про меня плохого не насочиняют.

— А мы, значит, можем и насочинять? — Саша вроде говорил серьезно, но его выдавали глаза, в которых было хорошо заметно веселье.

— Да кто вас знает, вдруг вы склонны к фантастике, — отбил я его подачу. — Спасибо за информацию, пойду я.

— Так ты зачем заходил?

Да вот за этим.

— Не хочу отвлекать, могу завтра заглянуть, — я изобразил барышню из Смольного института. — Мне не срочно... думал про стройотряд узнать — что да как, куда в этом году поедут.

— Да, про такое лучше завтра. Где-то после второй пары заходи, мы тут с Глебом оба будем, обрисуем в лучшем виде. Хотя, конечно, тебе про отряды лучше было бы пораньше беспокоиться, желающих уже много.

Кто такой Глеб, я не знал, но мне было всё равно.

— Да я первокурсник же, толком ничего не знаю, но знакомые намекнули, что там можно неплохо заработать.

Уровень зарплат в этих стройотрядах я и так примерно представлял — он был большим, но меня не устраивал категорически. К тому же первокурсников вообще старались в стройотряды не брать, особенно в хорошие. А горбаться пол-лета ради двухсот или трехсот рублей мне не хотелось — хотя и это было больше, чем средний заработок по стране.

— Да, мы с ребятами в прошлом году по тысяче на нос привезли, но и пахали серьезно — никаких выходных, танцев и прочих увеселений, и спиртное под запретом. Не все на такое готовы.

— Я не пью, — с легкой гордостью сказал я. — Только пиво, но могу и потерпеть... ради общего блага.

— Да? Такой подход у нас котируется, — заинтересовался Саша. — Так что не жмись, завтра найди меня или Глеба, глядишь, и договоримся. Слушай, а ты в актив не хочешь войти?

Это было очень странное предложение.

— У нас же есть комсорг, Наташа Савельева, — напомнил я.

— Савельева... помню. Она молодец, только комсомол — это не только взносы собирать, у нас много всего происходит, и везде требуются руки и свежие идеи. Так что подумай. Скоро собрание будет, если надумаешь — с выборами поможем, выдвинем в комитет.

Вот как... сразу в комитет. Ох уж этот демократический централизм во всей его красе и благолепии. Я мысленно осуждающе покачал головой.

— А не боишься, что я буду на твоё место метить? Вон, мной даже в райкоме интересуются, — я улыбнулся, давая понять, что отношусь к этой мысли не слишком серьезно.

— Если потянешь — почему нет? — неожиданно согласился Саша. — Мне учиться осталось месяц, уже напоминали, чтобы сменщика искал, но что-то никак времени выкроить не получается.

— Эй, я ещё не согласился! У меня же тоже учеба, учеба, и ещё раз учеба, как завещали великие.

— Да я понимаю, — грустно сказал он. — От учебы нас никто освободить не будет и скидок не сделает, на «двойки» учиться на такой должности нельзя. Но давай завтра обсудим подробнее? Доклад сам себя не напишет.

Я пообещал поразмыслить над ещё одним возможным вариантом своей судьбы и поспешил откланяться.

В той истории, которую я познал на собственной шкуре, именно комсомол стал кузницей кадров для капиталистической России. С началом перестройки в этой организации начались какие-то свары, споры и дискуссии по поводу идеологии, но в одном комсомольцы были едины — в создании кучи различных кооперативов, и несколько из них потом смогли откусить очень вкусные куски разных доходных предприятий и даже отраслей советской промышленности. Если мой мозг начнет «вспоминать» и события того времени, я смогу очень неплохо заработать на дележке этого пирога. Правда, я помнил, какой кровью эта дележка сопровождалась.

Но кровь ладно, в конце концов, она тогда была в любой сфере, где крутились относительно крупные деньги. Больше всего меня в этом предложении смущала необходимость стать двуличной сволочью. Среди комсомольцев середины восьмидесятых наверняка были те, кто искренне верил в торжество идеалов коммунизма. Тот же Саша — я почему-то подумал, что он как раз хочет счастья всем и не желает никого отпускать обиженным. Правда, бодливой корове бог рогов не дал, и у Саши возможности помочь мало-мальски заметному числу людей примерно столько же, сколько и у меня. То есть почти что нифига. Вот только я всё-таки мог взять себя в руки и что-нибудь придумать ради светлого будущего, а Сашу со всех сторон ограничивали инструкции, надзор со стороны вышестоящего органа и тотальная неспособность угадать, в какую сторону вильнёт история России через несколько лет.

Где-то в конце восьмидесятых советские кинематографисты даже сняли про нынешний комсомол очень плохой фильм, из которого я помнил буквально пару эпизодов — и ещё общую атмосферу тотального неверия в изрекаемые с высокой трибуны догмы. [1]

Но в конце восьмидесятых вообще полюбили разоблачать всякое, особенно моральный

облик представителей руководящей и направляющей, далекий от того, который задумывался авторами кодекса строителя коммунизма. В принципе, разоблачения никто не выдумывал; всякие горкомы и обкомы наплодили себе столько льгот и поощрений, что фактуры для всяких расследований было заготовлено на века вперед..

Много лет спустя кто-то даже пустил в массы мысль, что капитализм в России придумали эти самые коммунисты и комсомольцы, чтобы продолжать получать с простого народа ренту просто за своё существование — но уже на другом уровне потребления. Например, чтобы в случае мебельного гарнитура выбор был не между Финляндией и Польшей, а между, допустим, Италией и Англией. Правда, в итоге получилось так, что выбирать приходилось между Китаем для бедных и Китаем для богатых, но, видимо, элита будущего сочла это приемлемым для себя и своих детей.

В принципе, истина лежала где-то неподалеку от этого слишком категоричного суждения. Думаю, любой секретарь любого горкома или обкома и сейчас с удовольствием купил бы себе «Мерседес» или другую иномарку S-класса — но кто ему позволит? Сразу припечатывают на ближайшем партсобрании, дадут хорошего пинка под зад и дай бог, если коровник доверят возглавлять в глухой деревне. У них сейчас «ЗиЛы» для самых высокопоставленных и «Волги» для тех, у кого труба пониже и дым пожиже. У Брежнева в гараже вроде имелся набор иностранных машин, но его баловали соратники. К тому же на официальных выездах Генсек не выёбывался и брал всё тот же положенный по должности персональный «ЗиЛ».

То есть для доступа к благам цивилизации вот этому сегодняшнему среднему классу — а всякие партийные чиновники как раз и были советским средним классом — нужно было скинуть партийный диктат. Этого они хотели больше всего, но жили двойной жизнью. Днём проповедовали коммунизм и докладывали об увеличении надоев, а потом с чистой совестью ехали в сотую секцию ГУМа отоваривать свои льготы. Ну или куда они там ездили по вечерам.

Комсомольские вожди транслировали те же догматы на свою аудиторию. И если я стану комсоргом института, мне придется каким-то образом не смеяться во время чтения докладов на тему повышения и снижения всяких странных показателей — даже если я буду точно знать, что в действительности всё не так, как на самом деле. Если я вдруг рубану с трибуны правду-матку, меня моментально объявят небывшим. Тут с этим строго.

[1] Экранизация повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба», которая по странной иронии судьбы была опубликована ещё до перестройки — в январе 1985 года. Фильм вышел в 1988-м, его снял Сергей Снежкин, а главную роль сыграл Игорь Бочкин.

Глава 10. Угол зажигания

Неведомого мне Вадика я выбросил из головы сразу, как только вышел из комитета комсомола. Понять причины его интереса ко мне без дополнительных данных я не мог, а звонить тому же Михаилу Сергеевичу с вопросом было неправильно — такое лучше спрашивать при личном разговоре, между прочим, и показывая полное равнодушие к предмету беседы. Конечно, провести старика я не рассчитывал, но надеялся, что он зачтет мне даже попытку сыграть по взрослым правилам.

Сейчас же я был всем сердцем в том гаражном боксе, который судьба на время выделила под мои нужды. Конечно, я не рвался драть напильником свинчатые с вертолетов детальки; думаю, мало кто на всей планете мог бы прийти в восторг от подобной перспективы. Но каждый добытый грамм магниевых порошков приближал окончание разборок с наехавшей на меня бандой, после чего я собирался заняться более интересными делами. О том, что я могу лохануться и проиграть, я не думал — такой исход, разумеется, был возможен, но я собирался сделать всё для своей победы. Никакой другой результат меня не устраивал. Возможно, в этом я превосходил приятелей Боба, которые видели в охоте на ухажеров Аллы всего лишь какую-то странно-извращенную игру. Впрочем, в этом времени ещё не было компьютеров или различных пейнтбольных клубов, с помощью которых они могли выбросить лишнюю агрессию, так что в чем-то я их понимал.

Вообще в своем будущем я бы тупо подал на этих ребят заявление в полицию и предоставил им самим объясняться с законом, ибо записанные на диктофон угрозы — дело не шуточное. К тому же уже в первой стычке я бы постарался хорошенько их разозлить, а потом отправиться в ближайший травмпункт, чтобы там сняли мои синяки. В общем, при грамотном ведении дела я бы нашел этим великовозрастным дебилам занятие на достаточно долгий срок. А потом придумал бы для них ещё какую-нибудь изощренную подставу, чтобы они оставили меня в покое за другими делами. Но сейчас обращаться в милицию мне не хотелось — засмеют и погонят ссаными тряпками, да ещё и поиздеваются на предмет привлечения правоохранителей к детским разборкам в песочнице.

Но сразу попасть в вожделенный гараж мне не удалось. У выхода из института я увидел Стаса, который дымил какой-то гадостью у урны и особых сомнений в том, кого он ждал, не было. Занятия давно закончились, и в институте студенты если и имелись, то только в следовых количествах. Заметив меня, Стас встрепенулся и помахал лапой. Я мысленно вздохнул и направился к нему.

Бог всё-таки любил троицу.

— Привет! — он протянул руку, и я её пожал.

Сейчас мне нечего было опасаться. Это же Стас.

— Привет, — ответил я. — Ты чего тут мылишься?

— Тебя жду, — подтвердил он мои опасения. — Твои сказали, что ты где-то задержался, вот и решил тут потоптаться.

— Ага, меня в комитет комсомола вызывали, — не вызвали, а сам пошел, но кому нужны эти подробности. — Так бы уже давно свинтил. Долго топчешься?

— С полчаса, как занятия закончились, не страшно... Слушай, ты уже к вертолетам ездил?

Я оглянулся по сторонам — но в поле зрения никаких агентов КГБ не было.

— Да, вчера.

— И как прошло?

— Нормально... пару кило набрали, — похвалился я. — Правда, на каких-то мужиков нарвались, чуть до драки не дошло.

Я даже в мыслях не держал, что Стасик будет выцыганивать у меня часть добычи — это было настолько не в его характере, что проще дожидаться, когда рак на горе свистнет. Он, скорее, восхитится моим успехом — и сделает это со всей искренностью, на которую был способен. Я бы даже поставил деньги, что он переживал и волновался за меня, поскольку сам указал, куда надо ехать.

Впрочем, торопить его с выяснением его желаний тоже было бессмысленно — сам дойдет до сути, когда созреет, а до этого так и будет ходить вокруг да около.

— «Черные», наверное, — он поскрѐб пятерней в затылке. — Я с ними сталкивался, но без конфликтов, хотя ходили опасно. Но тут нифига не сделать, инфу про новьё на свалках сливают сразу всем, а там — кто первый. Не повезло... Сильно поцапались?

— Не успели, военные прожектор врубили, те испугались и свалили, а мы в корпусе прятались с полчаса, потом тоже ушли.

— Круто! — Стаса действительно привлекали все эти приключения, без которых я бы с удовольствием обошелся.

Я подозревал, что у него какие-то проблемы с выработкой адреналина или уже сформированная зависимость от этого гормона, заработанная за годы изготовления всяких взрывающихся шуковин. В любом случае ни то, ни другое, кажется, не лечится, зато может послужить на благо общества — если Стас выберет в жизни правильную профессию.

— А кто сливает инфу? — заинтересовался я.

— Да фиг знает, — отмахнулся Стас. — Мне знакомый один рассказывает, а он откуда узнает — без понятия. Я к тебе чего... ты точно пиротехнику решил из магния делать?

— Нет, конечно, — тут лучше было не врать. — Это я так, для посторонних ушей. Мне нужны какие-нибудь бомбочки вроде светошумовых гранат, но без излишеств. Чтобы враги не сразу очухались.

— Воевать собрался? А с кем? — оживился Стасик.

Его привлекали не только приключения, в которых можно было поднять уровень адреналина, но даже рассказы о всяких стычках — я так и не выяснил, почему, просто не до того тогда было. Правда, из-за слегка несуразного телосложения Стас не рисковал принимать участие в драках сам, но вот послушать был готов всегда.

— На меня наехали трое челов, они вдруг захотели, чтобы я расстался со своей девушкой, — объяснил я. — У меня, как ты понимаешь, другое мнение. Вот и хочу с ними поодиночке поговорить, может, передумают.

— А гранаты тебе зачем? — недоуменно спросил Стас.

— Ну а как... они лет на пять-шесть старше, спортом занимаются. Раз на раз выходить не вариант. А тут ослепил такой световухой, сбоку по башке взрезал чем тяжелым — и объясняй свою позицию, пока не надоест. Я ещё про самопал думал, но это слишком ненадежно.

— Если черный порох смешать и ударный механизм с капсулем приспособить, то норм будет, — тут же выдал он.

В этом весь Стас. Я иногда вспоминал его и думал, как он мог погибнуть — при своем отношении к оружию и прочим опасным игрушкам. Видимо, даже в армии с него не смогли

согнуть накопленный за годы корпения над книжками жирок — и поэтому он не сумел нормально укрыться от осколков душманской мины, которые буквально изрешетили его спину. Из-за его легкой неуклюжести я не собирался вовлекать Стаса в свои дела с приятелями Боба, а вот его опыт обращения с взрывчаткой мог пригодиться моей будущей армии, если, конечно, я начну создавать такую структуру.

— Не успею, — я покачал головой. — Мне до пятницы надо с этим разобраться. Световухи бы успеть сделать.

— Световухи у меня есть, — радостно объявил Стас. — И с самопалом могу помочь.

Он немного помолчал и добавил уже значительно тише и скромнее:

— Если хочешь, конечно.

Со Стасом мы договорились на завтра. Он обещал притащить все необходимые запчасти и детали, с чем и отчалил, кажется, довольный, что подписался на это гиблое дело. Ну а я отправился осматривать свои новые владения.

Гараж представлял собой заваленный барахлом бокс размером шесть на три метра. По одной из длинных стен хозяин собрал мощный верстак с массивными тисками, внутри был проведен свет, установлены розетки и имелась куча разного инструмента, которым, наверное, можно было пользоваться. Правда, я не хотел подводить Елизавету Петровну перед её знакомым, и собирался завтра забежать в хозяйственный у института, чтобы прикупить ещё пару шурувок — так-то кое-что у меня уже было, но, например, до пилы по металлу я не додумался.

По идее, бомбочек, которыми обещал поделиться Стас, должно хватить мне с запасом, тем более что он был готов отдать мне их абсолютно бесплатно — вернее, в обмен на часть того металла, что мы с Аллой скрутили с вертолетов — и, в принципе, это был честный обмен. Я точно знал, что двух кило магния хватит, чтобы вооружить световухами целый взвод спецназа. Ну а «шкрябать» Стас умел как никто другой. Лично мне не хватало терпения заниматься этим достаточно долго.

Тем не менее, именно это мне и надо было делать. Стас Стасом, но если у него возникнет какой-нибудь форс-мажор, то лучше я буду готов к нему, чем не готов. Я снял куртку, повесил её на один из гвоздей, вбитых хозяином гаража в стену, закатал рукава и подступился к зажатой в тиски детали с напильником в изнеженных студенчеством руках.

Меня хватило примерно минут на сорок. Я скептически оглядел результат — небольшую горку серого порошка, в который превратилась треть детали. Этого должно было хватить на пару световух, и меня посетило навязчивое желание забить на остальное, но я мужественно его заглушил, согласившись только на небольшой перекур. Я бросил глухо звякнувший напильник на верстак, скатал из куска газеты кулечек и аккуратно ссыпал туда магний.

А потом достал сигарету и вышел из гаража на свежий воздух. Было уже сумрачно, хотя полноценный вечер ещё не наступил. Выделенный под мои нужды бокс находился в самом дальнем углу нескольких гаражных кооперативов и у самой железки, но был отделен от неё решетчатым забором, выкрашенным в радикальный зеленый цвет. Но тут вообще все металлические части были зелеными — если не считать криво и косо нанесенных на боксы номеров.

У пары гаражей наблюдались признаки жизни. Но если у дальнего всего лишь была

немного приоткрыта одна створка ворот, то у ближнего, что находился прямо у центрального прохода, собралась небольшая толпа — четверо мужчин почтенного возраста сгрудились вокруг открытого капота «копейки», которая наполовину выглядывала из гаража. Судя по всему, у них был своего рода консилиум, который должен был вынести приговор двигателю этой колымаги, потому что один из мужиков периодически нырял внутрь, на водительское сиденье, и то заводил, то глушил несчастный агрегат.

Заинтересовавшись, я подошел поближе. Эти мужики неплохо проводили время. Рядом со входом имелся накрытый старой газетой ящик из реек — на нем стояла початая бутылка самой дешевой водки и лежала немудрящая закуска, в основном состоящая из кусков черного хлеба. Видимо, этот «стол» был предназначен либо для празднования победы, либо для поминок по мотору — в зависимости от диагноза собравшихся специалистов.

Мужики высказывали самые разные предположения относительно причины неисправности. Один предлагал отрегулировать клапана, другой выражал уверенность, что хозяин машины попал на замену сразу двух цилиндров, у третьего во всём был виноват распредвал. Владелец «копейки» — относительно молодой мужчина самого пролетарского вида — растерянно слушал заключения этого консилиума и, как мне показалось, собирался рвать на себе волосы, но пока держался.

Меня они не замечали.

Я узнал эту неисправность, потому что столкнулся с ней совсем недавно, когда на первой заправке «двушки» в Кашире залил 76-й бензин вместо 93-го. Здесь была та же самая ситуация, но в обратную сторону. В этой компании, скорее всего, никто 93-м машины не баловал, и владелец «копейки», скорее всего, обзавелся «элитным» топливом случайно — например, купил с рук канистру, не уточнив, что именно находится внутри. Думаю, если бы он сообщил товарищам о своем опрометчивом решении, они быстро привели бы двигатель в чувство — почти любой автолюбитель в этом времени должен был знать эти моменты, если не хотел попасть впросак. Но пока что тема не того бензина так и не прозвучала, и несчастный копейковод был готов почти на всё, лишь бы не отправлять мотор на капиталку.

— Надо угол зажигания выставить, — сказал я.

Четыре головы резко повернулись в мою сторону.

— Тебе чего, пацан? — недовольно спросил самый старший, усами похожий на моржа.

— Да помочь решил, а то вы прямо тут начнете весь движок перебирать. А нужно всего лишь вот эту гайку повернуть... только машину сначала надо заглушить, — объяснил я.

— Да откуда тебе знать? — возмутился «морж».

— С пару недель назад в Кашире залил другой бензин в «двушку», потом прямо на трассе регулировал, — объяснил я.

— У тебя своя машина? — в голосе «моржа» появились нотки уважения.

— Нет, пока не обзавелся, — улыбнулся я. — Знакомому помогал перегнать.

По лицам мужиков я увидел, что мой авторитет приобрел некоторый вес.

— А не молод ты для такого?

— Раз доверили — значит, не молод, — отрезал я дальнейшие сомнения в моей компетенции. — Вы попробуйте с трамблером, вдруг я ошибаюсь.

Но я не ошибался. После трех итераций им удалось найти нужное положение гайки, и владелец «копейки», расчувствовавшись, пожал мне руку — в благодарность за помощь. Они даже предложили мне выпить за успешное окончание ремонта, но тут я был вынужден отказать. Пить «андроповку» за четыре шестьдесят две у меня не было ни малейшего

желания — но для мужиков я сослался на необходимость делать домашнее задание.

Я примерно представлял, что это за люди. В «мирной» жизни они могли быть кем угодно — хотя бы и сотрудниками НИИ «Охраны животных от окружающей среды», причем с весомыми степенями и званиями. Но в данный момент они были членами гаражно-строительного кооператива «Фауна», причем уже прошедшими через ужасы распределения паёв и строительства. Теперь у каждого из них имелся собственный гараж — фактически второй дом, в который можно сбежать от заевшего быта, чтобы обсудить с приятелями животрепещущие проблемы современности и принять на грудь немного водки. И человек, который безо всякой оплаты помогает страждущим, становился им почти что братом. Впрочем, я уже вспоминал о том кредите доверия, который в этом времени имел любой незнакомец.

— А ты чего тут делаешь вообще? — наконец поинтересовался «морж».

Этот вопрос он должен был задать мне в самом начале беседы. Посторонние в гаражные кооперативы, как правило, не допускались.

— Мне разрешили гаражом попользоваться, вон там, — я указал на «свой» бокс. — Шестьдесят второй.

— Саныч разрешил? — недоверчиво переспросил хозяин «копейки». — Это на него совсем не похоже.

Остальные неодобрительно покачали головой, как бы подтверждая, что Саныч — та ещё сволочь.

— Я не сам договаривался, — развел я руками. — Это Елизавета Петровна помогла, она в...дцатом доме по Новоалексеевской живет...

— Петровна-то? А, тогда понятно, — протянул «морж» и хитро подмигнул мне. — А ты, значит, её зять? Алька её хорошей девчонкой выросла.

Я подумал, что не хочу знать, что это подмигивание означает.

— Пока что нет, — я улыбнулся. — Но собираюсь им стать.

— А сюда в гаражи надолго?

— Не знаю, — неопределенно сказал я. — Я про мопед думал, но не новый, а с рук. Не пока ничего не попадается. Так что если не найду, то через месяц верну ключи.

— А, мопед это хорошо, — кинул один из мужиков. — Что, други, выпьем за то, чтобы у... тебя как зовут?

— Егор.

— ...чтобы у Егора всё получилось.

Они выпили. Я поблагодарил новых знакомых и вернулся в свой бокс к своему магнию. Я точно знал, что у меня всё получится, если я буду усердно работать и если у Стаса действительно есть то, что мне нужно.

К вечеру среды я понял, что с подготовкой надо заканчивать. В принципе, я уже был готов выступать на свою битву как полагается — конно, людно и оружно. Правда, из «людно» у меня был только я сам, но, думаю, любой из великих князей московских вошел бы в моё положение. Коня я тоже не имел, но на своих двоих передвигался вполне уверенно. Ну и с «оружно» получилось не совсем так, как я рассчитывал, но в первом приближении моего арсенала должно было хватить как минимум на начало конфликта.

С бомбочками Стас конкретно начудил. Он привез пять штук, и все они были ударного действия, причем с химическим механизмом, которую он придумал сам. Их нужно было с

силой швырять в цель и надеяться, что находившаяся рядом с зарядом маленькая стеклянная колбочка разобьется. Честно говоря, эту конструкцию мне было страшно даже держать их в руках, и меня пробивал холодный пот при мысли о том, что Стас таскался с ними целый день — по метро, институту и рядом со мной, — а до этого хранил у себя в комнате. Иногда я думал, что свою судьбу он заслужил процентов на сто двадцать. Но Стасик всё-таки был нормальным парнем, и голова у него была светлой. Если его энергию направить в нужное русло, то он далеко пойдет. Правда, сейчас его мало что интересовало за пределами теории и практики взрывчатых веществ, но должен же он был когда-нибудь повзрослеть?

Поэтому во вторник Стас пытался над изготовлением нормальных световух, с поджигом из охотничьей спички, дубовых и надежных, как швейцарские часы, только без шестеренок. Правда, оказалось, что того порошка, над которым я в понедельник бился часа три, хватит только на два готовых изделия, а ещё одна порция магния, которую я сумел наскрять во вторник, целиком ушла на пугачи. Но тут было ничего не поделать, да и в любом случае два всё равно больше нуля.

С пугачами вообще получилось весело. В Стасе я, конечно, не сомневался — раз он пообещал помочь, то сделает это кровью из носу. Но вот его энтузиазм я недооценил — как с бомбочками. В дополнение к световухам он притащил самопал, который был заточен под пороха и капсюля. В принципе, он работал и на магниевом-марганцовочной смеси и его можно было переделать, чтобы выстрел происходил от удара дюбеля на тугой пружине по небольшой кучке серы от спичек. Но для моих целей этот пистоль совершенно не подходил. Это была здоровая дура, которая в полном боевом снаряжении сносила черепа и отрывала конечности. Я повертел её в руках и с сожалением отложил в сторону. Садиться в тюрьму из-за каких-то уёбков мне совершенно не улыбалось.

— Не пойдет, — сказал я Стасу. — С него даже палить страшно... живые они всё-таки, не уверен, что решусь. Из такого в живот попадешь — она кишки вместе с позвоночником вынесет, а это сразу насмерть.

Стас почесал затылок.

— А, это... — он снова завис и согласился: — Убивать да, нехорошо.

Из нелетального короткоствола у Стаса имелось два пугача, которые были ручным аналогом бомбочек, но ещё умели метать картечь — то есть несколько собранных в связку шариков от велосипедных подшипников. Недалеко и с низкой кучностью, но вот они мне подошли идеально. Правда, оказалось, что это тоже какая-то экспериментальная конструкция, из которой сам Стас ни разу не стрелял. Он предложил испытать их среди деревьев за железкой, но тут я уперся — всё-таки парк, да и военный госпиталь с охраной неподалеку. Можно было уйти дальше к кольцу, но там располагалось лесничество и бродили редкие лоси. Ну а выезжать в глухие подмосковные леса на испытания у меня не было ни времени, ни желания. Поэтому я положился на традиционный «авось», втайне надеясь, что до стрельбы дело у меня не дойдет.

В принципе, я был доволен потраченным временем. Меня расстраивало только то, что Стас наотрез отказывался от ужина в компании меня, Аллы и её бабушки, но тут удивляться не приходилось. Он вообще был человеком скромным и новых людей принимал постепенно — это у нас с ним всё произошло достаточно быстро, но я откровенно жульничал, пользуясь своим послезнанием. Я точно знал, что если Стас увидит возможность что-нибудь взорвать, то не удержится. Он и не удержался.

В качестве компенсации я выдавал ему пакет с бутербродами, Мне не нужно было

ходить к гадалке, чтобы узнать, что в общаге Стаса ждет полный голяк в смысле пищи — они пока что жили так, как и мы до моего переселения в прошлое. Мы, пожалуй, даже чуть получше. Впрочем, Стас катался со мной из любви к искусству. Его вообще мало пугала поездка к чёрту на кулички, он был вроде той бешеной собаки, если дело касалось его хобби, и в такие моменты даже сто вёрст не были для него большим крюком. К тому же он был родом из самой центральной Сибири, и я подозревал, что он считал Москву большой деревней — задолго до того, как это стало мейнстримом. [1]

И пока я стоял у подъезда с вечерней сигаретой и смотрел вслед уходящему Стасу, я думал совсем не о том, что завтра мне, возможно, предстоит кого-то искалечить с помощью самопального оружия, а о том, что чуть ли не впервые после попадания в прошлое использовал послезнание. Для меня это ощущение было чем-то новым и неизведанным.

Конечно, повторное «знакомство» со Стасом и использование его навыков для моей пользы не было чем-то необычным. Мы и в первый раз с ним сошлись достаточно легко — правда, будучи представленными и после нескольких часов, которые мы провели в одной компании под пиво и преферанс. Но сейчас я знал, на что давить, и использовал своё знание. Это было как с машиной — я знал, как и куда жать и что крутить, и пользовался этим, не слишком задумываясь.

Вообще я не помнил, в какой момент решил, что послезнание, которым так гордились все книжные попаданцы в прошлое, со мной не сработает. Наверное, оно могло пригодиться, если бы я сразу не поломал ту линию, по которой катилась моя жизнь раньше. Наверное, я мог вернуться на эту линию, если бы Алла исчезла бы с моего горизонта сразу, как только проснулась у нас в комнате. Наверное... да много было этих «наверное».

Но Алла не исчезла, а вернулась с новыми идеями, и сейчас я находился на совершенно незнакомой мне линии истории, и мог ориентироваться только в каких-то глобальных вещах вроде сессии, каникул или смерти Генсеков. Правда, все изменения касались только меня и моего ближайшего окружения. Где-то там, в больших государственных учреждениях, своим чередом зарождалась цепочка событий, которая в не слишком далеком будущем приведет к масштабным переменам в отдельно взятом социалистическом государстве и во всем мире. В других зданиях разрабатывался план, после реализации которого появится Чернобыльская зона отчуждения.

А вот моя жизнь начала складываться по-новому, и как к этому относиться, я не знал. И не только моя жизнь — я был почти уверен, что мои действия повлияли буквально всех моих знакомых, случайных и не очень. Например, музыканты из «Кино» могли опоздать на свой поезд, застрять на вокзале, со злости что-то наговорить друг другу и по приезду в Ленинград расстаться навсегда. Конечно, вряд ли всё было настолько радикально, но я мог сравнивать только те события, о которых хоть что-то знал; про апрельские гастроли «киношников» в Москве я не знал ничего.

Вряд ли я сильно повлиял на Жасыма и Дёму — хотя наш казах мог, оставшись без меня, в одиночестве, придумать какую-нибудь шнягу, которая тоже сильно изменит его жизнь. В первой жизни я был с ним рядом весь этот месяц и никуда не уезжал; мы о чем-то говорили, о чем-то спорили, но подробностей у меня в памяти не осталось. Сейчас ничего этого не случилось. Я, конечно, не считал себя незаменимым в общении, но регулярный преферанс под не менее регулярное пиво здорово расслабляет и избавляет от глупых мыслей и предотвращает глупые поступки.

С Дёмой всё было проще — он старательно катился по наклонной, и в прежней жизни я не сделал ничего, чтобы удержать его от падения. Сейчас я тоже не вмешивался в его судьбу. Я понимал, что спасти всех не смогу.

Скорее всего, я как-то повлиял на жизни Виталика и даже его дедушки, но очень опосредовано. Тот же Михаил Сергеевич в силу своего наверняка высокого положения мог и не обратить внимания на попытки несчастного попаданца изменить его судьбу — в советских реалиях он был настоящим небожителем, которые иначе смотрят даже на обыденные вещи и счет начинают не с большого пальца.

Про Аллу и говорить было нечего — без меня её давно бы похоронили. Правда, я уже обеспечил этой милой девушке несколько приключений на её симпатичную попку, которые могли закончиться весьма печально, но пока что нам удавалось выходить из стрёмных ситуаций без особых потерь.

Но главное, что я вынес из общения со Стасом — мне не нужно слепо пытаться следовать по событийному руслу. Достаточно того, что я знаю людей, знаю, кто на что способен, и как это может мне пригодиться. Осталось придумать, к чему применить эти знания.

[1] Авторство этого сравнения приписывают Екатерине II, критику Белинскому и Фаине Раневской, но широкое распространение оно получило только в девяностые-нулевые.

Глава 11. Тяжелый рок

В четверг я высидел в институте всего пару семинаров, пропускать которые перед зачетной неделей не рекомендовалось. На библиографию я благополучно забил, а у физкультурника отпросился, соврав ему про внезапно приехавшую в столицу мать. Это был нечестный прием, но я его вроде ещё не использовал, и поэтому посчитал возможным истратить свою единственную попытку на относительно благое дело.

Правда, потом я всё равно был вынужден сидеть — но хотя бы на свежем воздухе, то есть на лавочке неподалеку от дома номер девять по улице имени какого-то революционного товарища [1]. Квартиры, в которой обитал Родион, я не знал, поэтому просто наблюдал за всеми четырьмя подъездами сразу.

Ожидание растянулось часа на полтора. А потом на детскую площадку рядом с моей лавочкой вывалила целая толпа младших школьников — видимо, они дружно покончили с домашкой и были отпущены на прогулку. До сложных конструкций, которые украсили подобные места развлечения малышей в моем будущем, оставалось лет тридцать, но и сейчас у детишек было где полазить и с чего навернуться. А эти ещё и мяч с собой притащили.

Я переместился на другую лавочку, поближе к импровизированным воротам, на которых стоял полный и серьезный мальчишка лет десяти. Он следил за полем и перемещениями своих товарищей с сильной тоской, но сам бегать с их скоростью, очевидно, не мог. Я вскользь подумал о том, как могла сложиться его судьба в девяностые, когда он как раз войдет в сознательный возраст, но вариантов было слишком много, а тыкать пальцем в небо мне было лень.

— Привет, — сказал я.

Он скосил на меня один глаз. Мяч интересовал его гораздо больше, чем какой-то взрослый, но ответил он очень вежливо:

— Здравствуйте.

— Да ты за игрой следи, не отвлекайся. Я один вопрос хотел задать. Ты не знаешь Родиона Валерьевича?

— Не-а, — пацан мотнул головой.

— Черт! Я давно его не видел, а вот приехал из Красноярска, и пытаюсь найти, где он живет. Он мой дядя, в каком-то из этих домов обитает, — я показал на целую серию хрущевок самого затрапезного вида, что окружали небольшой участок свободной местности.

Тут команда противника перешла в атаку и мой собеседник вынужденно отвлекся, но зато спас свою команду от неминуемого, казалось, гола.

— Неплохо, — я показал вратарю большой палец. — Так что, никаких Родионов у вас тут, значит?

Моя похвала ему понравилась.

— Родька есть, в этом доме живет, над нами, в восемнадцатой, но он не дядька и его отчества я не знаю...

Я тоже не знал, как зовут отца Родиона, но мне это было и не нужно. Главное я уже выяснил. Теперь оставалось как-то закруглить разговор, но всё сделали за меня, даже не пришлось прибегать к совету Штирлица. Его команда забила гол, и вратарь всё-таки убежал к другим воротам праздновать успех, моментально забыв обо мне и моём выдуманном Родионе Викторовиче.

В принципе, сидеть у этой кирпичной пятиэтажки я мог бесконечно долго. Я понятия не имел, чем живет Родион и другие приятели Боба. Они могли учиться, могли работать, а после учебы или работы ходить в значные заведения или терять время как-то иначе. Например, заниматься в той же секции бокса или каратэ. И я уже решил было пойти восвояси, когда увидел, как из нужного подъезда вышел один из той троицы, что рассказывала мне, что я должен делать, а чего не должен. Это был Лёха — самый невзрачный из них, безуспешно притворявшийся гопарем и пытавшийся раскрутить меня на первый удар.

Лёха был прикинут по последней московской моде — джинсы с подворотами и тонкий свитер в обтяжку, а кепка открывала выбритые до синевы виски. Я бы не удивился, если бы обнаружил под этой кепкой панковский ирокез — типаж у Лёхи хорошо подходил фанатам «Секс пистолз». Но, скорее всего, там был модный сейчас начес — правда, из-под кепки не свисала обязательная в этом случае челка. Он тащил «мальборовский» пакет с чем-то плоским — наверное, несколькими пластинками, — и шел очень быстро.

Но на прическу Лёхи мне было насрать, как и на него самого. Я поднялся, кинул взгляд на ребятню, которая отложила мяч в сторону и просто гонялась друг за другом, и пошел следом. Родион подождет.

Лёха не оглядывался и по сторонам не смотрел. Он был какой-то слишком целеустремленный, шел дворами в сторону Ракетного бульвара и, кажется, собирался двинуться к метро. Для меня это означало долгое следование за ним по неясному маршруту — я понятия не имел, куда он мог поехать. Но на бульваре он свернул направо, в сторону железной дороги и платформы Маленковская. Это тоже могло означать долгую прогулку, только уже по Подмоскovie.

Впрочем, и на платформе Лёха не остановился. Он преодолел железку по переходу и мы оказались в Сокольниках. Этот парк я помнил совсем другими — более ухоженными и цивилизованными, если под этим термином понимать отсутствие буреломов и прочих поваленных деревьев, а также проложенные по плану пешеходные дорожки. Пока что тут царил первобытная дикость, хотя имелись и островки, где были заметны следы деятельности разумных существ. Но главное — здесь было в меру пустынно. И я решился. Быстро догнал Лёху и с ходу отоварил его в ухо своим ломиком. Он выронил пакет, сделал пару неверных шагов в сторону — и завалился наземь, если бы я его не подхватил. Сейчас мы с им выглядели как два подвыпивших приятеля, что вряд ли вызвало бы подозрение у любых зевак. Я сунул ломик в сумку, подхватил с земли мальборовский пакет и потащил Лёху прочь с дорожки, в самые заросли.

Для серьезного разговора со своим пленником я выбрал небольшую полянку, в паре десятков метров от железной дороги, но закрытой от неё кустами и деревьями. Свалил пленника прямо на землю, проверил пульс — живой. Достал из сумки веревку и крепко замотал ему нижние конечности. Потом связал руки спереди, оставив длинный свободный конец, вложил в ладони одну из бомбочек — и хорошенько обмотал всё это так, чтобы он не мог выбросить свою невольную ношу. Подтащил его тело к стволу одной из берез, устроил в сидячей позе. Кепка свалилась по дороге, а под ней обнаружился обычный полубокс, который устраивали в любых парикмахерских за пятнадцать копеек.

В карманах у Лёхи ничего ценного не оказалось. Пара мятых пятерок и серебристо-

медная мелочь да перочинный ножик, который я забрал себе, поскольку опять забыл обзавестись этим полезным в хозяйстве предметом. Правда, он не слишком подходил под мои требования, но до появления в свободной продаже швейцарско-китайских «викторинков» оставалось много лет.

В пакете было шесть альбомов западных металлистов — «Heaven and Hell» и «Born Again» Deep Purple, «In Through the Out Door» Led Zeppelin, «1984» от ВанХалена и «Highway to Hell» с «Back in Black» AC/DC. Про пару я слышал ещё в молодости, ещё про пару узнал уже во взрослом возрасте — эта музыка нравилась моей второй жене. Остальные никаких воспоминаний не пробуждали, но я был уверен, что и они, наверное, неплохие.

Пластинки были, похоже, оригинальные, и каждая стоила рублей по пятьдесят, если, конечно, это не подделки, а настоящая продукция одной из капиталистических стран; определять их на глаз я не умел. Они вроде не пострадали, но вообще я провёл Лёху по самому краю. Тут, конечно, ещё не было принято стрелять в тех, кто виноват в потере солидной суммы денег, но глаз на жопу натянуть могли. Я пока не решил, что делать с этим богатством, поэтому просто вернул пластинки в пакет и прислонил его к соседнему стволу.

Лёха оказался более хилым, чем Чикатило, и очнулся лишь через полчаса. Я не особенно волновался — место тут было укромным и непроходным, ну а если кого-либо занесет в эту глухомань, всегда можно сослаться на разборки между пацанами, в которых третий — лишний. Сейчас такие аргументы ещё работали.

Поэтому я спокойно сидел в позе лотоса рядом со своим пленником и стругал его ножичком подобранную веточку. Выстраивать план разговора мне было незачем, я уже примерно знал, чего хочу получить в итоге.

Наконец он открыл осоловелые глаза и осмотрелся вокруг, пытаясь понять, куда его занесло.

— Привет, Лёха, — подал я голос.

— Ты! — зарычал он. — Я тебя...

Он дернулся подняться, но веревка ему не позволила. Он упал ничком прямо мне под ноги и обратил внимание на то, что находилось у него у руках.

— Э-это... — его голос предательски дрогнул.

— Она самая, — я отбросил веточку и убрал ножик в карман. — Не очень мощная, но пару пальцев оторвет, а то и больше, как повезет — вернее, не повезет. Вот скажи мне, Лёха, ты на гитаре умеешь играть?

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Умею... развяжи меня, сучонок! Иначе тебе не жить!!

— Да-да, я в курсе. Так вот, возвращаясь к гитарам. Если эта штука сработает у тебя в кулаке, считай, на гитаре ты отыгрался. Да и дрочить сможешь только с помощью своих друзей. Как их там звали? Родион и Михаил? Хорошие друзья, да, Лёха?

Он попытался то ли разорвать веревки, то ли просто подняться. Я вытащил из сумки тот самый самострел, который мог сносить бошки, если его зарядить. Я его заряжать не стал, но Лёхе совсем не обязательно было об этом знать.

— Не дергайся, — посоветовал я. — У меня ствол. Хочешь пулю в печень? Могу посодействовать.

— Тебе не жиххх...

Угрожать человеку, который тебя связал и имеет что-то очень похожее на пистолет — идея не самая лучшая. Я привстал, протянул свободную руку и чуть сдавил его горло — так,

чтобы он не смог договорить свою страшную угрозу. Он проглотил последние слова и я снова сел на своё место.

— Пластинки тебе зачем? — поинтересовался я.

— Тебе пизxxx...

Я повторил прием с удушением.

— Пластинки, Лёха.

— Тебе не жить, сучонок, — со злостью, скривившей его лицо, прохрипел он. — Пацаны тебя теперь живого не отпустят, всё переломают нахуй.

— А откуда они узнают про меня? — с деланным удивлением спросил я.

— А тебе не похуй ли? — он храбрился, но я видел, что к злости примешивался настоящий страх.

Впрочем, такие мелкие уебки часто не имели тормозов и не просчитывали последствия своих действий. И этот, кажется, не был исключением.

— Да похуй, конечно.

Я встал и со всей дури ударил его ботинком по ребрам.

— Ссука! — провыл Лёха.

Я видел, что ему было чертовски страшно, но он ещё не сломался.

— Да что ты заладил — сука да сука? Расскажи-ка мне, Лёшенька, о себе. Кто ты такой, где живешь, где учишься, чем живешь. Мне очень любопытно.

— Хуй тебе! — он попытался харкнуть, но после сотрясения мозга этого делать категорически не рекомендуется.

— Это ты в каком смысле? — я изобразил недоумение. — Отрезать у тебя член? Зачем мне твой член? Я его тут и брошу...

— Бляя! Мы тебя найдем, сучара!

— Блин, что ж ты такой крикливый... прямо не пацан, а девка, которую под забором пользуют... Сам заткнешься или тебя научить, как надо правильно себя вести? Я даже не буду пока тебя без пальцев оставлять.

Я ещё раз пнул его по ребрам. Лёха скрючился от боли и снова выматерился.

— Неправильно, — констатировал я и снова ударил его примерно в то же самое место.

И опять услышал поток мата.

Лишь после пятого удара Лёха связал свой мат, боль и мою просьбу вести себя тихо в единое целое. После шестого удара он уже не матерился, а лишь шипел, лежа на боку и скрючившись в позе эмбриона. Но был в сознании и, кажется, всё прекрасно осознавал. Я опять сел перед ним.

— Ну как, понял? — заботливо спросил я. — А то я тебе вопрос, а ты мне в ответ хуй кидаешь. Так дело не пойдет. Давай, Лёшенька, рассказывай, кто ты такой.

Мне ещё дважды пришлось вставать и пинать пленника, чтобы он начал говорить нормально. Проверить его слова я, конечно, не мог, но всё сказанное им укладывалось в ту картину, которая уже имелась у меня в голове.

Лёха был, что называется, из пролетариев. Лет десять назад его семья жила в одном из деревянных барачков, чудом уцелевших вдоль железки после застройки Проспекта Мира и его окрестностей. На Новоалексеевской, например, эти двухэтажные строеньица снесли ещё в шестидесятые, когда, собственно, и появился почти современный проект автодороги в сторону Ярославля. Отец моего визави работал на стройках разнорабочим и безбожно пил,

мать была медсестрой в местной больнице и одна пыталась вытянуть всю семью — у Лёхи было ещё трое младших сестер, две из них и сейчас учились в школе. Получалось, разумеется, плохо — свою зарплату отец пропивал, у младшего медицинского состава оклад был копеечный даже со всеми дополнительными ставками. Ну и в итоге Лёха с малых лет оказался предоставлен сам себе, а его дальнейшая жизнь была расписана чуть ли не поминутно — восемь классов общеобразовательной, два года ПТУ или три — техникума, армия, женитьба и бытовой алкоголизм. Ну или первый привод в ментовку ещё во время учебы, второй — сразу по окончании училища, а если военком попадетя несговорчивый, то вместо армии Лёхе светила самая настоящая зона.

Но ему повезло. В шестом классе к ним в школу перевелся Боб — тот вроде бы нашел какие-то проблемы в своей элитной гимназии, и его родители быстренько получили новую квартиру и переехали, утащив за собой и своего дебила. Оперативность переезда ещё раз показала мне, что я влез в разборки каких-то местных мажоров, и это могло закончиться очень плохо, но бросать Аллу я не собирался.

Боб, Родион и Михаил были из очень хороших семей и сошлись быстро, а Лёха, похоже, попал к ним по приколу — ну или они посчитали его полезным. В итоге образовалась настоящая банда четверых. «Бандиты» не хулиганили, хотя могли и отметелить кого-нибудь по случаю, занимались больше чем-то богемным вроде пьянства, спекуляции и прослушивания музыки. У Лёхи к тому же обнаружился слух и легкий талант к гитаре, они думали даже группу собрать, но как-то не сложилось.

В армию Лёху, кстати, не взяли по здоровью — бывали и такие случаи в кровожадной Стране Советов. А вот Боба замели — и родители почему-то не стали его отмазывать, хотя, наверное, имели возможность. Члены банды к тому времени разъехались по разным районам. Боб с родителями вернулись в центр и жили на проспекте Калинина, Михаил женился, и родители выделили ему двухкомнатную квартиру неподалеку от проспекта Вернадского. Ну а барак, где обитал Лёха, наконец снесли, и он вместе со всей семьей переехал в пятикомнатную квартиру в новой девятиэтажке в Кузьминках. В районе ВДНХ остался жить только Родион, но и он уже думал съезжать от родителей — насколько я понял, те в поте лица организовывали ему подходящий жилищный кооператив.

Но они продолжали плотно контактировать и после всех этих перемещений, дружили, по словам Лёхи, крепко, и на просьбу Боба присмотреть за Аллой откликнулись всей душой. Тем более что пример того, как именно надо присматривать, показал сам лидер — а уж наезжать втроем на одного эти ребята умели хорошо.

Меня поразило, что Лёха буквально боготворил Боба — видимо, понимал, что без этого типа давно бы скатился по наклонной. ПТУ, кстати, он так и не окончил, оставшись со справкой о прохождении курса средней школы, но без аттестации. Я лениво подумал, что было бы здорово, если бы такие справки давали попаданцам сразу по прибытии. Тогда бы мне не нужно было учиться по второму разу, и я вообще не волновался бы о высшем образовании.

— И что мне с тобой делать? — я сделал вид, что размышляю вслух.

— Ссука... развяжи... руки затекли, — прошипел Лёха.

Но очень-очень тихо. Мне даже встать не пришлось.

— Потом, — пообещал я. — Если захочешь. Смотри, Лёха, вариантов у нас немного. Допустим, я тебя просто отпускаю и даже возвращаю тебе эти пластинки. Завтра вы втроем

встречаете меня и снова избиваете, но на этот раз гораздо серьезнее, чтобы я на пару недель загремел в больницу. Так?

Он угрюмо промолчал. Пришлось пнуть его в ногу.

— Так.

— Я, конечно, накатаю заяву в полицию, вам, думаю, немного потреплют нервы, но в целом вы даже на пятнадцать суток не загремите. И когда я вылечусь и снова вернусь к Алле, нас ждет ещё одна встреча. Так?

— Так...

На этот раз обошлось без взбадривающего пинка.

— Ты же понимаешь, Лёха, что мне этот вариант не очень нравится?

Он хмуρο кивнул. Пришлось снова пинать.

— Понимаю, — буркнул Лёха. — А если мы про тебя забудем? Я поговорю с ребятами, они поймут... Заебало вокруг этой девки прыгать, пусть Боб разбирается...

Я пнул его — для порядка, чтобы не говорил про Аллу плохо, — а не потому, что его предложение никуда не годилось. Хотя оно не стоило слов, которые Лёха потратил на то, чтобы произнести его.

Судя по его же собственным словам, Лёха в этой компании находился на положении мальчика подай-принеси. Он в меру сил прилежно выполнял порученные ему задания, за что имел немного денег и много власти — точнее, много больше, чем мог себе позволить в силу интеллекта и происхождения. Ни Родион, ни Михаил не обратят внимания на его предложение — пошлют и будут в своём праве. А этот уёбок утрется и будет делать то, что скажут старшие товарищи.

— Это ты сейчас изложил наш с тобой второй вариант, как я его вижу, — продолжил я. — Только упустил несколько важных моментов. Сначала я приведу в действие эту бомбочку, которую ты так нежно держишь... не дергайся... мы пока всего лишь разговариваем. Потом вышибу тебе несколько зубов и помогу собрать их. Вот в таком грустном виде ты и скажешь своим приятелям то, что собирался. Ну и от меня передашь — если они тебя не послушают, то я проделаю с ними то же самое. Выловлю по одному и проделаю. Адреса я теперь знаю, где искать — тоже. Ну а поскольку я сомневаюсь, что они, посмотрев на тебя, испугаются, то скоро у вас будет инвалидная банда безруких. Даже пластинку на проигрыватель поставить не сможете, поэтому я их сразу себе заберу, вам они ни к чему. Хороший вариант?

Я доброжелательно улыбнулся.

Кажется, Лёха проникся всем ужасом своего положения, и даже возможные страдания приятелей его не могли утешить. Он снова забился в путах, но я вязал на совесть.

— Ссука... — но и на этот раз он не кричал.

— Блин, как же ты заебал своей сукой, — я лениво пнул его. — Вот чего ты такой тупой, а, Лёха? С чего вы вообще так трепетно выполняете просьбу своего Боба? Он вам кто — царь-батюшка?

— Друг он нам, а за друзей надо...

Лет через несколько примерно по той же причине и с похожей мотивацией такие же компании старых друзей начнут мочить тех, на кого укажет лидер. И сами будут гибнуть один за другим. Мне стало любопытно, как эта четверка пережила беспокойные девяностые и сколько трупов успела оставить на своем пути.

— Дебилы, вот вы кто, — я сплюнул на землю. — Боб твой — мстительный мелкий

мудак, а вы трое — просто дебилы, которые выросли, но мозгов не завели. Вот смотри сюда. Дело было чуть ли не три года назад. С Аллой Боб гулял сколько-то месяцев, потом они расстались. И так его от этого расставания припекло, что он прямо спать не мог, если у девушки всё нормально было. А вы и рады стараться — ну а чё, наезжать много мозгов не надо, развлечение опять же. Вам слишком долго везло... слишком долго. Однажды вы должны были наткнуться на того, кто тупо оказался бы сильнее или опаснее вас. Бог знает, как вы пережили бы эту встречу, гадать не хочу. Судьбе было угодно, чтобы вы наткнулись на меня. Один классик как-то сказал, что бить детей нельзя, но надо же что-то с этими сволочами делать. Вот я и думаю, что же такого можно с вами сделать, чтобы вы слегка перековались. Самую малость... которой, я надеюсь, хватит, чтобы вы оставили меня и Аллу в покое. Кстати, Лёх, ты не спи, — я ещё раз двинул по нему ногой, — А кто вам про Аллу всё доклады... докладывал?

Я понял, что знаю ответ, ещё не договорив. И он мне совсем не понравился.

Я не стал калечить Лёху. Под конец нашей беседы он уже перестал рыпаться, и гонору в нём заметно поубавилось. Но пару напоминаний о том, до чего мы договорились, я ему всё-таки оставил. Теперь у него был прикольный бланш под левым глазом — пройдет за неделю, не больше, — а сломанный мизинец на правой руке навеки закрыл ему дорогу в классическое гитаристы, хотя лабать рок, особенно русский, он сможет. Пластинки тоже вернул, но не все, оставил себе «мальборовский» пакет и «Back in Black» AC/DC — как гарантию пакта о ненападении со стороны их компании. Мол, если с месяц они меня трогать не будут, пусть напомнят — верну.

Лёха, правда, канючил, что пласт не его и не Родиона, а взят на время у серьезных людей для серьезных дел, но я пропустил его нытье мимо ушей. Таким, как он, серьезные дела не поручали — это я знал точно. А серьезные люди сейчас в большинстве своём воровали по мелочи под бдительным надзором партии, ОБХСС и КГБ, зарабатывая себе и смотрящим на хлеб с маслом и икрой и готовясь к покорению капиталистических высот, как только коммунистическая идеология даст слабину.

Я дождался, пока Лёха ухромает куда-то вглубь парка, в сторону метро — кажется, я перестарался, пиная его по ногам, — поднял забытую им кепку и в задумчивости уставился на бомбочку, которая так и осталась целой и невредимой. Вторая такая же лежала у меня в сумке.

У меня не было ни капли веры моему недавнему пленнику. Скорее всего, совсем скоро меня ждет ещё одна встреча с этой компанией, и её результат мне заранее не нравился. Вот только моя подготовка к этой встрече оказалась говном на палочке, все эти бомбочки и самопалы хорошо было использовать из засад или применять для устрашения уже поверженных врагов. А вот в банальном махаче нет времени поджечь запал, и никто не будет стоять столбом, пока ты прицелишься вязвимое место. Но отлавливать этих обсосов по одному? Долго и результат неясен, хотя я мог рассчитывать на то, что они устроятся и отступят — хотя бы до возвращения Боба из армии.

Но поведение Лёхи показало, что у этих ребят есть какой-никакой внутренний стержень, и я будут ломать их очень долго. Это сейчас он слегка офигел от моего напора и ушел, даже не попытавшись кинуться на меня, чтобы нанести хотя бы один удар. Оставшиеся двое будут готовы, и отпускать их будет ошибкой. А я всё ещё морально не был готов калечить живых людей. На краю сознания мелькнула мысль потренироваться на кошках,

чтобы ожесточиться сердцем и душой, но я быстро прогнал дурные мысли. Котики не виноваты в том, что я тряпка. У них как раз с яйцами всё в порядке, даже у кастрированных экземпляров.

Я осмотрелся по сторонам, нашел подходящий расщеп в давно поваленном дереве, сунул туда световуху и чиркнул по запалу спичечным коробком. Стасик не обманул — бомбочка хлопнула через три секунды. Звук был не слишком внушительным, но вспышка получилась знатной — я ощутил её даже с плотно закрытыми глазами.

Зато бризантное действие поделки внушало уважение — я осмотрел место установки и понял, что Стас слегка перестарался. Если бы я взорвал её в ладонях Лёхи, он бы остался без рук по локоть. Я мысленно перекрестился, что не пошел по этому пути, который в статье сто восемь УК РСФСР квалифицировался как умышленное тяжкое телесное повреждение. А это — до восьми лет лишения свободы. Моей свободы.

Я надел Лёхину кепку, взял в руки пакет с пластинкой и отправился в свой гараж.

[1] Егор ошибается по поводу революционности господина Константинова. Улица названа в честь русского военного инженера, родного внука императора Павла I, работавшего в области ракетной артиллерии.

Глава 12. Мопед моей мечты

От мощного самопала я избавился по уже знакомой схеме — закинул его на крышу одного из гаражей по дороге. Вернуть это оружие всегда можно — если в ближайшие дни не пойдут проливные дожди, которые достаточно быстро превратят ложе в гнилую деревяшку, а тонкий механизм спуска — в спекшееся ржавое нечто. Стас, наверное, расстроится, но я рассчитывал на его понимание общей обстановки.

С бомбочками, у которых был химический запал, я так поступить не мог. Просто выкинуть их, например, в тех же Сокольниках, нельзя — могли наткнуться детишки. К тому же жаба душила, да и Стас точно не оценит. Его доброта безгранична, а быстро изготовить что-то настолько же продвинутое я, наверное, не смогу. В итоге я нашел компромисс — световухи с химией упаковал в «мальборовский» пакет и закопал рядом с забором кооператива, прямо у «моего» гаража. По нынешним временам я совершал натуральное святотатство, но я привык к другому отношению к неэкологическому пластику.

Оставшиеся вертолетные детали я раскидал по разным полкам гаража, замаскировав их другим хламом; туда же отправил оставшуюся бомбочку, которая не могла взорваться при любом неосторожном движении. Оставались два самопала, которые Стас изготовил по упрощенной методике. Там тоже использовалась смесь марганцовки и магния, картечью служили три шарика, а в действие он приводился с помощью всё той же охотничьей спички — вернее, очень короткого её обрезка. Наверное, стоило их захоронить вместе со световухами, но у меня рука не поднялась. Я так и сидел на древней табуретке, глядя то на эти два пистолета, то на черный конверт пластинки австралийской рок-группы, и пытался понять, что мне делать дальше.

В принципе, будущее просматривалось достаточно ясно. До осени мне предстояло отбиваться от приятелей Боба. Скорее всего, меня регулярно будут бить, а я буду отлавливать их по одному — и бить в ответ. Их имена я теперь знал, знал и адреса, по которым их можно было найти, знал даже, где и когда они бывают чаще всего. Но это было так себе развлечение для моего прибывшего из будущего сознания. Я был слишком стар для этого дерьма.

Самым разумным, пожалуй, было бы просто написать заявление в полицию уже после первого же серьезного нападения. Снять синяки в травмпункте, пожаловаться дяде участковому на плохих хулиганов — и пусть наша доблестная с ними и разбирается, раз уж её сотрудники получают за это зарплату. Правда, я и в самом деле не особо верил в то, что приятели Боба одумаются после близкого общения с правоохранительными органами — они, похоже, вошли во вкус, им кажется, что весь мир создан для их удовольствия, а тут какой-то прыщ позволяет себе вставать у них на пути. Конечно, ничто не мешало написать заявление и во второй раз, и в третий — сколько понадобится, бумаги в СССР много, а врачи принимают бесплатно. Но всегда есть шанс, что в какой-то момент эти ребята увлекутся, и инвалидом стану уже я.

— Эй, пацан, не занят?

Я обернулся. В гараж заглядывал давнишний «морж» — один из тех, кого я учил регулировать трамблер на «копейке». Вернее, не учил, конечно, они и сами это умели, но указал на неисправность.

— Конечно, — я широким жестом пригласил его войти и одновременно накрыл кепкой свой арсенал. — Добрый вечер.

— Добрый, добрый, — «морж» протиснулся в узкую дверь... — Как дела молодые?

— Идут потихоньку, в нужном направлении.

Говорить про то, что дела у прокурора, я не стал.

— Это хорошо, — кивнул он.

Я терялся в догадках, что ему могло от меня понадобиться. Не помощь же с ремонтом машины? Вряд ли я настолько поразил его своими познаниями, чтобы он готов обратиться к совершенно неизвестному юнцу хотя бы с элементарной просьбой подержать ключи. Да и в кооперативах тут состоят, в основном, лично знакомые люди — сослуживцы или даже соседи по дому, которые в этом времени легко отзываются на зов ближнего. Это уже потом, после перестроек и прихода капитализмов, контингент тут серьезно обновится, и взаимовыручка уйдет в прошлое, хотя и не до конца. Тому же «моржу» сейчас стоит лишь свистнуть, ну а если надо срочно — ещё и побулькать чем-нибудь горячительным. Тут же набегут помощники в количестве.

Мне же от него нужно было только одно — чтобы он убрался как можно дальше и не мешал мне готовиться к пиздюлям от недругов. Всё-таки точное знание того, что в ближайшем будущем тебе будет очень больно и, скорее всего, обидно, требовало сосредоточения. Тем более что простого выхода из этой жопы я больше не видел.

Но уходить мужик не собирался. Он огляделся, ловко выдернул из кучи хлама трехногий стул с высокой спинкой, прислонил его к воротине — и устроился почти рядом со мной. Я почувствовал легкий запах спиртного. Видимо, свою ежедневную дозу водки он уже принял.

— Слушай, я тут что подумал... — начал «морж» как-то неловко. — Ты же вроде мопед хотел? Не присмотрел ещё?

Я не помнил, с какого перепугу решил упомянуть про мопеды в том разговоре. Они были моей мечтой из далекой юности — одной из многих, для реализации которых я так ничего и не сделал за свою первую жизнь. Когда я учился в старших классах, обладатели различных мокиков были сродни элите, а их статус среди подростков нашего города был очень высок, и они лишь немного не дотягивали до владельцев настоящих мотоциклов. Но всякие «Явы» и «Мински» были прерогативой более взрослых ребят, как правило, уже отслуживших в армии, нам они не полагались в силу возраста, а на мопеды, которые почти мотоциклы, с мотором и передачами, права были не нужны. Как и многие мои друзья и знакомые, я загорелся мечтой о собственном мопеде после «Приключений Электроника», герой которой рассекал на настоящей «Верховине-4». [1]

Но мои родители тогда почему-то уперлись — свой отказ они не объяснили, и я так и остался в неведении относительно причин, по которым они зарубили мою мечту на взлете. Можно было пойти другим путем — начать подрабатывать и копить сдачу с походов в магазин, чем я успешно, но без особого результата и прозанимался до самого отъезда в Москву. Вернее, полсотни советских денег я таки собрал, но на мопед их точно не хватало. В институте я этот полтинник успешно пропил и проиграл в преф в первом же семестре, а остатки потратил на поход в «Елисейский» перед каникулами.

Впрочем, с несправедливостью этого мира меня примиряло то, что мопеды были у считанных счастливых, несмотря на их весьма демократичную цену — та же «Верховина» почти в любой комплектации стоила примерно как самый простой кассетный

магнитофон, около двухсот рублей. Магнитофон, кстати, мне тоже так и не купили — я обзавелся этой техникой уже в девяностые, со своих нетрудовых доходов, и это была не советская «Весна», а целый комбайн японской фирмы «Панасоник». Но тогда мне уже было не до музыки, хотя вторая жена и дети были довольны.

Но поскольку мопеды были настоящей мечтой, мы знали о них почти всё — названия движков на пятьдесят кубиков, какой лучше, какой хуже, тип зажигания, умели заводить и ездить. К тому же мне немного повезло. В той деревне, где я возил пьяного дядьку на машине, один из вернувшихся из армии парней заимел такой аппарат, но вскоре купил нормальный «Иж» с коляской, который был более полезен для сельского быта. Мопед — это была хорошо измордованная, хоть и не слишком старая «Рига» поздних выпусков — перешел по наследству его младшему брату, с которым у меня были ровные отношения. За лето я научился разбирать и собирать убитый движок, смазывать нужные места и заставлять эту колымагу двигаться в том направлении, которое выбрал я, а не слепое провидение.

Летняя практика, кстати, меня слегка отрезвила. Мопеды требовали постоянной заботы, а возможность спокойно кататься на них, весело рыча моторчиком, покупалась регулярной возней в грязи. К тому же гаража у нас тогда ещё не было, и хранить и ремонтировать эту технику было негде. Мопед нельзя было просто оставлять на улице, как это делали в моем будущем, — уведут сразу же, хоть на десять цепей пристегивай; вместе с цепями и уведут. Ездить мне на нем, кстати, тоже было особо некуда, да и возить некого — хотя я не исключал, что подходящая девочка обязательно найдется. Во всяком случае, все обладатели мопедов с нашего района имели подруг, словно это шло бонусом к покупке мототехники.

Я так до конца не разобрался в своих тогдашних ощущениях, но энтузиазм у меня серьезно приугас — возможно, именно поэтому я так и не набрал нужную сумму. Ну а совсем потом я понял, что всё не так просто и с бонусами, и с девочками, и оставил этот период своей жизни в далеком прошлом. Автомобили были удобнее, комфортнее и обладали большим количеством плюсов в любых смыслах. Например, у них была крыша для защиты от дождя.

Но во время беседы в гаражах я почему-то упомянул именно мопед.

— Нет, что-то не нашел того, который хочу... я бы, конечно, новый взял, но на стипендию особо не разгуляешься, а просить у родителей не хочу, — очень осторожно сказал я.

Не хватало мне ещё допроса по полной форме — типа, какого фига я тогда тут сижу, раз мопедом не обзавелся. Но «морж» лишь покивал головой.

— Это да... — протянул он. — А ты не занят сейчас ничем?

Я с тоской подумал, что ему всё-таки нужна моя помощь — например, с чем-то тяжелым, что нужно куда-нибудь оттащить. Например, на помойку.

— Да не особо, — я покосился на кепку, из-под которой выглядывали два ствола-трубки.

— Пошли со мной!

— Куда? — лениво поинтересовался я.

Двигаться мне хотелось меньше всего.

— Да у меня там... — он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону Кремля. — Может, сможешь что с ним сделать...

«Мопед?»

Озвучивать этот вопрос я не стал — ответ был очевидным. Конечно, мопед — правда, неизвестно, в каком состоянии. Иначе бы он сразу озвучил цену.

— Пойдем, — я легко поднялся. — Далеко?

— Не, рядом, соседний ряд, — «морж» тоже вскочил и быстро, пока я не передумал, направился в сторону выхода. — Да ты не закрывай, мы за минуту обернемся.

Этот совет я не послушал — мне только чужих глаз в этом гараже не хватало. Да и неизвестный мне Саныч вряд ли обрадуется, если из его сокровищницы пропадет пара ценных вещей.

Идти действительно было рядом — до центрального прохода, а гараж «моржа» был вторым с краю. Он отпер свой бокс, зажег свет — и пригласил меня внутрь.

У него была белая двадцать четвертая «Волга», за которой он, похоже, хорошо ухаживал — ни одного скола на лакокрасочном покрытии, всё вымыто, высушено и проглажено, да и в салоне просматривался почти идеальный порядок, никаких забытых вещей, ничего лишнего, только то, что было установлено на заводе. В гараже всё тоже было убрано и развешано по своим местам. Я подумал, что если бы тут водились мыши, то «морж» нарисовал бы для них специальную разметку — и заставил бы соблюдать правила дорожного движения.

Он протиснулся к дальней стенке и махнул мне рукой. Я подобрался поближе, стараясь ничего не задевать. Мало ли что — ещё заставит полировать свою машинку в наказание. Мне почему-то показалось, что этот просто выглядевший мужик был каким-нибудь педантичным и занудным начальником среднего звена, от которого воем выли подчиненные. Но я мог и ошибаться.

— Вот!

Он стянул какую-то относительно чистую тряпку с груди чего-то — и продемонстрировал мне пятую «Верховину», с которой судьба обошлась весьма немилосердно. Переднее колесо лежало отдельно в виде какой-то футуристической конструкции из гнутаго обода и торчащих во все стороны спиц, а передняя вилка вместе с рулем была свернута набок.

— Оболтус мой, даром что умный, весь в меня, выпрашивал года два, а как купили ему — в первый же день умудрился под «Камаз» заехать, — сокрушенно объяснил «морж».

— С оболтусом всё в порядке? — поинтересовался я.

Впрочем, кровавых подтеков на мопеде не было.

— А, что ему сделается, — отмахнулся он. — Моя порода, ничем нас не проймешь. Отряхнулся да потащил мопед сюда. Ну... то, что осталось.

— А чего сами не восстановили?

Судя по всему, встреча с большим грузовиком прошла для «Верховины» без непоправимых последствий. Колесо и вилка, конечно, без разговоров под замену, но это не двести рублей за новый мопед.

— Мне не до него, а сыну уж тем более — в школе пока учился, не стал заниматься, а как в институт поступил, так вообще нос от него воротит.

— А где он учится?

— На геолога, по моим стопам пошел, — гордо объявил «морж» и добавил: — Это же от нашего института кооператив, ты что, не знал?

— Откуда, — я развел руками. — Таких подробностей Елизавета Петровна мне не рассказывала.

— А там же табличка, — снова неопределенный жест куда-то в сторону Японии. — На

ней прямо написано.

— Виноват, пропустил, — я улыбнулся.

— А, вечно вы, молодые, куда-то бежите, бежите... — махнул он рукой. — Ну так как, возьмешь? За два червонца отдам!

Это было щедрое предложение. Очень. Настолько щедрое, что я попытался найти в нём подвох — и не смог.

— Почему вы за столько отдаете? Это очень дешево... Через объявления его можно продать рублей за пятьдесят или даже дороже, но это если время терпит.

— Я так и собирался, но руки не дошли, — сказал «морж». — А тут ты подвернулся. Вот и подумал — и доброе дело сделаю, и место освобожу.

Объяснение было так себе, но я решил не настаивать. Раз предлагает — значит, имеет причины. Ну а какие они — не моё дело. Хотя вешать на себя обузу в виде этой тарактелки совершенно не хотелось.

— Знаете... — я вопросительно посмотрел на собеседника.

— Николай, зови меня Николаем, нечего ещё и тут по отчеству...

— Очень приятно, Николай. Меня Егором зовут, — представился я. — Всё равно слишком дешево, я не могу такие подарки принимать, совесть замучает. Давайте так поступим, — я заметил, что по его лицу пробежала тень, и поспешил немного исправить произведенное впечатление. — Я его заберу, могу даже двадцатку в залог оставить. Но потом почию, покажу, и если вы решите, что продешевили, то я вам его верну. Правда, вам придется вернуть мне залог и стоимость запчастей... ну и моей работы. Но в целом виде я бы его оценил рублей в сто двадцать. Подойдет так?

Конечно, Николай согласился. Но сразу тащить в свой бокс этот мотохлам я не стал. Мы договорились, что на завтра вечером либо я к нему загляну, либо он ко мне. Правда, мне теперь в гараже было делать нечего, но ради поддержания легенды я был готов задержаться в этом царстве автомобилистов. Всё равно нужно было как-то убивать время между набегам на приятелей Боба.

Обратно я возвращаться не стал. Снова сидеть перед пластинкой AC/DC и парой пистолетов было глупо — я мог додуматься ещё до чего-то странного и потом начать воплощать это в жизнь. У меня и так хватало забот, чтобы добавлять себе новых. Я уже почти физически ощущал, как утекает время, отпущенное мне на то, чтобы попытаться изменить хоть что-то. Эти пидарасы Боба были совсем некстати.

— Твой Михаил Сергеевич звонил.

Алла встретила меня в прихожей и поприветствовала легким поцелуем. Меня это всё ещё вгоняло в лёгкий ступор — я уже забыл немного странное чувство постоянных прикосновений, забыл, как оно бывает в самом начале отношений и в юности. В зрелом возрасте ухаживания проходили как-то более обыденно, без былой романтики. И я, и мои женщины обычно знали, что будет, и знали, когда это произойдет. Ну и были готовы к такому развитию событий.

С Аллой всё, наверное, походило на то, что проделывали друг с другом я и та девушка, которая стала моей первой женой, в самом начале нашего знакомства. Вот только та девушка очень быстро оказалась в статусе жены — возможно, слишком быстро для нашего с ней возраста.

— Он не мой, — ответил я. — И чего хотел этот могучий старик?

Она прыснула.

— В гости приглашал, в субботу. Поедем?

— Ну а почему нет, — я пожал плечами. — Надо же за поездку отчитаться, ему, наверное, отчеты всякие надо закрывать по моим чекам... хотя не знаю, как он отчитывается и отчитывается ли вообще перед кем-то. Но это не наше дело.

Насколько я помнил, Михаил Сергеевич собирался вставить мне пистон за то, что я кому-то не тому отдал важную бумажку с печатью. Мальчиком для битья мне быть не хотелось, но я сомневался, что втык будет каким-то грандиозным, хотя он мог оказаться просто унижительным. Но бумажки — чеки за бензин и один оставшийся у меня «вездеход» с печатью — вернуть всё-таки было нужно. Правда, я был уверен, что старику и то, и другое было не очень нужно.

— Тебя тоже пригласил? — уточнил я.

С Михаила Сергеевича станется пригласить меня в гордом одиночестве.

— Конечно! Он даже пообещал, что будет то самое вино, которое мы пили тогда... Я сказала, что оно мне понравилось, и он сказал, что озаботится. Представляешь, прямо так и выразился — озаботится, — она хихикнула.

Я был бы больше удивлен, если бы старик использовал какое-либо другое слово. Всё же он был очень старой закваски.

— Ну и здорово. Не хотел бы я к нему в одиночку ехать. Как я тебя одну оставлю? — я чмокнул её в щеку.

— Я бы тебя не пустила! — пообещала Алла.

— А время он назначил?

Старик был человеком дотошным и пунктуальным и от окружающих требовал того же.

— Да! — Алла сморщила носик. — В час дня, на «Сокол». Это же там вы чай пили?

— Ага, дача у них там, — кивнул я. — Ну хорошо, совершим визит вежливости.

— Визит, — она прыснула — и сразу посерьезнела. — А ты уже думал о том, куда хочешь переводиться?

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, о чем речь.

— Не, — я мотнул головой. — Не до этого было. Сейчас я твоими знакомыми занят.

— Они не мои знакомые!

— Ну твоего знакомого знакомые, — я улыбнулся, показывая, что претензий не имею. — Ничего, скоро с ними разберусь и начну смотреть, что предлагают московские вузы. Я до этого как-то и не интересовался и не знаю... вдруг где-то рядом есть специальность, о которой я всегда мечтал?

Я точно знал, что такой специальности не существует. Любая работа является скучным, нудным и однообразным занятием, независимо от того, как это выглядит со стороны. Великие певцы помимо приема цветов и аплодисментов от благодарных поклонников ежедневно повторяют одни и тех упражнения, без которых могут просто потерять голос. Знаменитый писатель сидит за письменным столом по десять-двенадцать часов в день с очень неясным результатом. Астроном годами скрупулезно высматривает в миллионах одинаковых темных пятнышках перемещение нужного пятна, чтобы вычислить его скорость или другие параметры и добавить ещё одну строчку в многотомную статистику движения звездных тел. Журналисты попадают в забавные ситуации только в кинофильмах, а по

большей части делают одну и ту же работу на протяжении всей жизни. Про всяких рабочих, инженеров и прочих представителей уважаемых в СССР профессий и говорить не приходится — хочешь не хочешь, а с восьми до пяти будь добр отдать долг государству.

Меня не очень привлекали романтика дальних странствий и сосуществование с медведями и комарами в дикой тайге. Мне не хотелось строить очередную железную дорогу в отдаленных районах Советского Союза или поворачивать сибирские реки на юг.

Пожалуй, я был бы согласен снова стать водителем — но для этого мне совершенно не нужно было учиться пять лет в институте. Я был готов выйти на любую связанную с машинами работу прямо завтра, вместо изучения дифференциального счисления в компании с госпожой Фишерман. Вот только эта работа тоже была грустной и скучной — особенно сейчас, в этом времени, где действуют ещё не отмененные законы о борьбе с тунеядством и нетрудовыми доходами.

Мне хотелось, чтобы меня озарило. Чтобы с неба ударила молния, подожгла какой-нибудь куст, а трубный глас произнес, что мне нужно сделать. Но такое было возможно только в далеком прошлом, сейчас рассчитывать на чудеса было бы чересчур опрометчиво.

Глава 13. Хиппи на обмен

Саму идею о переводе в другой институт и на другую специальность я подхватил как раз с подачи любезнейшего Михаила Сергеевича. Когда он рассказал, что учился на юриста, я вспомнил, что в далеком отрочестве мечтал стать следователем. У этой мечты тоже была кинематографическая основа — по телеку показали «Место встречи изменить нельзя», и я загорелся поступить на юридический факультет, который имелся в университете в соседнем городе. Я тогда был уже почти взрослым, учился в седьмом классе, и новая идея захватила меня достаточно сильно. Я списался с этим вузом, получил небольшую книжку в помощь абитуриентам, узнал, что там хотят историю, иностранный, русский... кажется, ещё что-то, я уже не помнил. Летом перед девятым я записался на их заочные подготовительные курсы, начал активно заниматься — в общем, это, наверное, была единственная мечта из детства, для воплощения в жизнь которой я проделал хоть какую-то работу.

Много позже я стал немного разбираться во всех этих милицейских делах и понял, что Жеглов с Шаратовым были простыми оперативниками, хотя и в чинах — как и герои незабвенного, но ещё не снятого сериала «Улицы разбитых фонарей». Хотя, наверное, юридическое образование и им пригодились бы.

Впрочем, с того времени, когда я мечтал выучиться на следователя, лично для меня прошло сорок с лишним лет. Это как детская мечта стать продавцом мороженого или космонавтом — во взрослом возрасте они вспоминаются с легкой ностальгической улыбкой и безо всякого сожаления о несложившейся карьере. Помнится, мальком я много кем хотел стать — в том числе, например, десантником, уже не помню, почему. Но в реальной жизни я ни разу не рискнул прыгнуть с парашютом; лишь однажды совсем решился — но вмешались высшие силы, которые помешали мне исполнить задуманное. Я посчитал это знаком и больше судьбу не искушал.

То же самое можно сказать и про юриспруденцию. Мне иногда было жаль, что я не додавил эту мечту, не довел её до воплощения. Но в то же время я понимал, что юрист — это прежде всего стиль жизни, а не образование, хотя и оно лишним не будет.

В сороковые годы текущего века ещё можно было отправить в милицию на усиление вчерашних рабочих, но и тогда это было сродни довольно жестокому способу обучения плаванию методом бросания в воду — кто выплыл, тот молодец. Остальные погибали в стычках с бандитами, заваливали порученный им участок работы и в лучшем случае уходили в какие-то смежные области. В восьмидесятые практика комсомольских и партийных наборов в правоохранительные органы себя изжила, а активистам как максимум дозволялось строить коровники в рамках студенческих стройотрядов.

Я считал, что неплохо себя знаю, а также имел нескольких знакомых юристов, и хорошо понимал, что из меня не то что следователь — помощник нотариуса или секретарь в суде выйдут хреновые. Но сама мысль о юрфаке меня грела — невзирая на то, что для меня это было чревато той самой потерей года обучения, которой я пугал Аллу. Совершенно разные программы лишали меня возможности избежать ещё одного первого курса. Собственно, я даже не знал, смогут ли на юрфаке хоть что-то мне перезачесть — если только иностранный, да и то не факт. Заборостроителей учили английскому с упором на технические термины; в первой жизни, если надо было договориться с иностранцем, я пользовался некой упрощенной версией этого языка, который у юристов, скорее всего, не в

ходу.

В общем, я оказался в положении буриданова осла. В нашем заборостроительном мне нужно было всего лишь вспоминать, что мы проходили когда-то; некая мышечная память мозга позволяла мне такие выкрутасы — когда я на что-то натыкался, то понемногу узнавал когда-то прочитанное и выученное. На том же юридическом мне будет, наверное, интереснее учиться, но стократ сложнее. То же самое касалось и любого другого института, который я мог бы выбрать — со своими нюансами, конечно.

Ну и мне не следовало забывать о том, что при переводе я терял отсрочку от армии — советское правительство не приветствовало метания юношей, которые тщились найти себя, и сразу давало им два года на размышления, кем они хотят стать, когда вырастут.

У меня для поиска ответа на этот вопрос была вся жизнь, но я так и не выяснил этого — о чем сейчас сильно жалел.

В обед меня отловила Натаха, и она была очень зла. Жасыма просто сдуло с места в неизвестном направлении, когда он рыкнула на него, и я надеялся, что наш Казах окажется там, куда мы с ним собирались, то есть в столовой, а не на своей исторической родине. Я же на такую милость судьбы рассчитывать не мог — разъяренная мегера закрыла для меня любые пути к бегству и цепко держала за рукав.

— Серов, я тебя ненавижу, — прошипела она, оттащив меня в угол.

— За что это? — удивленно спросил я, хотя одно нехорошее подозрение у меня имелось.

Мы с ней не общались с понедельника, когда она передала мне сообщение о том, что мною интересуются неизвестные личности. Вернее, здороваться здоровались, но до разговора ни разу дело не доходило.

— А то ты не знаешь?

Я начал её немного опасаться — она была в том состоянии иступления, в котором женщины, например, побивали камнями Иисуса, тащившего свой крест. Если у неё слетит хоть один из тормозов цивилизованного человека, она вполне может попытаться выцарапать мне глаза.

— Понятия не имею, — честно ответил я.

Ну, почти честно.

— Ты меня подсиживаешь! — её палец упёрся мне в грудь.

Я покосился на её руку и прикинул, что до глаз осталось совсем чуть-чуть.

— В смысле?

— Ты хочешь стать комсоргом группы! — ещё один тычок пальца.

— Я?! Да с чего ты взяла?

Мне пришлось напрячь все свои актерские способности, чтобы изобразить удивление и возмущение самим фактом того, что меня могут подозревать в таком коварстве. На всякий случай я схватил её за руку и отвел это опасное оружие чуть в сторону.

— Мне Саша сказал! Он тебе предложил, а ты согласился!

Как я и подумал, наш институтский комсомольский вожак решил быстренько повернуть дело с выдвиганием меня в активисты, пока я не сказал категорическое «нет» его инициативе. Правда, мы с ним с тех пор больше не виделись. Во вторник я честно зашел в их каморку в назначенное время, поскольку привык выполнять свои обещания, но Саша там не обнаружил. Зато там был Глеб — он был членом комитета комсомола и заведовал как

раз стройотрядами. У Глеба мой интерес к летнему заработку особого интереса не вызвал, и я его понимал — первокурсник, не слишком инициативный, учится хорошо, но к коровникам никакого отношения не имеет, со старичками дружбы не водит. В общем, одно сплошное неизвестное, которое чревато брать в отряд, нацеленный на заколачивание бабок. Но в большой грессбух он меня внес по полной программе — имя, отчество, фамилию, дату рождения. А я настоял, чтобы в примечаниях было указано про наличие у меня прав на грузовик.

Я всё ещё не собирался ни в какие стройотряды, просто отработывал наспех придуманную легенду, но пусть знают, что у меня есть хоть какие-то козыри. К тому же я всегда мог сослаться на жизненные обстоятельства непреодолимой силы, которые мешают мне прожить пару месяцев вдали от Аллы и собственной семьи.

Ну а после стычки с Лёхой я окончательно забыл про наших комсомольцев и их интерес ко мне — пока Наташа не напомнила мне об этом вот таким странным способом.

— Наташа, постой, — я отвел её руку ещё дальше от своего лица. — В понедельник я действительно говорил с нашим вождем, но про стройотряд. Он тогда спросил, не хочу ли я войти в актив, который им типа жизненно необходим, я обещал подумать. Никаких «согласился» не было! Это он придумал. Или ты его неправильно поняла. Что он тебе сказал?

Наташа ненадолго подвисла.

— Что ты хочешь стать комсоргом! — она выдернула руку и снова вонзила палец мне в грудь.

— Значит, соврал твой Саша, — я пожал плечами.

— Он не мой!! — Наташа слегка пошла розоватыми пятнами.

А я вдруг подумал, что её активизм мог быть вызван и простой влюбленностью вчерашней школьницы в нашего комсорга. Я совершенно не помнил, от кого она залетела, да и не интересовался этим никогда, но не стоило с ходу отметить версию, что отцом ребенка мог быть этот Саша. Очень вероятное развитие этих странных отношений.

— Да мне по барабану, чей он. Ладно, Наташ, сама с ним разбирайся. Я ни в какие комсорги не собирался, б... чем угодно клянусь. А сейчас извини, мне пожрать надо успеть.

Я отодвинул девушку с дороги и пошел — только не в буфет, где, наверное, меня ждал Казах, а в комсомольский комитет. Надо было покончить с этим цирком как можно скорее, пока Савельева действительно не выцарапала мне глаза в темном закутке. Ревнивые женщины очень опасны.

Саша был в комитете, и я нагло прервал его разговор с какой-то сильно накрашенной блондинкой со старших курсов. Он с сожалением попрощался с девушкой, к которой испытывал очевидную симпатию, и повернулся ко мне.

— Что-то случилось, Егор? — у него не получилось сдержаться, и вопрос прозвучал немного резковато, хотя моё имя он выговорил правильно.

К тому же он смог с одного раза запомнить меня — я записал ему это в плюс.

— Привет, Саш, — миролюбиво отозвался я. — Можем поговорить? Не здесь только...

В комитете действительно былолюдно — но, наверное, так и положено в большой обеденный перерыв. Комсорг оглянулся, слегка поморщился, но кивнул.

— Хорошо, пойдём в коридор.

Коридор у зала, где размещались комитет комсомола и профком, тоже был не лучшим

местом для частного общения — он находился недалеко от выхода из института, и тут постоянно сновали туда-сюда студенты. Но никаких отдельных переговоров в этом времени не существовало даже в теории. К тому же нам удалось оккупировать один из подоконников.

— Что-то случилось?

— Да пока нет, но может, если ты продолжишь сватать меня в качестве замены нашей Наташи, — усмехнулся я. — Она готова меня убить за то, что я претендую на её должность. И она утверждает, что об этом ты сам ей сказал.

Саша недоуменно посмотрел на меня.

— Мы с ней общались вчера, но про тебя речи не было... Или было? — он потер лоб. — Нет, всё-таки не было. Мы говорили про организационную работу, и я ей намекнул, что надо лучше вести дела в группе, искать активистов... блин, да, тогда и упомянул тебя. Мол, присмотришься к нему, может, стоит привлечь. И всё. Ты, кстати, подумал над моим предложением?

— Немного, — я помотал головой. — Навалилось всякое, пока разгребал... так-то очень лестно, конечно, но я никогда в актив не входил. В школе меня пытались сделать звеньевым в пионерах, но через полгода выкинули с должности за развал всего, что только можно развалить. В тринадцать лет всегда есть дела поинтереснее, чем проводить очередную политинформацию.

— Зря ты так, — Саша говорил с явным неодобрением. — Это очень важная и нужная часть работы... совершенно запущенная у нас. Тут же все взрослые, без начальственного пинка не заставишь остаться после пар, чтобы послушать про обстановку в стране и мире. Или авторитет нужен в группе, чтобы тебя слушали. У Наташи его нет, к сожалению...

— У нас сейчас такой возраст, что с авторитетами всё очень сложно, — сказал я. — И да, никто не будет сидеть и слушать про то, что капитализм загнивает.

— Почему?

— Потому что все мечтают о капиталистических джинсах и капиталистической музыке, — припомнил я одинокую пластинку в «моём» гараже. — Ты им будешь рассказывать про то, какая там безработица, как цены растут, сколько народу — бездомные... можно красочно живописать упадок Детройта. Но народ не поверит, что город, в котором собирают «Форд» и «Крайслер», может жить плохо... А если ты расскажешь, что Сан-Франциско, где делают знаменитые джинсы «Ливай Страусс», захвачен грязными хиппи, которые тупо не хотят работать, тебя поднимут на смех. А если... что? [1]

Я заметил, что Саша уставился на меня, как бандерлоги на Каа, и закончил дозволенные речи.

— Ни... кха... ничего себе, — откашлялся Саша. — Ты откуда всё это знаешь?

— От верблюда, — отрезал я. — «За рубежом» люблю читать и Сейфуль-Мулюкова смотрел регулярно, пока сюда не приехал. Умному достаточно, но наши... хм... студенты... услышат в этих рассказах совсем другое. [2]

— Да? И что же? — заинтересовался Саша.

— Что там, на загнивающем Западе, последний нищий хиппи ходит в джинсах, а на улицах играют рок. Думаю, им это даже понравится.

— Быть нищим?

— Ходить в джинсах и играть рок, — уточнил я. — Информацию про нищего их сознание пропустит мимо... в одно ухо влетит, в другое вылетит. Хотя одно прямо следует из другого, и отдельно они существовать не могут. Чтобы рок стал массовым, должна быть

масса нищих.

Максима была не совсем верной — точнее, я был с ней не до конца согласен. Но и в моём будущем вроде бы никто не отрицал, что рок-музыку сделали популярными выходцы из не самых обеспеченных классов капиталистического общества. Для сыновей каких-нибудь трудяг из Ливерпуля или негров из Гарлема успех на музыкальном поприще был одним из путей наверх, в круг богатых и именитых. Не зря все эти Маккартни и Джаггеры, разбогатев, сразу обзавелись поместьями — как у настоящих лордов.

— Ты мог бы прочитать об этом доклад... — с легким сомнением предложил Саша. — Думаю, я смогу его включить в повестку нашего отчетно-выборного собрания.

— Лучше не стоит, иначе нам обоим светят всякие взыскания. Я же такого могу наговорить... лет на десять расстрела минимум, — улыбнулся я.

Откровенно говоря, мне хватало того, что на "Истории КПСС" я всеми силами сдерживался от различных замечаний по теме семинаров и лекций, делать которые прямо накануне сессии точно не стоило. Сдержаться в докладе на огромную аудиторию — а на собрания стоняли всех, кто оказывался в пределах досягаемости — будет гораздо сложнее, особенно если вредных студентов увлечет моя речь и они начнут задавать вопросы. Но шутка из будущего тут прозвучала совсем иначе, поскольку никакого моратория на смертную казнь ещё не придумали, и она была числе допустимых мер воздействия в том числе и на закоренелых антисоветчиков.

— К-какого расстрела? — глаза Саша снова стали большими, но теперь в них явственно просматривался страх.

— Никакого, это присказка такая, — попытался я его успокоить. — В общем, не нужно этого делать... лучше какой-нибудь рок-фестиваль проведите, думаю, тогда твоя популярность взлетит до небес.

— Рок-фестиваль? — Саша всё ещё нервничал. — Вот за такое точно могут по шапке дать.

— А ты согласуй, с кем надо. С Вадиком своим, например. Групп-то полно, и у всех разная музыка, только выступать им негде обычно. Так что и репертуар можно будет обговорить, и пару песен про «любовь, комсомол и весну» включить. Зато наши комсомолки будут тебя до самого диплома на руках носить... особенно если танцпол пробьешь. [3]

Саша глубоко задумался — и я очень надеялся, что не о том, как его будут таскать по институту комсомолки, а о том, как лучше всё это организовать.

— Хорошо, я поразмышляю над этим... но и ты подумай над докладом, — Саша хитро посмотрел на меня. — Мне кажется, должно получиться интересно.

— Ага, а если совместить, то получится «Карнавальная ночь», где я в меру сил заменю сразу и Огурцова, и Филиппова, — пошутил я.

— Не, такого точно лучше не делать, — серьезно ответил он. — Вряд ли там, — выразительный жест наверх, — оценят.

— Да я так, в шутку юмора... но если с фестивалем получится, то могу и доклад сделать, — зачем-то пообещал я. — Правда, я тогда хотел бы поучаствовать в составлении списка участников. По-моему, это честно?

Саша заметно поморщился. Но кивнул.

— Согласен. Я провентилирую вопрос с фестивалем, а ты готовься минут пятнадцать говорить на тему «Капитализм без прикрас». Расскажешь там и про Детройт, и про джинсы, и про машины с хиппи. Только... — он замялся. — Твой текст, наверное, тоже захотят

посмотреть. Ну... во избежание... Так что поспеши.

Всё-таки в комсомольские вожаки чаще всего попадали очень ушлые ребята. Простоватый на вид Саша как-то легко подвесил у меня перед носом возможный рок-фестиваль в качестве морковки, а взамен выторговал обещание сделать доклад про жизнь при капитализме.

Никаких трудностей с этим докладом я не предвидел — достаточно всё-таки добраться до подшивки «За рубежом» или просто купить последний номер в ближайшем киоске, выбрать заметки про нужные города и скомпоновать их с точки зрения моего послезнания. В будущем даже до самых умственно отсталых дошло, что советские журналисты-международники не особенно и очерняли западный мир — наоборот, их не хватало на бичевание всех язв капитализма, а некоторым из них — и знаний, чтобы понять, на что нужно обращать внимание в первую очередь.

Ещё можно было найти в магазине книжку видного советского знатока капитализма Мэнора Стуруа, который сейчас страдал вместе с семьей в небоскребах Нью-Йорка. Помнится, он оформлял свои путаные впечатления от Америки в статьи для какого-то из советских изданий и выпускал книжки, а его слог очень подходил для обличения всего на свете. Лет через десять я зачем-то прочитал его книжку, где была подробно разобрана смерть Сида Вишеса из Sex Pistols — и был буквально восхищен талантом этого мастодонта к выворачиванию фактов наизнанку.

Что касается фестиваля — я примерно представлял его состав, если пустить дело на самотёк, и был с ним категорически не согласен. Наверняка Саша будет пробивать в райкоме программу-минимум с обязательными «Машиной» и «Аквариумом», после чего его действительно будут носить на руках. Но мне хотелось чего-то другого. Проблема была в том, что для чего-то другого 1984 года не подходил совершенно.

В это время многочисленные рок-группы Советского Союза состав имели переменный, репетировали от случая к случаю и навыков нормальной игры на инструментах пока что не наработали. Исключения имелись, но это были как раз те же «Машина» с Макаром и «Аквариум», который всегда был простым объединением людей вокруг Гребенщикова. Что-то можно было найти в Свердловске, что-то — в Новосибирске, что-то — в Прибалтике, но там тоже надо было очень кропотливо отделять зерна от плевел. В Москве, кстати, тоже имелось некоторое количество приличных, но малораскрученных групп, и на эту тему мне мог многое рассказать тот же Врубель.

Я знал, что различные ВИА уже играли хорошо, но они все были расписаны по филармониям, имели стабильный доход и на сомнительные мероприятия подписывались неохотно. К тому же все эти вокальные и инструментальные слишком напоминали про совковую эстраду — приглашение «Поющих гитар» было сродни выходу на сцену студенческой дискотеки в девяностые Пугачевой или Ротару. Да и к рок-тусовке все эти «Поющие гитарки» имели очень опосредованное отношение.

Но Саша согласился на моё участие в этом мероприятии, так что я, наверное, мог повлиять и на состав участников. Если повезет, конечно.

— Серов! Тебе не жить!!

Я обреченно повернулся к Натахе, которая, кажется, дошла до последней стадии и была уже готова оставлять за собой трупы тех, кто мешал ей двигаться к цели.

— Чего тебе опять?

— Ты зачем с ним говорил?

— Тебе какое дело? — я перехватил её руку на замахе и отвел в сторону.

— Я твой комсорг!

— Ты всего лишь собираешь с меня взносы, — напомнил я. — А Саша предложил классную тему для доклада на комсомольском собрании.

— Что за тему? — Натаха как-то сдулась.

— Ты не поверишь...

— Серов!

— Это тайна, — шепотом сказал я. — Пока тайна. Чтобы не портить сюрприз. Ведь собрание совсем скоро... когда, кстати?

— В следующую пятницу...

Ой, блин. Я мысленно схватился за голову. Неделя на всё про всё? Да я фиг успею. Пятнадцать минут — это минимум десяток страниц мелким почерком. С отсылками к съездам партии и комсомола, цитатами Ленина, Брежнева и Черненко... Андропова можно было уже и пропускать, а про Черненко я не помнил, говорил тот хоть что-то программное? Мог и не успеть.

— Вот видишь, мне нужно срочно бежать... в библиотеку! — я отпустил её руку. — Не задерживай меня, девочка, знаешь, сколько стоит моё время?!

— Сколько? — растерялась Натаха.

— Тысяча фунтов одна минута!

Я вывернулся и почти бегом двинулся в буфет, надеясь урвать там хоть что-то вкусное. Времени до следующей пары действительно оставалось в обрез.

[1] В середине 80-х в Детройте всё было не особо плохо, но в целом тенденция к упадку уже была видна невооруженным глазом. Власти что-то пытались сделать, но было поздно. В Сан-Франциско всё происходило чуть иначе — он в какой-то момент стал негласной столицей хиппи, и туда потянулись дети цветов со всех США. Им под проживание выделили площадь в центральном парке.

[2] Фарид Сейфуль-Мулюков вел программу «Сегодня в мире».

[3] «Любовь, комсомол и весна», Пахмутова-Добронравов. В рок-обработке, кстати, ничем не уступит всяким песням «Кино», но наши ВИА (и эстрада в целом) очень небрежно относились к гитарам. Известный альбом Давида Тухманова «По волне моей памяти» гораздо лучше звучит именно с гитарами и барабанами.

Глава 14. Битва с дураками

— Световухи у тебя мощные вышли. Вспышка хорошая, звук тихий, но пенек, на котором я его испытал, в труху разнесло, — пожаловался я.

Стас снова отловил меня у входа в институт и напросился со мной в гараж. Я сомневался, что стоит его брать, поскольку не исключал, что сегодня приятели Боба могут нанести повторный визит. Но Стас настаивал — ему нужно было доделать какую-то свою шнягу, что он и собирался проверить в нормальных условиях, а не на коленках в своей комнате.

Но по дороге никаких дружков Боба мы не встретили, и я начал думать, что они пока взяли тайм-аут на осмысление моих угроз и лечение Лёхи.

— Смеси нужно было чуть меньше, наверное, — спокойно ответил Стас. — Но я же без весов, на глазок. Ложек пять маленьких надо, но у меня только большая была, я две сыпанул, но без горки.

Ну да, плюс-минус лапоть. [2] В этом, кстати, был весь Стасик, который был уверен, что выражение «кашу маслом не испортить» относилось не только к каше и маслу, но и вообще к любой области человеческой деятельности и любым материалам, в том числе и к взрывотехнике. Возможно, в соответствующем вузе он бы научился соразмерять вес взрывчатого вещества с поставленными задачами, но заборостроителей таким тонкостям не учили.

— Одной ложки бы вполне хватило, — сказал я. — А если объем нужен, то можно алюминий добавить.

— Тогда бы ещё мощнее получилось, — уверенно ответил Стасик.

— Вряд ли, всяко не магний.

Об этом мне рассказывал сам Стас, но много позже. Сейчас он, похоже, про такие тонкости не знал.

— Надо проверять... Потом займусь, — он почесал затылок и вернулся к стальной пластине, которую зажал в тисках и любовно обрабатывал напильником. — А ты где испытывал?

— Да вон, за железкой, в Сокольниках, — махнул я рукой примерно в нужном направлении. — Только отошел к платформе, подальше от больницы. Там, кстати, можно и пугачи твои попробовать, если у них звук тоже не слишком громкий. Укромное место. Я вчера одного из этих товарищей отловил, собирался ему в ладонях эту бомбочку взорвать, но в последний момент передумал, так отмудохал и отпустил. А если бы взорвал, он бы без рук остался.

— Не остался бы, человек попрочнее трухлявого пенька, — Стас помотал головой. — Вот пальцы оторвать могло, это как пить дать.

Насколько я помнил, Стас к оторванным конечностям всегда относился философски — для него риск остаться без какого-нибудь пальца был чем-то привычным и обыденным. Хотя какие-то меры безопасности он всегда принимал и понапрасну не подставлялся.

— А пистолы не разорвет? — поинтересовался я, покосившись на пугачи, которые всё ещё лежали под кепкой рядом с пластинкой. — Ну, если бахнуть? Вдруг ты туда тоже на глазок насыпал.

Я улыбнулся, когда Стасик скосил на меня недовольный глаз. У меня и в мыслях не

было ставить под сомнение его профессионализм, но я должен был уточнить, что и как с его продукцией.

— Нет, там всё под расчет, — он мотнул головой. — Не слишком убойная штука, но ты и сам просил что-то такое... послабее. Одно слово — пугач.

— Ну да, такое...

Дверь в гараж начала открываться, я оборвал себя и начал вставать, надеясь, что это появился «морж» Николай и пора идти за разбитым мопедом. Но в дверь, пригнувшись, вошел Родион. За ним пролез Михаил, а третьим проскользнул Лёха, под глазом которого уже зеленел вчерашний фингал.

— Какие люди, и без охраны, — радостно произнес Родион. — А мы к тебе за нашим пластом пришли, как ты, наверное, понял.

Единственное, что я понимал очень четко — сейчас нас со Стасиком будут бить и очень жестоко, — и замер, не зная, что делать. До сумки с ломиком было шага три, до полки с оставшейся бомбочкой — пять, а чтобы добраться до пугачей, нужно было оттолкнуть в сторону Стасика, который недоуменно поворачивался к вошедшим. Бросаться на эту троицу врукопашную я не собирался. Другая весовая категория, даже у мелкого Лёхи.

Стас посмотрел на наших гостей. Он был слишком спокоен для человека, который, похоже, тоже понял, что дело дрянь.

— Это они? — спросил он у меня.

— Они самые, — кивнул я. — Сейчас за вон того уёбка мстить будут.

— Чё ты сказал?! — взвился Лёха. — Я тебя сейчас!...

— Вчера ты не был таким храбрым, — напомнил я. — Чуть не обосрался, когда всех сдавал.

Родион и Михаил нехорошо глянули на своего друга, и я мстительно подумал, что сегодня тому предстоит многое им объяснить и выложить полную, а не урезанную версию событий.

— Ничего я не...

— Он мне всё про вас выложил, — я сделал небольшой и, как надеялся, незаметный шаг назад. — Где живете, чем дышите, где вас искать в случае чего. И можете не волноваться — если будете себя плохо вести, я вас найду обязательно, а там уже будет ваша очередь говном обтекать.

Я старался говорить уверенно, но внутри у меня всё переворачивалось от страха. Я понимал, что вдвоем со Стасом мы против этой троицы долго не выстоим — все наши козыри были вне досягаемости... если только Стасик не сообразит подтянуть к себе один из пугачей, пока я отвлекаю внимание на себя. Но смотреть в его сторону я не мог — мой взгляд был устремлен прямо в глаза Родиона, который стоял у входа в гараж. Он набычился, его лицо всё сильнее краснело, и я понимал, что этот чувак уже на боевом взводе, а когда он сорвется с места, мне не жить. Боковым зрением я отслеживал ещё и Михаила, но тот выглядел совсем спокойным, хотя рост и вес делали его едва ли не более опасным противником, чем Родион.

Я сдвинулся назад ещё на несколько сантиметров.

— Мы ещё посмотрим, кто говном тут будет обтекать, — заметил Михаил. — Сломаем тебе ноги, чтобы ходить было тяжело, а там — ищи на здоровье. В больницах. Только мы туда не ходим.

Он усмехнулся. Его поддержал только Лёха, Родион так и стоял, сжав кулаки и готовясь к бою.

— Сначала сломай, — посоветовал я. — Но заявку в ментовку я в любом случае накатаю. Чтобы вам жизнь малиной не казалась. Статья сто двенадцатая, УК РСФСР. Умышленное легкое телесное повреждение или побои. Лишение свободы на срок до одного года.

— Мы отмажемся, — ответил Михаил, — а вот ты будешь потом заново ходить учиться.

— Отмазались одни такие. Пострадавший есть, правонарушители тоже имеются — с адресами и фамилиями. Вашим папикам дорого встанет это дело заминать, да и кто вести будет, неизвестно, может, кто принципиальный попадет. Лёху точно никто отмазывать не будет, отправится на нары без вариантов. А ты Родион, подумай о своей матери.

Слово «папики» было из другого времени, но они поняли, что я сказал что-то обидное.

— Рот свой завали, сучонок, — зло прошипел Родион. — Ещё раз про родителей...

— А что не так с твоими родителями? — перебил я его. — Мы мило пообщались недавно с твоей мамой... она очень приветливая. Хотя, наверное, вряд ли она будет такой же, если узнает, что из-за меня её сын получит судимость.

Сейчас, в мае 1984 года, судимость закрывала двери много куда. Например, на любые режимные предприятия или в органы власти. Никто не сделает секретарем какого-нибудь горкома человека с таким пятном в биографии. В принципе, сейчас даже наличие родственников на оккупированной территории во время закончившейся сорок лет назад войны могло стать тем перышком, что перевесит любые заслуги. Правда, Горбачеву это не помешало вскарабкаться на самый верх советской властной пирамиды, а Гагарину — слетать в космос. Но в целом народ всеми правдами и неправдами старался избежать попадания даже в сероватые списки.

Чуть позже на эти судимости начнут просто закрывать глаза, ну а для тех, кто стремился попасть в олигархи, это вообще не будет иметь значения. У представителей другой стороны, кто грабил награбленное, такой пункт в биографии вообще станет весомым плюсом. Но про это мои оппоненты ничего не знали и, наверное, даже не предполагали, что такое станет возможным.

— Да я тебя!..

Родион шагнул на меня, Михаил двинулся за ним, Лёха тоже тронулся с места, но я уже услышал знакомое шипение охотничьей спички, отпрянул назад и крепко зажмурил глаза. Грянул выстрел, у меня выключился слух, сетчатку глаз обожгло вспышкой, кто-то дико заорал, я нащупал свою сумку и достал из неё ломик, ударил наотмашь по широкой дуге из своего полусидячего положения, никого не задел — и открыл глаза.

Стас всё ещё сидел на своей табуретке, но вполоборота; смотрел он в стену, и его глаза тоже были закрыты. В правой руке он держал напильник, а в левой — один из пугачей, из ствола которого шел сизый дымок. Дыма в помещении вообще было много — хотя, разумеется, много меньше, чем если бы самопал был заряжен черным порохом, — и запах стоял соответствующий. Я подошел к Стасу и тронул его за плечо. Он вздрогнул, широко распахнул глаза, кинул пугач на пол — и тут же схватил второй. Кажется, он был готов снова зажечь запал, но я ещё раз тронул за плечо и покачал головой. Надо было понять обстановку, прежде чем расходовать последний заряд.

Стас оказался очень метким стрелком — если бы не низкая кучность пугача, Родион мог бы остаться без обоих глаз. А так он всего лишь потерял хороший лоскут кожи на щеке

— правда, рана выглядела очень неприятно, и кровь оттуда выходила противными толчками, — да ему вырвало бровь, которая теперь свисала на глаз. Кажется, его ещё и контузило прилично — и сетчатку сожгло. Он лежал на полу, прижав ладони к поврежденным местам, и стонал — но уже значительно тише, чем сразу после выстрела. Куда ушла третья дробица, я не нашел, но, похоже, она улетела мимо. Я быстро обыскал его, вытащил неплохой кожаный бумажник, который отправил в свой карман, даже не заглянув внутрь. За глупость и наглость надо платить.

Михаила и Лёхи в гараже не было, но за дверями кто-то копошился. Я не рискнул сразу выходить к двум противникам, которые находятся неизвестно в каком состоянии, поэтому сначала достал из потайного места оставшуюся световуху, поджег — и кинул её на улицу. Там знакомо бамкнуло, мои противники заматерились на два голоса, а потом я услышал удаляющиеся шаги. На всякий случай первым я выкинул наружу Родиона — он был тяжеловатым, но я смог перевалить его через порог. А потом выглянул в двери и сам.

Лёха, пошатываясь, уже добрался до центральной аллеи кооператива и, похоже, намылился покинуть поле битвы, оставив своих приятелей на милость победителей. А вот Михаил сидел на земле и пытался проморгаться и вернуть слух. Со слухом и у меня были проблемы, но тут ничего не попишешь — это были издержки применения огнестрельного оружия в замкнутом помещении. Рядом кто-то тронул моё плечо — я резко обернулся, но это оказался Стас. С пугачем и напильником.

— Самопал оставь, — сказал я.

И не услышал самого себя.

Стас заметил движение моих губ и отрицательно покачал головой — он тоже нифига не слышал. Я указал на оружие, а потом — в сторону верстака. Эти жесты он понял.

Я вышел на улицу. Родиона, кажется, тоже контузило, но тут я мог посоветовать ему только одно — как можно скорее обратиться к врачам. Хотя фиг его знает, как дальше пойдет — может, нас всех ожидает увлекательный вечер в ментовке, если кто-то из окрестных жителей услышал подозрительный шум и вызвал наряд. Пиротехника тут ещё свободно не продавалась, и к петардам народ не привык. Я лениво подумал, что нужно как-то сказать Стасу, чтобы не лез поперед бабки, и что я возьму ответственность за выстрел на себя. По-хорошему, Стаса вообще надо было выгнать отсюда как можно быстрее, но я пока не представлял, как сообщить ему об этом.

Я подошел к Михаилу, начал примериваться, чтобы стукнуть его кулаком в ухо, но он был крупнее, а руки у меня — немного ватные, и я понял, что не смогу отправить его в нокаут с одного удара. Поэтому просто со всей дури ударил каблуком своего тяжелого ботинка по его ладони, которой он опирался о гравийную дорожку. Он вскрикнул и в недоумении уставился на поломанные пальцы. Я подумал, что надо то же самое проделать и с его правой рукой, но решил не усугублять статьи, которые на меня могли повесить, мне и год сидеть за решеткой не хотелось. Я повторил операцию по отъему бумажника и у этого персонажа, а потом подошел к стенке гаража, в изнеможении оперся о неё и прикрыл глаза, надеясь, что когда голова перестанет кружиться, всё это окажется всего лишь сном.

— Это что за Бородино вы тут устроили?

Вопрос, который задал «морж», означал, что мой слух снова со мной. Правда, слова звучали немного непривычно и словно издали, но я их хотя бы слышал. Я открыл глаза и повернулся. Николай стоял метрах в десяти от приятелей Боба и от меня. А из дверей

«моего» гаража выглядывал Стас, который настойчиво прятал одну руку за спиной.

«Вот неугомонный».

Я оторвался от стенки и встал так, чтобы заслонять то ли Стаса от Николая, то ли Николая от Стаса.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Да вот, хулиганы какие-то... хотели избить нас, но мы сдачи дали.

Говорил я трудом, да и мысли в голове немного путались.

— Хулиганы, говоришь...

«Морж» подошел поближе, всмотрелся в лежащих на земле «хулиганов».

— Вот этого я помню, у него отец в нашем НИИ работал, потом ушёл куда-то, — он указал на Михаила. — И этого тоже вроде видел в нашем районе, хипари какие-то, вечно соберутся, сидят, пьют и прохожих задирают. Потом куда-то делись, думал, выросли — а они вон что. Чем это вы их так?

— Световухой из магния, — я не считал нужным скрывать такие подробности. — К самим только слух вернулся, а этому я ещё добавку выдал, чтобы не суетился.

— Да, серьезная у вас световуха... — он посмотрел на окровавленного Родиона. — В наши годы они такой эффект не давали. Что за состав?

— Обычный, — Стас подошел поближе и включился в игру. — Три части магния и две марганцовки, просто с навеской я переборщил.

Я заметил, что он всё ещё прячет за спиной самопал.

— С навесками надо осторожнее, у меня друг так глаза лишился, — поделился Николай. — А вы чего с ними делать собираетесь?

— Да по-хорошему надо бы в милицию сдать, но тут впору «скорую» вызывать... хотя жить вроде будут.

— Милиция... да, милиция это правильно... не бойтесь, что вас самих и затаскают? Световухи световухами, но это оружие, как ни крути.

«Морж» хитро посмотрел на меня, и я понял, что он не собирается нас сдавать. Если бы хотел — мы бы с ним не говорили, а уже писали бы чистосердечное в присутствии какого-нибудь усталого капитана или майора.

— Мне до них дела нет, Стасу тоже... мы вообще вас ждали, чтобы с мопедом начать разбираться. А тут эти... уроды, — я слегка пнул Михаила, который был чуть ближе ко мне.

А он внезапно отпрянул и громко крикнул:

— Тебе не жить, сука! Не жить!

И я стукнул его посильнее — так, чтобы он упал на бок, окончательно пачкая свой модный батник о грязный щебень.

— Извините, — сказал я «моржу». — Они, похоже, ещё не до конца осознали. Сейчас...

Я подошел совсем близко к Михаилу и присел рядом на корточки. Намотал его воротник себе на кулак, притянул его голову к своей и прошипел:

— Слушай сюда, козёл, а потом приятелям своим передай. Вчера я это Лёхе говорил, но могу и повторить, не гордый. Вы меня конкретно заебали. Вот просто вусмерть. Мне срать на вашего Боба, срать на его детские психозы и на прочую гниль, что живет в ваших юных тупых головах. И на вас всех троих срать с высокой колокольни. Чем вы там занимаетесь, пока я вас не вижу, меня не касается. Но если вы ещё раз рыпнетесь в моём направлении, вам будет очень плохо, гораздо хуже, чем сейчас. Я уже думаю, что стоит вам прямо тут ноги переломать... как Родион грозился... скажу, что с забора неудачно прыгали, оба. Но пока

что я добрый. Поэтому и Лёха ваш от меня вчера на своих двоих ушлёпал, хоть и хромая... зря, наверное.

Михаил что-то промычал. Я слегка отпустил воротник, и он зашелся кашлем.

— Так вот, — продолжил я. — Вчера было первое предупреждение, но вы потом спросите у этого уёбка, почему он вам его передал не полностью. Понял? — он кивнул. — А сегодня второе, оно же последнее. В следующий раз я буду бить очень сильно и, скорее всего, вы останетесь инвалидами... или сядете, зависит от моего настроения в тот момент. Ибо вы меня довели, козлы вы сраные. Я из-за вас неделю потерял. Благодарю богов, что не всю... иначе вы сейчас... А теперь подбирай своего кореша и валите нахуй отсюда.

Я резко бросил голову вперед и с наслаждением услышал хруст костей. Нос у Михаила сломался, и теперь его кончик смотрел чуть в сторону и вниз, а из ноздрей потекли небольшие струйки крови.

— Понятно тебе всё, козлиная? Не слышу!

Я слегка встряхнул его.

— Бонядно, — прогундосил он.

— Ну раз понятно, встал на ноги, поднял своего дружка-пидора и свалил с горизонта.

Я отбросил его, и Михаил шлепнулся на спину, суетливо ощупывая нос здоровой рукой. Но, кажется, мои угрозы дошли до его сознания. Он с трудом поднялся, доковылял до всё ещё стонущего Родиона, всё лицо которого покрылось кровью, помог ему встать. И вскоре эта странная парочка, которая выглядела очень непрезентабельно, скрылась за поворотом.

— Сурово ты с ними, — покачал головой Николай. — Хотя в мои годы мы свинчатками дрались, там и головы пробивали, и кости ломали.

— У меня ломик есть, но я не стал им бить... пожалел.

— Если это пожалел... но ладно. Вы как сами-то?

— До свадьбы заживет, надеюсь, — отшутился я. — Вроде без особого ущерба. Стас, ты нормально?

— Что? А, да, слух немного только... но ты прав, с навеской я переборщил, — откликнулся тот.

— Да... переборщил, — криво усмехнулся я. — Николай, пойдём за мопедом?

Меня поразило, что автомобилисты, которые по пятничному вечеру уже возились в своих боксах, не проявили никакого интереса к моей небольшой войнушке, словно она не происходила совсем рядом и с громкими звуковыми эффектами. Просто стояли поодаль, да глядели, что и как. Я списал всё на присутствие «моржа». Он и в той компании выглядел лидером, но, видимо, его уважали и другие члены кооператива, которые по молчаливому соглашению доверили ему выяснить обстоятельства происшествия, ну а когда он не стал суетиться, и сами успокоились. Сторож, кажется, вообще ничего не видел и не слышал — хорошее качество, которое наверняка позволит ему пережить девяностые без особых проблем.

С мопедом мы разобрались быстро. Николай выгнал свою «Волгу», я вытащил останки «Верховины» и запчасти, которые уже не запчасти, отдал две красненьких из своих запасов — и потащил весь этот металлолом к себе.

— Зачем он тебе? — недоуменно спросил Стас.

Мы курили на улице у бокса, ворота которого были распахнуты настежь, и ждали, когда выветрится весь дым, который оставил самопал.

— Да фиг знает... — я неопределенно пожал плечами. — В школе мечтал, потом перемечтал. Я тут в первый день этим мужикам помог, но зачем-то сдуру про мопед сказал, а потом этот... Николай... пришел и предложил, всего за двадцатку. Отказываться было неудобно, не говорить же ему, что я в этом гараже только из-за магния?

— А ты его снимаешь?

— Что? Не, какое снимать, это дорого. Бабушка Аллы договорилась по знакомству. Боюсь, теперь меня отсюда погонят ссаными тряпками, после таких игрушек...

— Могут, да, — Стас сплюнул. — Но вообще круто получилось, согласись?

— Да я бы обошелся, честно... хорошо, что не насмерть, потом доказывай, что ни в чем не виноват, а они сами пришли. И фиг докажешь же...

— Да я спецом небольшой заряд делал, как ты сказал про то, что не хочешь насмерть, — насутился Стас.

— Не, к тебе претензий ноль, ты молодец. Я уже думал кидать в него что-то тяжелое и пытаться достать свой ломик, — я нагнулся и подобрал это орудие с земли, куда отбросил сразу после выхода из гаража. — Но точно знал, что не успею. Он чем-то занимается боевым, этот Родион... как бы не каратэ. Удар хороший, поставленный. И тут ты стрельнул.

— Да они на тебя отвлеклись, я и воспользовался, — Стас выглядел польщенным моей похвалой и признанием его заслуг. — Только стрелять пришлось в лицо... навеска же... одежду вряд ли пробило бы.

Я хотел сказать, что если бы дробиная попала Родиону в глаз, то всё было бы совсем печально, но не стал. Не попала — и ладно.

Я вспомнил о своих трофеях. Достал кошелек попроще — Михаила; в нем было несколько десятков, пятерки и трёшки — всего около восьмидесяти рублей — и бумажка с номером телефона. Всё это я отправил себе в карман. Потом осмотрел бумажник Родиона, который даже ощущался более толстым. Заглянул внутрь — там были аккуратно и по порядку сложенные сотенные и полтинники, фиолетовые четвертаки, красные десятки и прочие купюры. В общем, целая выставка на очень приличную сумму, которой, пожалуй, хватит на первый взнос за кооперативную двушку. Родион явно не был бедным студентом. [3]

— Стас, дело оказалось очень прибыльным, — хмыкнул я. — Держи вот, за помощь.

Я отсчитал две сотни червонцами и передал приятелю.

— Думаешь, стоит? — с сомнением спросил он, разглядывая со всех сторон очень приличную сумму.

— Стоит, — убежденно ответил я. — Хуже не будет. И вот что, Стас... Ты заведи второй пугач... или вообще лучше уничтожь его.

— Почему? — недоуменно переспросил он.

— У меня есть сомнения, что они это так оставят, — честно сказал я. — Сегодня-завтра буду ждать милицию. Ну а напирать на самооборону проще, если у меня найдут лишь один использованный самопал и немного смеси. Скажу — мол, для себя делал, детство вспомнил. Ну а ты... если доберутся, говори, что вообще не при делах. Сидел, примус починял, в драке не участвовал. И, разумеется, — не стрелял. Понял?

— Да не тупой, понятно всё... Не люблю я такое...

— А кто любит? — я пожал плечами. — Не мы такие, жизнь такая... Впрочем, может, и пронесет.

Цитату из «Бумера» Стас, разумеется, не узнал.

[1] Авторство этого сравнения приписывают Екатерине II, Фаине Раневской, критику Белинскому, но широкое распространение оно получило только в девяностые-нулевые.

[2] Чайная ложка — это пять граммов порошка (не любого, конечно, но в хозяйстве), столовая — двадцать.

[3] около полутора тысяч рублей

Глава 15. Чистые руки

— Фамилия?

— Моя?

— Твоя, чья же ещё.

— Серов.

— Имя?

— Чьё?

— Да твоё, блин.

— А, конечно, офицер. Егор.

— Отчество? И только попробуй ещё разок спросить, чьё. Я тебе это твоё «чьё» в глотку вобью.

Эту фразу молодой старлей произнес безо всякой угрозы, но так, что я решил перестать валять дурака.

— Понимаю, офицер. Юрьевич.

— Дата рождения?

— Когда родился, да?

Ответом мне был тяжёлый взгляд.

— Конечно, офицер, — понятиливо кивнул я. — Я родился 4 апреля 1966 года.

— Место рождения? И заканчивай придуриваться. Офицер...

Я согласился, что старлей — это не офицер и никогда им не был.

Бюрократия, наверное, одинакова не только в отдельно взятом совке, но и во всей вселенной. Любой задержанный правоохранительной системой в первую очередь должен быть однозначно идентифицирован, чтобы в дальнейшем не смог избежать ответственности. Я это уже проходил — в старой жизни меня несколько раз задерживали по каким-то невнятным поводам, но в большинстве случаев дальше заполнения протокола дело не заходило. Лишь однажды я едва не оказался подсудимым, но сменился следователь, дело пересмотрели и закрыли — за отсутствием состава. Правда, даже тогда меня в СИЗО не определили, позволив волноваться о своей участи под подпиской о невыезде. Ну и Шахты, но там я выступал, скорее, в роли прокурора — хотя менты, конечно, так не считали.

И вот — снова здорово. Как я и расписывал Лёхе в нашей беседе на полянке в Сокольниках, у Родиона и его компании было несколько вариантов решения действий в отношении меня и Аллы. Они могли попросту забыть о нашем существовании до возвращения из армии своего Боба; могли продолжать преследование — с неясным результатом, поскольку я показал, что способен огрызаться. Видимо, они эти вариант отвергли, зато выбрали самый паскудный для меня и самый непацанский из всех возможных — сняли свои травмы в клинике и отнесли заявления в милицию. Мол, помогите, товарищи начальники, хулиганы зрения лишают.

За ночь шестеренки правосудия провернулись в нужном моим оппонентам направлении, и утром в нашу квартиру позвонили два милиционера, которые предложили мне пройти с ними — до отделения милиции от нашего дома было минут пять неспешной ходьбы. Они не сказали, зачем я им понадобился, но дали мне время собраться и попрощаться с Аллой. Та была в курсе вчерашних событий — я рассказал и ей, и Елизавете Петровне о стычке в гаражах, правда, без особых подробностей. Меня порадовало, что обе

однозначно встали на мою сторону, а бабушка даже устроила внучке небольшую выволочку за то, что та так неосторожно выбирала ухажеров.

На долгое пребывание в милиции я не рассчитывал — всё-таки даже со всеми ранами Родиона дело не тянуло на что-то серьезное, — но на всякий случай попросил Аллу позвонить Михаилу Сергеевичу и предупредить, что мы можем сегодня опоздать или вовсе не приехать. Со стариком лучше вести себя правильно.

Но в участке разбирать моё дело никто не торопился. Меня продержали пару часов в коридоре под приглядом малоразговорчивого дежурного сержанта, который даже покурить меня не отпускал. Почему при этом меня не определили в зарешеченную кутузку, я не знал — и выяснять не собирался. Ментам могла понравиться эта идея, а там на обоих нарах дрыхли какие-то невменяемые и грязные субъекты. Становиться их соседом мне не хотелось.

Ну а потом меня относительно вежливо пригласили в кабинет с четырьмя древними столами, из которых занят был только один. И оперативник лет двадцати пяти в чине старшего лейтенанта начал меня опрашивать — но сначала ему пришлось заполнять обязательные поля с моими анкетными данными.

— То есть ты настаиваешь, что это была обычная драка? — в голосе старлея сквозило недоверие к моим словам.

— Ну да, а что такого? Эти трое завалились в гараж, в котором я чинил мопед, начали наезжать...

Мопед там появился чуть позже описываемых событий, но и фиг бы с ним.

— Что делать?

— Угрожать.

— Угрожать? Чем именно?

— Нанесением побоев, офицер. И переломами ног.

— Вот так, ни с того ни с сего?

— Ну почему же, у этой драки была и предыстория. А заявители не поделились ею в своем заявлении? — поинтересовался я.

— Это не имеет отношения к теме нашей беседы, — отрезал старлей. — И какая же предыстория была у этой, как ты говоришь, драки?

Он почему-то считал, что имело место агрессия с моей стороны, но при этом активно не хотел показывать мне заявления, которые на меня накатали приятели Боба. Я подозревал, что старлей нарушает сразу несколько статей процессуального кодекса, но поскольку я не был знаком с его содержанием, то и уличить опера в чем-то противозаконном не мог. Мне мог помочь адвокат, но я пока пребывал в неопределенном юридическом статусе — меня просто вызвали для беседы, и бесплатный защитник мне не полагался. Можно было вызвать платного, но об этом стоило позаботиться заранее — сейчас никто не даст мне обзванивать адвокатские конторы и искать, кто готов за меня вписаться... Вот когда я перейду в разряд подозреваемых или обвиняемых... но я надеялся, что этого удастся избежать.

Пришлось рассказывать всю историю любви Аллы и Боба и нездорового интереса Боба к Алле.

— Так, — голос старлея показывал, что ему совсем не нравится это дело, но, видимо, какие-то высшие силы заставляли его им заниматься. — Ты готов повторить эти показания для протокола допроса?

— Меня в чем-то обвиняют? — уточнил я.

— На тебя подали жалобу о нанесении побоев гражданам... — повторил он то, что я и так уже знал. — Побои зафиксированы в медицинском учреждении, и по факту жалоб вас можно обвинить в умышленном тяжком телесном повреждении.

Эту часть он отбарабанил как по писанному, а мне стало немного нехорошо.

В местном уголовном кодексе побоям и всяким телесным повреждениям было отведено сразу несколько статей. Они различались очень неясными нюансами, которые следователи и прокуроры могли трактовать по собственному усмотрению — я подозревал, что в зависимости от симпатий конкретного следователя к конкретному обвиняемому. У меня же пока никакого контакта с этим старлеем не намечалось.

В гараже я упоминал про статью сто двенадцать; втайне я рассчитывал, что если дело дойдет до милиции, мне удастся соскочить на сто одиннадцатую, где речь шла о превышении пределов необходимой обороны. В этом случае всё могло закончиться до суда, особенно если мне удастся убедить милиционеров, что я хороший, а мои оппоненты — плохие. Ну а поскольку я не пострадал и не мог быть потерпевшим, всё должно было завершиться каким-нибудь примирением сторон. Но ставки вдруг повысились весьма сурово.

Умышленное тяжкое телесное повреждение — это статья сто восьмая, самая тяжелая из «побойных» по наказанию. Правда, чтобы попасть под неё, я должен был переломать моим противникам все кости и отбить все внутренние органы. Вот тогда-то меня и могли привлечь за то, что я превратил здоровых советских граждан в калек, которые будут всю оставшуюся жизнь находиться на иждивении государства. Дословно я текст не помнил; кажется, там было ещё что-то, связанное с беременностью, но за этот пункт я был спокоен.

— Сто восьмая? — я посмотрел прямо в глаза старлея.

Он отвел взгляд.

— Да.

— И у кого из этих троих мои пинки вызвали прерывание беременности? — я вложил в этот вопрос весь запас сарказма, точно зная, что он пропадет зря.

Старлей открыл ящик стола, достал оттуда синюю брошюрку с кодексом, нашел нужную страницу и протянул мне.

— Читай.

Я прочел.

— Вслух.

Я прочел вслух. Мы немного помолчали. [1]

— И что тут подходит под нашу ситуацию? — не выдержал я.

Он отобрал у меня брошюру и с каким-то садистским удовольствием зачитал:

— А вот — «выразившееся в неизгладимом обезображении лица». У Моисеева Родиона Андреевича на лице останутся шрамы... врачи говорят, что на всю жизнь.

— Всего-то?

Меня немного отпустило. Я было подумал, что Родион был каким-нибудь ментом под прикрытием, и я поломал тщательно выстроенную операцию советских спецслужб по поимке буржуйских диверсантов. Это часть вторая той статьи, и там сроки совсем зверские.

— Всего или не всего — это суд решит.

— Шрамы украшают мужчину... хотя я сомневаюсь, что он мужчина, но это пусть будет на его совести. В общем, так. Вы, конечно, можете попробовать подтянуть сюда сто восьмую, но я буду настаивать на сто одиннадцатой. Хотя, думаю, грамотный адвокат

вообще добьется прекращения дела против меня. Тут, по-хорошему, надо их судить.

— За что?

— Хулиганство, например, — я пожал плечами. — Да и вообще, должно же государство как-то защищать законопослушных граждан от подобных наездов?

— А при чем тут машины?

— Какие машины? А... это я вместо беспочвенных угроз употребляю. Если поискать, можно найти и предыдущих парней, которым эта тройца угрожала. Я вообще подозреваю, что они спекуляцией занимаются и живут на нетрудовые доходы.

— Это к делу не относится, гражданин Серов!

Я снова пожал плечами. Не относится — так не относится.

— Дайте мне бумагу и ручку, пожалуйста, — попросил я.

— Зачем?

— Накатаю на них встречную заяву, раз уж они пошли таким путем... то и будем разбираться официально. Хотя да, они трусы, только и могут втроем на одного выходить, поодиночке боятся. И правильно делают, кстати.

— Вы хотите превратить правосудие в балаган?

— Почему это?

— Сначала надо разобраться с жалобой, поданной в отношении вас!

— Одно другому не мешает, — парировал я.

В будущем права обвиняемых были одним из самых скандальных моментов реформы тюрем и прочего ФСИН. И я точно знал, что жалобы эти обвиняемые строчили, как на конвейере, чтобы хоть немного задолбать систему. Сейчас это не принято, но я пока и не обвиняемый. Нормальный мент, услышав предысторию вопроса, ненадолго отстал бы у меня, чтобы выяснить у заявителей, что именно происходит и какого, собственно говоря, хуя. С судебными перспективами дела, насколько я понимал, всё тоже было очень кисло, а у них, кажется, сейчас в ходу «палки» за обвинительные приговоры.

Но опер не попросил меня вернуться в коридор или вообще домой. И бумагу он мне не дал, а просто продолжил опрос. Я потребовал адвоката, а когда получил закономерный отказ, заявил, что мне нужны уже два листа бумаги — второй я собирался использовать для жалобы на старлея. Тому моя идея не понравилась, и он пообещал повесить на меня все нераскрытые убийства, которые были совершены в районе с начала ведения архива. Я в ответ пообещал, что сидеть мы будем в соседних камерах, потому что я укажу его соучастником и буду настаивать на своем после любого воздействия. Он пообещал отправить меня на психиатрическую экспертизу, потому что моё поведение очень напоминает бред умалишенного.

Наш высокоинтеллектуальный диалог прервало появление третьего действующего лица. Мужчина лет пятидесяти, в простом сером пиджаке и в роговых очках, с волосами, зачесанными назад, на хорошо заметную лысину — и с крайне невыразительным лицом.

— Вы к кому? — недовольно спросил старлей.

Мужчина повернулся всем телом и уставился на опера так, словно с ним заговорила какая-то неведомая науке животинка.

— Очевидно же — к вам, — ответил он.

— Я занят. Через полчаса освобожусь и приму вас... если вы не по личному вопросу. Тогда только во вторник, с четырех...

— Нет, я не по личному, — отрезал незнакомец. — Я по его делу, — короткий кивок в мою сторону, — которое вы ведете в нарушение всех процессуальных норм и правил.

— Адвокат? — старлей скривился. — Адвокат ему пока не положен. Я пока провожу опрос в рамках...

— Я знаю, что вы проводите, имел беседу с вашим непосредственным начальством, — судя по тону, беседа была так себе. — И нет, я не адвокат.

Он шагнул вперед, неуловимым движением вытащил откуда-то небольшое красное удостоверение и продемонстрировал его разворот старлею. Я не видел, что было внутри, но на бордовой обложке имелся небольшой герб Советского Союза, а также несколько тисненых золотом букв: КГБ СССР. У меня слегка затряслись внутренности. Интерес этого ведомства меня совсем не радовал. Простого оперативника я ещё мог заболтать, а вот проделать то же самое с сотрудником конторы глубокого бурения — уже нет.

— Это не ваша юрисдикция, — насутился старлей. — Обычная бытовуха...

— И тем не менее... — гэбешник дал понять, что главный тут он. — Вы можете изложить свои возражения вашему руководителю, майору Суханкину. Лично. Он у себя в кабинете, если вам интересно. А пока вы это делаете, я поговорю с... с этим человеком.

Под его взглядом старлей медленно поднялся и, суетно оглядываясь, вышел из комнаты. А незнакомец занял его стул.

— Ну здравствуй, Егор Серов. Приятно познакомиться. Меня попросил о помощи наш общий знакомый, и я не мог отказать. Я Валентин, называй меня пока так.

Он протянул мне руку над столом с бумагами, которые по мере разговора заполнял опер. Его рукопожатие оказалось очень крепким, но передавить меня он не пытался. Простое приветствие, ничего более.

— Рассказывай, в чем дело, только коротко, — потребовал Валентин. — Пока что я знаю, что ты почти поднял с пола уголовную статью, но мне интересно послушать твою точку зрения. И побыстрее.

— Вы не говорили с его начальством? — я кивнул вслед ушедшему старлею.

— Нет, почему же, говорил. И моё начальство с ними говорило. Разные ведомства, приходится идти очень кружными путями, — он оставался серьезным. — А теперь ты говори.

Я слегка смутился.

— Да особо нечего рассказывать. Моя девушка... Алла...

— Я знаю, дальше.

— У неё был когда-то парень. Они расстались, но он решил, что она не должна достаться другому. Ну и подсылал своих миньонов с наездами... может и сам приходил раньше, сейчас-то он в армии, вот они без него как-то справляются. Неделю назад они меня встретили и предупредили, чтобы я от Аллы ушел. А вчера снова заявились... Ну пришлось им нанести... как там в кодексе? — я указал на синюю брошюру. — Легкие телесные повреждения в рамках самообороны. А этот считает, что я их чуть ли не инвалидами сделал.

— А ты не сделал?

— Нет.

— Почему?

— Я добрый.

— Добрый он... — усмехнулся Валентин. — Так, что тут у него есть?

Он бесцеремонно залез в ящики стола и выудил оттуда тонкую картонную папку. На обложке не было ни номера дела, ни квалификации. А внутри лежали несколько рукописных листков — заявления, судя по отступам обращений.

— Так... так... так... любопытненько, — гэбешник бегло пробежал глазами по листкам и сложил их обратно, но папку в стол убирать не стал. — Вообще мышей не ловят. Заявления как под копирку писали, только и различий — в описании травм. Но вообще ты серьезно с ними поработал, судя по заключениям врачей, — он снова сунул нос в папку. — «Рваная рана правой щеки инородным предметом с отрывом части кожного покрова и мышечной ткани». Насколько я понимаю Э то ты свои пугачи так использовал, добрый человек из Сезуана?

Меня совсем не удивило, что человек из КГБ знает спектакль театра на Таганке. Наоборот, было бы странно, если бы он его не знал.

— Да, — буркнул я. — А откуда?...

Списать «рваную рану» на световуху не получится при всем желании — ну или надо будет говорить, что я напихал внутрь картечин, что автоматически выводило моё оружие — и наказание за его изготовление — на совершенно иной уровень.

— Оттуда, — переспросил Валентин. — Что за пугач?

— Обычный, детская поделка. Трубка с расплюснутым концом, поджиг из спички, немного смеси магния и марганцовки, три картечины из металлических шариков.

Валентин хмыкнул.

— Любопытненько... И ты, разумеется, соорудил этот свой пугач просто потому, что вспомнил детство?

— Нет, — я решил не врать. — После первой встречи... они мне навалили тогда слегка... я понял, что врукопашную с ними не потяну. Ну и уравнил шансы... немного.

— Немного, — усмехнулся мой собеседник. Он снова открыл папку: — Сломан нос, сломаны три пальца, сломан палец, сильный ушиб, гематомы, сотрясение мозга. И как вишенка на торте — легкая контузия у всех троих. Точно пугач был один?

— Точно, — вздохнул я. — Одного хватило. Ну и светошумовую гранату в них кинул до кучи. Там тоже магний, но побольше, вот они ослепли и оглохли... Я тоже оглох, но глаза успел закрыть. Ну а потом уже... один сбежал, а второму я внушение сделал... но он беспомощный был, как младенец, хотя и огрызался.

— Внушение?

— Нос сломал, — признался я.

— А зачем? — полюбопытствовал Валентин.

— Что зачем?

— Зачем бил, если беспомощный? Раз уж они уже контуженные — добежал бы до сторожа, через тревожную кнопку вызвал бы вневедомственную, они бы их сдали по принадлежности, и никто бы тебе нервы не трепал. Хотя, конечно, на земле тут народ расслабленный, не привыкли к таким войнам... Были бы поумнее, сразу бы увидели, что тут некий добрый человек им раскрытие бандитизма в клювике принес. Но проморгали...

Он осуждающе покачал головой.

— Вы правы, — кивнул я. — По-хорошему так и надо было сделать. Но адреналин, у самого тоже контузия... не до размышлений было. А потом просто прогнал их нафик, с глаз долой. Не думал, что они в мент... в милицию пойдут. Вели себя, как гопники какие из подворотни. А тут и травмы сняли, и всё зафиксировали, и заявы написали. Не пацаны,

короче, оказались.

— Да уж, не пацаны, — улыбнулся Валентин. — В общем, слушай сюда. У одного из них, — он снова заглянул в папку, — точнее — у Родиона Моисеева, отец служит в министерстве внутренних дел. Чин недостаточно высокий, чтобы прихлопнуть тебя без формальностей, но рекомендацию вот такому оперу и его начальнику выдать может — мол, присмотритесь повнимательнее к заявлению сына. Сына он, кстати, прикрывает от нежелательного внимания и сам кое-какие дела проворачивает... по нашему ведомству. Мы за ним давно наблюдаем, но повода не было начать серьезно раскручивать. Теперь вот и повод появился. Виталий Васильевич, думаю, возражать не будет, он и сам за чистоту рядов милиции радуется. Жаль этого паренька, полгода всего на должности, а уже попал, как кур в ощип.

Я не сразу сообразил, что он говорит о «моем» опере — а когда понял, то особых эмоций не испытал. Такова се ля ви — сейчас ты сажаешь меня, а потом кто-то другой сажает тебя. Всегда есть рыба крупнее.

А Виталий Васильевич, на поддержку которого рассчитывал Валентин — это нынешний министр внутренних дел Федорчук, которого туда поставил Андропов, сменив одиозного Щелокова. В будущем я этого Федорчука не помнил, но зигзаги его предыдущей карьеры подробно освещали в «Правде», подшивки которой я читал уже после попадания в прошлое. Федорчук всю жизнь прослужил в КГБ, возглавлял госбезопасность на Украине, потом сел на место Андропова, когда того в 1982-м сделали секретарем ЦК. Ну а когда Андропов стал Генсеком, Федорчука отправили в МВД — то ли в ссылку, то ли на укрепление, про это местные СМИ не писали. В принципе, я не сомневался, что Валентин прав — министр наверняка поддержит своих бывших коллег.

Дверь снова открылась, и в комнату вернулся старлей — с красным лицом и очень испуганными глазами.

— Я тут... это...

— Да, вижу, вижу, — Валентин встал. — Извини, занял твое место. Ты присаживайся.

Он буквально затащил опера на его же стул. Тот тяжело плюхнулся и растерянно посмотрел на появившуюся на столе папку.

— У тебя бумага есть, старшой? — спросил Валентин.

Тот кивнул.

— Вот и хорошо. Доставай, — опер подчинился. — Пиши сверху. Министру МВД... фамилия на строчку ниже, инициалы... вот тут — пиши "рапорт". Написал? Молодец. А дальше излагай своими словами, кто к тебе обратился по поводу осуждения присутствующего здесь Серова Егора Юрьевича по надуманному обвинению. И очень подробно излагай, с именами и фамилиями. Очень хочется познакомиться с этими людьми, которые так много для тебя значат, что ты свою свободу и погоны ради них под нож пустил.

Валентин говорил таким стальным голосом, что даже я был готов заложить всех и вся — лишь бы он замолчал. Правда, мне закладывать было некого, только самого себя. А вот несчастному оперу воспоминаний хватило на три листа. Кажется, среди прочих я увидел и фамилию его начальника, которого упоминал Валентин. Ну да, разумный подход. Посадить этого опера, наверное, не посадят, но из органов всё равно попрут.

Впрочем, у него был шанс сделать криминальную карьеру, когда Горбачев отпустит вожжи. Будет эксплуатировать связи среди бывших сослуживцев и подкармливать их в период первоначального накопления капитала.

[1] Статья 108 часть первая УК РСФСР выглядела так:

Умышленное телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица, —

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

Глава 16. Догонялка

В отделе милиции я провел в общей сложности часов шесть — не самое интересное времяпрепровождение для субботы. Мне, правда, дали бумагу и позволили написать собственные кляузы — на гоп-компанию друзей Боба и до кучи — на несчастного старлея. Но последние два часа я был нужен, кажется, исключительно для напоминания причастным, что обычные с виду граждане могут оказаться очень необычными. Я припомнил убийство какого-то гэбешника на «Выхино» пару лет назад и подумал, что наша милиция с большим трудом усваивает уроки. [1]

Валентин задержался у дежурного по каким-то своим делам, и на улице я оказался первым и в гордом одиночестве. Время было обеденное; заботы с правосудием сожрали у меня половину дня, но оставили несколько часов на блаженное ничегонеделанье. Правда, к Михаилу Сергеевичу мы с Аллой уже не попадали, но, думаю, он извинит нас — всё-таки не каждый день человека пытаются упрятать за решетку, — и назначит другое время. Мне элементарно нужно было прийти в себя.

Но у Валентина были на меня другие планы.

Он вышел из отделения и встал рядом со мной. Достал пачку «Мальборо», протянул мне, не удивился отказу, прикурил — и с наслаждением выпустил струю дыма.

— Что чувствуешь? — вдруг спросил он.

— Пустоту внутри, — буркнул я. — Спасибо вам. Честно говоря, к вашему появлению я уже готовился хорошенько посидеть на нарах и торговался лишь за срок.

— Для того и нужен контроль над милицией... иначе всё может быть очень неправильно, — серьезно сказал Валентин.

«Кто устережёт сторожей?», подумал я. Через несколько лет разложение коснется абсолютно всех. Я где-то читал, что уже в конце восьмидесятых можно было купить любого чиновника на любом уровне иерархии — вопрос был в цене. Какой-нибудь инструктор в райисполкоме мог выполнить «просьбу» всего за сто баксов, а вот Горбачеву потребовалась Нобелевская премия мира, чтобы отдать Западу Варшавский союз. Ну а личные знакомства всегда были в цене — сложно отказать близкому приятелю, которому потребовался суший пустяк. Например, закрыть какого-то студента на несколько лет — в назидание и поучение, так сказать, основам человеческих отношений в обществе развитого социализма.

Но вслух про сторожей я ничего не сказал, хотя гэбешники во время дикого капитализма первых лет существования независимой России чувствовали себя очень и очень неплохо. Милиционеры, кстати, им серьезно уступали, работая, в основном, по низам.

— Всё равно спасибо.

— Да ерунда же, говорю, дело житейское, — отмахнулся тот. — Очень вовремя они на тебя, как ты выразился, наехали.

— Я пойду? Аллу надо обрадовать, она волнуется, наверное.

Алла точно волновалась — тут к гадалке не ходи. И мне самому хотелось оказаться дома и хоть немного расслабиться под бубнеж советского телевидения.

— Нет, мы пока не прощаемся, — многообещающе произнес Валентин. — Михал Сергеич просил всё-таки навестить его.

— Сегодня? — засомневался я.

— Ну а что? К тому же ходить не придется, у меня машина, взял в нашем гараже. И за

Аллою можем заехать. Михал Сергеич её особо упоминал. Наверное, понравилась она ему чем-то.

Прозвучало немного двусмысленно, но я решил не обращать на это внимания.

— Хорошо... если он не возражает против позднего визита, то я готов. За Аллу не поручусь, возможно, ей нужно будет время, чтобы собраться. Показывайте, куда идти.

— Да куда не надо, вот моя ласточка стоит, — Валентин указал пальцем на черную тридцать первую «Волгу» на служебной стоянке милиционеров.

Если бы Горьковский автозавод выпустил свой ГАЗ-3102 ещё в начале семидесятых и в том виде, в котором собирался, это была бы натуральная бомба. Но в Советском Союзе регулярное обновление модельного ряда автомобилей считалось буржуазным излишеством, деньги на это развлечение выделяли со скрипом и не всегда, а окончательно запутывали ситуацию понты набравшей жирок советской бюрократии. Поэтому тридцать первую «Волгу» выпустили только через десять лет — какой-нибудь «Мерседес» за это время показал миру несколько моделей, — да ещё и с принудительным ограничением количества и путей распространения. Все экземпляры тут же разбирали правительственные и горкомовские гаражи.

Сейчас я был уверен, что это было следствием кланового уклада общества, но никто на самом верху не одернул зарвавшихся бюрократов. Ребята из Политбюро могли, поскольку ездили на представительских «зилах» и смотрели на новые «Волги», как на говно — чем, в сущности, эта сильно упрощенная старая разработка и была. Но они не посчитали нужным вмешиваться.

Впрочем, особым говном тридцать первые не были. Во всяком случае, в СССР 1984 года они были сродни тому же «мерседесу» из девяностых — дорого, престижно и почти удобно. Эти машины были недостижимой мечтой всяких цеховиков, которые не имели даже тени шанса получить её ни за какие деньги и вынуждены были довольствоваться двадцать четвертой моделью. Через несколько лет ситуация изменится, но в худшую для продукции ГАЗа сторону — окажется, что в условиях свободного рынка их флагман проигрывает любой иномарке средней руки во всем, включая стоимость. Но преданные фанаты у этого завода и его продукции останутся и в очень отдаленном будущем.

К тому же на стоянке у отделения милиции, в окружении обычных «Жигулей», стояла не простая тридцать первая «Волга», а настоящая легенда автомобильных форумов будущего. И пусть она выглядела точь-в-точь как любая представительница этой модели, но я видел отличия.

Несмотря на сложившееся в будущем мнение, в СССР много чего было. В том числе и автомобили, которые собирали по специальным заказам различных ведомств. И не какие-нибудь грузовики или трактора повышенной проходимости или убойности, а именно легковушки. Политбюрошный ЗИЛ-114 был как раз такой спецсерией, причем целиком, без исключений. «Волги» большей частью шли в стандартной комплектации, но для советских секретных служб на том же заводе, в соседнем цеху, выпускали внешне неотличимые аналоги, которые имели совсем другую начинку — как, например, «ГАЗ-23», который ездил гораздо быстрее «ГАЗ-21». Свою спецверсию получила и тридцать первая.

В неё запихнули двигатель как раз от двадцать третьей, и на старых фотографиях нештатный пятилитровый движок выглядел очень импозантно по сравнению с хаотичным нагромождением деталей очередной версии стандартного ЗМЗ-402. Но он был тяжеловатым

и серьезно менял баланс всего корыта, поэтому опытные водители советовали класть в багажник что-нибудь тяжелое вроде крышки канализационного люка, которая идеально вставала в нишу для запаски. Правда, эти манипуляции требовали укрепления рессорного хозяйства, утяжеляли машину, делали её не очень резвой и слегка туповатой.

В общем, это была форсированная по самое не могу «Волга» с автоматом, которая имела солидный запас прочности, позволяющий пережить лобовое столкновение хоть с трамваем, и которая могла конкурировать с «мерседесами» этого времени. Последняя из советских «догонялок» — транспорта из Гаража Особого Назначения. Вот только это чудо социалистического автопрома оставалось всё той же «Волгой» — у неё были слабые тормоза, неправильная развесовка и убогая управляемость.

Легенды про эту модификацию «Волги» ходили разные, и подтверждались они, разумеется, исключительно репутацией говорившего — вернее, писавшего своё ценное мнение на профильном форуме. Такое «мамой клянусь» в чистом виде. Развал СССР машинки из КГБ не пережили — или пережили, но ненадолго. Без дорогостоящего обслуживания движки и коробки передач очень быстро загнулись, превратив движимое имущество в недвижимое. Но именно отсутствие действующих экземпляров делало возможными различные спекуляции на данную тему от всяких экспертов из интернета.

И вот я стоял рядом с одной из таких легенд и мог потрогать её рукой. Но при этом ощутил знакомый мандраж, который говорил, что всё не так просто, как кажется.

— Михал Сергеич говорил, ты неплохо водишь, — Валентин глянул на меня с легким ехидством.

Мне стало совсем тоскливо, но я понимал, что отвертеться не получится. Да мне и не хотелось. Если я доживу до появления автомобильных форумов, то смогу излагать правду с полным на то основанием. Вот только никаких доказательств своей правоты я тоже привести не смогу.

— Никто не жаловался, — осторожно ответил я.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Валентин. — Сядешь за руль? Я устал, а день ещё не закончен.

— Сяду, почему нет.

Возможно, я зря волновался, а Валентин всего лишь хотел посмотреть, как я буду пытаться прожать фальшивую педаль сцепления и найти первую передачу на автоматической коробке. Любой водитель из СССР этого времени, плохо знакомый с достижениями буржуйского автомобилестроения, мог оказаться в затруднении, попади он за руль этой версии «Волги», хотя автоматы активно использовали, например, в автобусах. Но всё равно нужна была привычка, чтобы не тыкать понапрасну в третью педаль. У меня такая привычка была — последние лет пятнадцать я передвигался исключительно на иномарках с автоматом, и во время поездки на «двушке» мне изредка приходилось напоминать себе о необходимости в нужные моменты переключать передачи. Особенно трудно было справиться с этим после бессонной ночи в Шахтах.

Машина не была заперта, а ключи торчали в замке зажигания. Я сел на водительское кресло, подстроил его под себя, примерился к педалям... Валентин уселся сзади. В зеркале я увидел его предвкушающую веселье физиономию.

— Можно ехать? — спросил я как можно спокойнее.

— Да, давай. Сначала к вам домой, заберем девушку Аллу.

Я завел машину, отметил, что бензина полный бак — эта гадина жрала топливо как не в себя, и требовала девяносто восьмой, который можно было получить только на некоторых заправках, причем исключительно в Москве. Ехать на этой «Волге» за пределы МКАД не стоило — хотя, наверное, в областных центрах можно было разжиться дефицитным топливом. Я переключил коробку на движение — и отважно тронулся с места. Краем глаза я увидел, как предвкушение на лице Валентина сменяется разочарованием и удивлением.

И я пожалел, что ехать нужно было всего ничего — полкилометра с одним светофором. Не погонять.

Алла была заплаканной и хмурой, но по-прежнему милой и активной. Во всяком случае, я с трудом сумел удержаться на ногах, когда она прыгнула на меня, стоило только мне войти в дверь. Она обхватила меня руками и ногами, уткнулась лицом мне в шею — и шептала, что больше не отпустит меня никуда-никуда и никогда-никогда. Мы оба знали, что это не так, что бывают обстоятельства выше нас, но сейчас эти словам были для меня как бальзам на душу.

— Всё закончилось, лягушонок, и мне тоже не нравится быть далеко от тебя, особенно по субботам, — прошептал я.

— Почему лягушонок? — Алла отстранилась и посмотрела на меня с осуждением.

Из своей комнаты выглянула Елизавета Петровна.

— Егор, как ты? Вижу, что отпустили... — сказала она.

Из двух почти одновременных вопросов я выбрал тот, который задала бабушка.

— Всё нормально, разобрались, — ответил я. — Правда, нервы потрепали... и, кажется, я ещё сильнее залез в долги к Михаилу Сергеевичу.

— Это почему?

— Он попросил своего знакомого приехать... ты же ему звонила? — спросил я Аллу.

— Да, предупредила его, как ты просил.

— Видимо, он понял твой звонок как просьбу о помощи. Ну и помог, как мог, — я улыбнулся. — Но сейчас всё позади. Правда, нам теперь надо к нему ехать, он настоятельно предложил, и теперь не откажешься. Так что одевайся, лягушонка, коробчонка ждет.

— Какая коробчонка? Егор!

Алла спрыгнула с меня на пол, звонко шлепнув по паркету босыми пятками, и требовательно уставилась на меня.

— Хорошая коробчонка, с автоматом, — успокаивающе сказал я. — Машина внизу ждет с моим спасителем. Так что давай, натягивай самое лучшее, что есть в твоём гардеробе, поедem благодарить Михаила Сергеевича.

— Ох... Точно нельзя отказаться?

— Миссия невыполнима, — я развел руками. — И тебе отмазаться не удастся. Нас обоих позвали.

— Езжайте-езжайте! — Елизавета Петровна снова встала на мою сторону. — Егор хоть немного развеется. А вечером тогда подробно расскажешь, что произошло.

Это было последнее, что мне хотелось делать этим вечером, но, видимо, я должен был испить эту чашу до дна.

Валентин ждал нас рядом с машиной. Он был спокоен, никакого нетерпения не выказывал, и вообще у него был вид человека, который готов стоять так до скончания веков.

Я сомневался, что это в его характере, но, наверное, его работа требовала относиться к различным задержкам с христианским смирением, хотя никто в КГБ, разумеется, это качество сейчас так не называл.

— Мои приветствия прекрасной даме, — он чуть согнулся в хребте и протянул руку.

Я думал, что Алла не купится на этот нехитрый прием — всё-таки я проворачивал его несколько раз, и она должна была запомнить, к чему приводит протянутая рука. Но она снова попала на этот трюк — Валентин перехватил её ладонь и поцеловал. Меня кольнуло иголкой ревности, от которой я постарался избавиться как можно скорее. Этот Валентин был ровесником мне из будущего, а Аллы он был старше чуть ли не втрое. Это, конечно, ничего не значило — я читал и про более странные мезальянсы, особенно в среде всяких творческих и околотворческих личностей. Но в данном случае я посчитал, что угрозы моему возможному браку с Аллой нет.

Алла, кстати, отреагировала, как я предвидел — вырвала руку и с негодованием уставилась на Валентина, не зная, стоит ли применять насилие к этому импозантному господину.

— Валентин, она не любит, когда ей целуют руки, — вмешался я. — Истинная комсомолка, осуждающая всякие буржуазные пережитки. Из-за этого я очень ограничен в способах выражения моих чувств к этой красавице, что очень меня огорчает.

Со мной Алла не стеснялась, но я стоически вынес удар её кулачка в плечо.

— Вот о чем я говорю, — невозмутимо обратился я к Валентину, который с трудом сдерживал смех.

— Егор!

Пришлось обнять её.

— Всё нормально, лягушонка... извини, — прошептал я ей на ушко и сказал уже громче: — Валентин, а вы позволите ещё немного поуправлять этим агрегатом? — я кивнул в сторону «Волги». — Хочу продемонстрировать... своё искусство...

— Конечно, без вопросов, — легко согласился тот. — Я и сам хотел попросить. Меня только удивило, что у тебя не было никаких затруднений с...

Он запнулся, и я пришел ему на помощь.

— С автоматической коробкой передач? — он кивнул. — Я про такие слышал, но самому пользоваться пока не приходилось. Но оказалось, что ничего сложного, даже попроще, чем с механикой. Главное, удерживать себя, чтобы не дергать постоянно за ручку. Поедем?

— Конечно. На даче у Михал Сергеича бывал?

— Доводилось, — улыбнулся я.

— Егор, а куда мы едем?

Алла села впереди, рядом со мной, а Валентин сразу достал откуда-то пухлую папку с документами, погрузился в их изучение — и посмотрело в окно, лишь когда мы проезжали ВДНХ.

В принципе, маршрут от Новоалексеевской до Сокола я испытал ещё на «двушке» и мог бы воспользоваться им ещё раз. Тут не было Третьего транспортного кольца, но Суцевский вал и Нижняя Масловка существовали достаточно давно. И если бы я управлял чем-то простым и примитивным, то снова поехал бы по этому пути. Но форсированная «Волга» требовала скорости, а это могло обеспечить лишь одно место во всей столице. Московская

кольцевая дорога.

И я свернул с Новоалексеевской направо, чтобы по Проспекту Мира добраться до МКАДа, по нему до Ленинградки — ну а потом и до Сокола. По расстоянию этот путь бы раза в четыре больше, но тут начинала работать арифметика московского траффика — дальше не значит дольше. Время в пути по обоим маршрутам было примерно одинаковым, тем более что пробки на дорогах сейчас были очень редким явлением, особенно вечером в субботу. В будущем я, конечно, на это не решился бы, но тогда кольцевая стояла регулярно и плотно и в любой день недели.

Всё это — за исключением информации про ситуацию на дорогах будущего — я изложил Валентину и добавил:

— Ну и обидно такую машину на светофорах тормозить. Полетать хочется.

Он хмыкнул.

— Ну что ж, полетай... только низенько-низенько. А то крылья тут в комплект не входят.

Это я и сам знал. Такой апгрейд своей продукции конструкторы ГАЗа даже в розовых мечтах не закладывали.

Я нажал на газ — и мы полетели, но, конечно, только в фигуральном выражении. До сотни эта «ласточка» разгонялась долго, отчаянно тупила даже при полностью нажатой педали газа, да и машинки на проспекте и шоссе мешались — периодически приходилось притормаживать, чтобы вписаться в очередное окошко между неторопливо пылящими попутчиками.

Где-то я привлек внимание гаишников — наверное, один из них срисовал мои «шашечки» в потоке и передал информацию своим коллегам. Но первый же из стражей ПДД, которого я заметил, замер на полушаге на обочине, проводив нас задумчивым взглядом. В зеркале заднего вида я заметил, что он подтянул ко рту рацию. Ну да, машины КГБ всегда имели особые серии номерных знаков, тем более такие продвинутые, как этот экземпляр.

Оторвался я лишь на МКАДе. Вот он был пустым — во всяком случае, с моей точки зрения. Левая из полос вообще не была занята, в правой ехали по своим надобностям какие-то грузовики, автобусы и легковушки, но мне до них дела не было. Я наконец разогнал «Волгу» до вполне приличных ста сорока километров в час и решил дальше не экспериментировать — пока что она шла достаточно уверенно и тихо, но что с ней будет, если я ускорюсь ещё на десяток километров, я не знал. Всё-таки этому пепелу было далеко даже до серийного «хюндая» из моего будущего.

Алле скорость нравилась, хотя я заставил её пристегнуться. Валентину, кажется, тоже всё пришлось по душе. Я же просто наслаждался относительно хорошей машиной и думал о том, что при случае можно будет купить себе какое-нибудь отечественное средство передвижения — если останутся деньги после того, как мы с Аллой обзаведемся квартирой. Связываться с советским автопромом мне было откровенно лень, из машин этих лет меня привлекали разве что какие-то иномарки, но они стоили настолько безумных денег, что мечтать о них можно было долго. Проще подождать лет пять, а там в Союз завезут огромную партию подержанных «мерсов» и «бэх». Хотя я больше облизывался на «лендкрузер» 70-й серии, которая пошла на конвейер как раз в 1984-м, или на одну из версий второго «гольфа». Эти рабочие лошадки хорошо перепродавались и через тридцать лет за вменяемые деньги и не требовали больших капитальных вложений.

Ворота на дачу старика нам открыл какой-то незнакомый мужчина. Но он не стал выяснять, кто мы такие, а с Валентином вообще поздоровался за руку, да и мне протянул свою пятерню, которую я пожал. Своё имя он не назвал, но сообщил, что Михаил Сергеевич ждёт нас в столовой.

На дорожке к дому Валентин чуть придержал меня за локоть.

— Водишь ты действительно неплохо, — тихо сказал он. — Но тебе надо получше подумать над своей легендой. В деревне так водить не научишься. Чудес, знаешь ли, не бывает. Нет, не говори ничего, — он заметил мою попытку открыть рот. — Я всё равно не поверю твоим оправданиям. Но очень надеюсь продолжить наше знакомство. После этой встречи я очень рассчитываю на премию. Возможно, ты приносишь удачу.

И он подтолкнул меня к ушедшей вперед Алле, которую я догнал, с трудом переставляя ватные ноги.

Мне было физически плохо от осознания того, какой я всё-таки долбоёб. Эти ребята вычислили моё слабое место и подкинули такую наживку, при виде которой я не смог устоять. И теперь я был полностью в их власти и зависел лишь от доброй воли Валентина и пославшего его Михаила Сергеевича. Другое дело, что пока что я видел от них только хорошее, но если они вынудят меня признаться в том, что я хоть в какой-то степени знаю будущее?

Я, конечно, хотел поделиться своими воспоминаниями с кем-либо более ответственным, но опасался. Ведь знания могут быть и опасными. Это пока Валентин выглядит добряк добряком. А что будет потом, когда он узнает, что его премия, которой он, кажется, искренне радуется, ничего не значит с точки зрения вечности? У меня не было никаких предположений на счет его действий в этом случае. Но, похоже, мне придется узнать, на что он способен. И показать лучшее, на что способен я сам.

[1] Вернее, «убийство на «Ждановской», поскольку тогда эта станция метро называлась именно так. В декабре 1980 года сотрудники милиции напали на подвыпившего майора КГБ, причем из-за коньяка и закуски в его новогоднем продуктовом наборе. Буря была страшной, кого-то расстреляли, кого-то посадили; одним из последствий стало увольнение Щелокова с поста министра МВД и его последующее самоубийство.

Глава 17. И снова здравствуйте

— Вот что, ребятки. А расскажите нам о том, что произошло в городе Шахты. В первую очередь нас интересует, как вы там оказались, — Михаил Сергеевич отложил вилку и отодвинул недоеденную тарелку.

На этот раз нас встречал полный стол в лучших советских традициях. Закуски тоже имелись в большом количестве, но их дополняли тазики с салатами всех мастей — некоторые я даже угадал, а также горячие блюда, которые степенно выносила дородная официантка в белом переднике и крахмальной шапочке. Ну и алкоголь на любой вкус — от водки до того белого грузинского вина, которым хозяин «озаботился» ради Аллы.

Я же выбрал вино под названием «Флоаре», которое никогда в жизни не встречал. Впрочем, к алкоголю я всегда был равнодушен, так что разнообразие сортов, которым баловала своего неприхотливого потребителя советская винная промышленность, легко могло пройти и мимо меня. «Флоаре» было красным и полусладким и, в принципе, подходило под мои нехитрые требования. Правда, пить я не пил — только чокался на тостах и подносил бокал к носу, чтобы изобразить глоток. Кажется, Валентин мою хитрость разгадал, но ничего говорить не стал. Они со стариком неплохо прошлись по «Столичной».

Во время поглощения пищи Михаил Сергеевич поддерживал легкую светскую беседу. Он не спросил у меня и Валентина, как всё прошло; зато поинтересовался у Аллы её успехами в учебе, и я, наконец, выяснил, что она хоть и была старше меня, но не так сильно, как я подсчитал в начале нашего знакомства. Она училась в своем педагогическом на третьем курсе и в августе готовилась отпраздновать собственное двадцатилетие. Полтора года разницы в её пользу всё равно присутствовали, но и мне чисто формально было не совсем восемнадцать. Я считал, что мне ближе к тридцати — если взять среднее арифметическое из моих возрастов до и после попадания и сделать поправку на сопутствующие обстоятельства, которые я пока не придумал.

Но когда всё горячее было съедено, старик перешел к вещам, которые его по-настоящему интересовали. Мы с Аллой переглянулись, и я взял на себя инициативу.

В принципе, я был уверен, что Михаил Сергеевич спросит меня про события в Шахтах и готовился к этому, как мог — в основном, в сторону упрощения истории, чтобы она звучала гладко и не содержала очевидных нестыковок, на которых меня могли бы подловить. К тому же я был уверен, что старик знает об этом деле почти всё — во всяком случае, всё, что смогли доложить ему шахтинские чиновники. Но его просьба была понятной. Всегда лучше послушать непосредственного участника.

— Случайно мы там оказались, — ответил я. — Дорога получилась чуть сложнее, чем я предполагал...

— Были какие-то проблемы с автомобилем?

Скорее, с Аллой, но этого старику знать не обязательно.

— Нет, с машиной всё было в порядке. Просто... однополоска, грузовики, много городов по пути, светофоры, задержки. Я надеялся дотянуть до ночи хотя бы до Ростова, но в итоге завернул в Шахты. Мы хотели снять номер в гостинице и поспать, но там какая-то делегация из Москвы...

— Да, Минуглепром... тебе надо было позвонить мне, я бы всё устроил.

— Не хотел беспокоить по пустякам... кто же знал, что там такие страсти творятся.

— Хулиганы везде есть, мы боремся с этим явлением, — суховаго отреагировал Михаил Сергеевич, словно я лично его обвинял в преступлениях Чикатило.

— Борьба была равна... — пробормотал я себе под нос.

— Что?

— Это я так, извините. Ну, так и получилось. Милиционеры подсказали площадку у автовокзала, мы туда подъехали, расположились. В принципе, всё нормально было, такой турпоход с палаткой, только без палатки. И если бы не этот... утром уехали бы безо всяких проблем.

— А с нападавшим как справился? — поинтересовался Валентин.

— Ну... — я сделал вид, что задумался. — Можно сказать, что ничего особенного я не сделал, и любой на моем месте завалил бы его одной левой, но это было бы неправдой. Честно говоря, я тогда за Аллу больше волновался — он на неё напал и начал душить, я боялся, что он ей шею повредит сильно. Но обошлось. А так — он борзый, но, видимо, только с девушками. Хотя на меня с ножом кидался.

— Ты его каким-то ломиком ударил? — уточнил старик.

— Гвоздодёром. Купил перед поездкой для самозащиты, у нас в городе ребята арматуру для этого приспособливают, но мне показалось, что гвоздодёр лучше подходит.

— У гвоздодёра заостренный конец, ты мог убить его, — как-то безразлично сказал Валентин.

— Мог, — кивнул я. — Честно говоря, даже хотел — из-за Аллы. Но когда она убежала, я передумал.

— И?

— Что?

— Передумал — что сделал после этого? — вот этот Валентин неугомонный.

— Перехватил гвоздодёр закругленной стороной наружу. Конечно, это драка, в ней всякое возможно, но тогда я уже решил, что сдам его в милицию, пусть они разбираются.

Валентин глубокомысленно кивнул.

— Что ж, разумный подход. Немногие в бою смогли бы так рассуждать.

— Да я и не рассуждал особо, — я пожал плечами. — Всё произошло достаточно быстро, это же описывать долго. Минута или даже меньше — и всё закончилось. Но если я перехватил оружие, то, наверное, какая-то мысль у меня в этот момент пробежала? Я думаю, как раз про милицию.

На самом деле я думал о том, что не знаю, куда девать труп, но этого точно говорить не стоило.

— Алла, а вы как это перенесли? — старик повернулся к девушке.

— Эм... мне было больно и страшно, — после секундного колебания ответила она. — Я плохо помню, как всё было... Егор меня утешал... потом сказал, чтобы я бежала. Я не хотела, честно!

— Да, понимаю, — старик кивнул. — Но это было разумно, думаю... в войну в первую очередь эвакуировали женщин и детей, чтобы не волноваться за них. Хотя некоторые женщины и тогда могли дать фору мужчинам. Так, с этим разобрались... Егор, отдай оставшийся документ.

Я повиновался. Вытащил из сумки хорошо помятый рескрипт о предоставлении мне помощи и положил его на стол. Михаил Сергеевич лишь мазнул взглядом по нему, кивнул и продолжил:

— Что ж, та часть истории завершилась. Но у неё может быть продолжение. Тот человек, который напал на тебя...

— Чикатило, Андрей Романович, — пришел на помощь Валентин.

— Да, он. Его отпустили под подписку о невыезде. А сегодня мне сообщили, что он покинул место жительства и скрылся в неизвестном направлении. Есть мнение, что он едет в Москву. Егор, Алла, у вас есть место, где вы можете пожить неделю или чуть меньше?

Я открыл рот и закрыл его. Почему-то ругаться матом в присутствии Михаила Сергеевича мне не хотелось. Но про подробности я всё-таки спросил.

Всё оказалось очень просто и в рамках законов, и от этого я почувствовал настоящее бессилие, а фраза из будущего «вот убьют — тогда и приходите» заиграла новыми красками. Поскольку Чикатило никого из нас не убил, хотя и очень старался, обвинение ему предъявили за нападение и нанесение побоев — по той самой пресловутой сто восьмой статье здешнего уголовного кодекса, по которой сегодня утром собирались закрыть меня.

В принципе, я ожидал чего-то подобного, но во мне теплилась надежда, что задержанного проверят на причастность к другим преступлениям — и вытянут за ниточку все похождения этого кровавого маньяка. Но шахтинские милиционеры отчего-то прониклись человеколюбием, глубоко копать не стали, и прокуратура запросила для Чикатило всего лишь ограничение свободы на время завершения следствия. В процессе предварительного дознания его дело вообще переквалифицировали по «легкой» сто двенадцатой, поскольку травмы у Аллы оказались не очень значительные. Валентин уточнил, что подозреваемый — вернее, его адвокат — настаивал на самообороне, но доказать этого не сумел. С такой статьей его, разумеется, отправили домой с запретом покидать город до суда, но Чикатило на запрет забил и куда-то смылся.

Предположение о том, что он направился в столице с целью закончить свои дела со мной и Аллой, всплыло у тамошней милиции сразу. У Чикатины была хорошая память, а наши имена и адреса, скорее всего, озвучивались во время слушаний; возможно, их упоминал и следователь. В общем, маньяк знал, где нас искать. Но тут вступала в действие советская бюрократия. Официальная версия про месть шахтинского хулигана заезжим москвичам сейчас путешествовала в виде формальных бумаг где-то между Шахтами и столицей, и в лучшем случае закон начнет защищать нас через неделю. В худшем — никогда, если московские менты решат, что их коллеги из провинции слишком нагнетают. Недоверие было, кстати, обоснованным — неужели кто-либо в здравом уме поверит, что скромный провинциальный снабженец поедет за тысячу вёрст, чтобы отомстить тем, кто от него уже разок отбил?

Но в эту версию верил следователь, который допрашивал нас в ту ночь; он решил позвонить Михаилу Сергеевичу и изложить ему свои опасения; телефоны старика он списал с той грозной бумаги, которую я «случайно» подсунул ему в кипе своих документов. Старик позвал на помощь Валентина — своего старого знакомого из органов, — чтобы провести мозговой штурм и наметить пути решения внезапной проблемы — и подумать, стоит ли вообще влезать в это дело. Но тут Михаилу Сергеевичу позвонила Алла, которая рассказала о моём задержании, Валентин уточнил у коллег, что известно о моих противниках, узнал немало интересного — и поехал выручать меня, а заодно и топить всех причастных.

Теперь же ему и Михаилу Сергеевичу предстояло решить, что делать с нами — в связи с возможным визитом Чикатило в Москву по наши души.

— Так у вас есть, где спрятаться? — Михаил Сергеевич повторил свой вопрос, когда закончил с предысторией.

— Это не очень хорошая идея, — осторожно сказал я.

Мне не хотелось обижать старика, который, кажется, искренне переживал о нашем благополучии. Но предложение спрятаться действительно было плохим.

— Почему? — с любопытством спросил Михаил Сергеевич.

— Хм... вы в курсе, что в Ростовской области ищут серийного убийцу? Уже несколько лет ищут и не могут найти...

Валентин лишь коротко кивнул, а старик ответил после недолгого раздумья.

— Да, проходила такая информация. Но, кажется, там ещё серия не подтверждена, хотя убийств много.

— Подтверждена, — вмешался Валентин. — Но зацепок мало, найти преступника сложно. Сейчас отрабатывается версия, что убийства совершали сразу несколько человек, связанных между собой.

— Да, «придурки», — усмехнулся я.

— Кто? — они оба — да и Алла тоже — уставились на меня.

— Подозреваемые, — пояснил я. — Там следователи решили, что убийцы — пациенты местной «дурки». Отсюда отсутствие системы и широкая география. Но это глупость. «Придурки» оставили бы кучу улик, им бы в голову не пришло прятать и запутывать следы, они с логикой не дружат.

— Да, я слышал об этой версии, — кивнул Валентин. — Но какое это имеет отношение... не хочешь же ты сказать, что твой Чикатило и есть тот убийца, которого ищут?

— Он самый.

То, что информацию про Чикатило придется «сливать», я понял в тот самый момент, когда услышал, что он едет по наши с Аллой души. И я не видел в этом ничего страшного — у меня была отмазка, не самая железная, но она могла в какой-то степени прикрыть мою задницу. Правда, Валентин уже мною заинтересовался, и когда-нибудь он припрет меня с стенке — причем это «когда-нибудь» наступит скорее рано, чем поздно. Но и особого выхода не было.

— Откуда данные? — скучным голосом поинтересовался Валентин.

— Из первых рук, — я позволил себе слабую улыбку. — Он попытался меня запугать, когда мы остались с ним одни — мол, скольких я зарезал, сколько перерезал, меня все менты окрестные с собаками ищут и найти не могут. Долго, правда, поболтать у нас не получилось — он кинулся с ножом, пришлось успокаивать. Но про ростовские убийства я слышал, у нас учатся несколько ребят оттуда, они рассказывали. Так что, наверное, он говорил правду. Я думал, в милиции всех задержанных пробивают на причастность к нераскрытым делам... а они вон как...

Эти разговоры в моей жизни случились чуть позже, когда началась перестройка и на страницы газет и журналов вывалилось некоторое количество советского дерьма, которое власти много лет тщательно заметали под ковер. Но ребята из Ростовской области у нас действительно учились, и теоретически они могли что-то слышать про дела Чикатило и поделиться своими знаниями с кем-то из сокурсников.

— Должны проверять, — жестко сказал Валентин. — Но почему-то в этом случае не доработали.

— Да, неудобно получилось, — согласился я.

— Егор, а почему ты не хочешь скрыться, пока его не поймают? — напомнил о своем предложении Михаил Сергеевич.

— Да тут просто. Думаю, он начнет с квартиры Аллы, я-то в общежитии прописан, должен же он понимать, что там толпы студентов шляются. А у Аллы... если мы съедем, то бабушка-то останется.

— Ей тоже можно предложить пожить в другом месте, — сказал Валентин. — У нас есть фонды.

— И сколько жить непонятно где? Он приедет, увидит, что никого нет, затаится, мы вернемся — а он появится, как чертик из коробки. Нет уж... я буду ждать его там. Только женщин можно спрятать...

— Я тоже останусь! — воскликнула Алла.

— Ал, это очень серьезно, — я тронул её за плечо. — Второй раз я могу не успеть.

— Всё равно! — упрямо сказала она. — Я не брошу тебя.

Нас прервал легкий смешок, который совсем не подходил к ситуации. Мы оглянулись. На нас с чувством легкого довольства смотрел Михаил Сергеевич.

— Я ещё в первую нашу встречу почувствовал, что между вами всё сложится, а вы меня переубеждали, — сказал он. — Нужно больше доверять суждению старших. Это и нынешней ситуации касается, — добавил он чуть жестче. — Вам лучше съехать и довериться профессионалам, а не геройствовать самим. Ты, Егор, уже на три жизни нагеройствовал, не пора ли остановиться?

— Я с ним справился один раз, справлюсь и во второй, — уверенно сказал я, хотя меня била крупная дрожь. — Не такой он и страшный, его метод срабатывает только с теми, кто сам боится. Вот это он умеет хорошо — запугивать женщин и детей.

Я покосился на Аллу, надеясь, что она не приняла мои слова на свой счет, но вроде бы пронесло.

— Тем не менее... вряд ли тебе стоит влезать в оперативные мероприятия правоохранительных органов, — сказал Валентин. — Ты не являешься штатным сотрудником.

— Возьмите внештатным, — я пожал плечами. — Меня тут наш институтский комсомол в активисты тянет, почему бы до кучи ещё и милиции не помочь? Раз уж он на нас нацелился...

— Не только милиции, госбезопасность тоже подключится, — перебил меня старик. — Ведь так, Валюша?

— Придется, Михал Сергеич, куда деваться, — тот недовольно поморщился. — Только у нас с оформлением сложнее. Проверки всякие, анкеты, характеристики...

Тут я вспомнил про то, зачем я вообще связался с комсомольцами.

— Михаил Сергеевич, простите, если вопрос немного наглый, но вы не просили никого меня проверить по комсомольской линии? А то на неделе в наш комитет приходил товарищ из райкома, интересовался мной...

— Нет, ничего подобного... а что за товарищ и что за интерес? — напрягся старик.

— Наш комсорг сказал, что его Вадик зовут, и они знакомы. Вроде инструктор. Но почему этот Вадик решил что-то обо мне узнать — не знаю.

— Валя, это не могут быть ваши?

— Наши? Нет, вряд ли... да и через комитет комсомола заходить — что за глупость? У

нас таких ресурсов нет. Тебе это чем-то грозит? — спросил он у меня.

— Сомневаюсь... — я покачал головой. — Хотя я уже подписался на доклад по текущей международной политике... Небольшой, часика на полтора.

Я улыбнулся, но шутка пропала даром.

— Серьезная задача, — сказал старик. — Надеюсь, ты сможешь нормально его подготовить.

— Да смогу, ничего сложного. Вот пока буду ждать Чикатило — и наваяю.

— То есть ты уже всё решил? — уточнил Валентин.

Можно подумать, у меня был другой выход. Михаил Сергеевич с Валентином, а также все менты и чекисты Советского Союза могли относиться к гражданину Чикатило очень серьезно, но в этом времени его черную душу до конца понимал только я. Для всех остальных он был одним из многих преступников, которым требовалось внимание правоохранительных органов. Я же точно знал, что он очень целеустремлен и опасен. И я его очень боялся — хоть и храбрился во время обсуждения деталей.

Валентин пообещал выделить нескольких оперативников для круглосуточного прикрытия — они будут дежурить посменно недалеко от нашего дома и отслеживать подозрительных личностей. Правда, надолго такая щедрость не распространялась — неделя максимум, потом это прикрытие вернется к наблюдению за шпионами и диссидентами, которых ведомство Валентина любило больше собственных граждан. Ещё к нам собирались поставить тревожную кнопку, но только в случае наличия технической возможности — я это понял так, что никакой кнопки не будет.

А вот пистолет мне не дали. Впрочем, на подобную щедрость я и не надеялся и собирался обойтись собственными силами, пусть даже добраться до Стасика, утащившего единственный заряженный экземпляр пугача, было непросто. Но были и другие варианты организации самозащиты. [1]

До дома нас снова вёз я — всё на той же заряженной «Волге». Валентин пообещал е понедельник заехать с новостями и подмогой, взял с нас обещание никуда не выходить до его возвращения — и отбыл. Водил он, кстати, очень уверенно — и стартовал, оставив на асфальте две черные полосы сожженной резины. Я не позволял себе так небрежно обращаться с государственным имуществом, но списал его лихачество на водку

— Ты точно хочешь остаться со мной? Может, скажем, что ты передумала? Возьмешь бабушку, поживете немного на конспиративной квартире... а я...

Алла резко остановилась, и я был вынужден последовать её примеру — она крепко держала меня за руку, словно боялась, что я куда-нибудь исчезну.

— А ты в это время будешь рисковать жизнью? Да я с ума сойду!

— Не успеешь, — но моя шутка снова не сработала. — Это опасно же, я о вас забочусь.

— Я сказала — нет! И бабушка никуда из своей квартиры не уйдет, это я тебе точно говорю. Она у меня боевая!

В этом я как раз не сомневался. Елизавета Петровна скорее выпросит у своих знакомых трехлинейку с примкнутым штыком и в одиночку прикончит этого Чикатилу, как только увидит.

Впрочем, вряд ли всё будет настолько просто.

— Что ж... тогда нам нужно много удачи, котёнок...

— Не называй меня так!

— Хорошо, — я улыбнулся, но мышцы с трудом произвели нужные сокращения. — Котенок.

Алла вдруг тоже улыбнулась и обняла меня. Мы постояли немного, наслаждаясь покоем — и пошли сдаваться бабушке.

— То есть в том городе вас обоих могли убить, и вы уцелели лишь случайно?

Таким голосом добрая бабушка Аллы, наверное, останавливала нарушителей комендантского часа в осажденной немцами Москве и лишала расхитителей социалистической собственности воли к сопротивлению после войны. Одну руку она заложила за спину, и я зримо представил, что где-то там у неё хранится заныканный со времен службы револьвер системы «Наган» образца 1895 года с полным барабаном патронов, которые сейчас полетят в мою башку — за то, что подверг её любимую внучку такой опасности. Это было не совсем так, но разве любящая бабуля будет слушать мои жалкие оправдания?

— Да, — обреченно ответил я. — Вернее, не случайно, там сложно, я же рассказывал, но в целом... Да, нас могли убить.

Повинный лоб револьвер не пробивает.

— Но ты его обезвредил?

— Да.

— Молодец, — похвала вышла так себе, но это была она, а не что-то другое. — А ты, дурёха, зачем пошла за каким-то незнакомцем? — Елизавета Петровна резко развернулась к Алле, которая и так еле сдерживала слёзы.

— Я-я... я... не зна...

Алла всё-таки разревелась и кинулась бабушке на грудь — выплакаться и утешиться. Та не подвела — прижала взрослую уже девушку к себе, как, наверное, делала в детстве, когда маленькая девочка попадала в непростые ситуации.

— Эх, Аленька-Аленька... вечно ты во что-то вляпываешься... ну же, хватит, хватит... случилось и случилось, что же теперь, реветь постоянно? — приговаривала она.

Меня подмывало рассказать про обстоятельства нашего первого знакомства с этой «дурёхой», но я себя сдерживал. В конце концов, Елизавета Петровна была права — не стоит переживать о том, чего удалось избежать. Лучше думать, что делать дальше.

— Кхм... нам посоветовали особо не выходить из дома ближайшую неделю, — осторожно сказал я. — Это и вас касается, Елизавета Петровна... мы не знаем, что ему известно. Может, ничего, а может, всё. Это опасный человек.

Я не стал говорить, что Чикатило был серийным убийцей, на счету которого уже несколько десятков трупов. Валентин просил нас не распространяться пока об этой стороне дела — я так понял, чтобы не плодить слухов о столичных «гастролях» очень опасного преступника. В версии, которую мы изложили бабушке, за нами охотился странный хулиган, который решил отомстить за своё поражение в относительно честной схватке — так себе история, но хорошо вписывающаяся в сказки о разбойниках из популярных сейчас индийских фильмов. Елизавете Петровне и этого хватит для многонедельного обсуждения на лавочках или во время отдыха на даче.

Я был уверен, что бабушка обязательно подключит свою «мафию» к охране прилегающей к дому территории, и считал, что это будет неплохим дополнением к оперативникам от Валентина. Мне, конечно, пришлось описать Чикатило как можно

подробнее, составить целый список его примет, но вряд ли это остановит старушек с боевым прошлым от внимания к любым незнакомцам. Меня развеселила мысль о том, как к дежурной машине чекистов выстроится очередь бдительных гражданок, указывающих пальцем на очередного возможного подозреваемого. Скорее всего, уже после первого дежурства агентов к нам будут посылать только в наказание, но такая практика поможет подчиненным Валентина лучше ловить настоящих шпионов.

— Я понимаю, — Елизавета Петровна поджала губы, словно я посмел сомневаться в существовании Ленина. — Об этом не волнуйся, найдется, кому за продуктами сходить, и телефоны пока ещё работают. Отсидимся. А вот вы как будете учиться?

Вопрос о нашей с Аллой учебе, разумеется, всплывал во время обсуждения у старика, и мы коллективно пришли к выводу, что Чикатило сбежал очень не вовремя. Через неделю начинались зачеты, от которых никто из нас косить не хотел — хотя по просьбе того же Михаила Сергеевича наши деканаты, думаю, спокойно предоставили бы нам отсрочку. Но в итоге мы решили, что наглухо запираяться в квартире не будем, лишь примем определенные меры — например, меня обязали сопровождать Аллу до её института и встречать после занятий. Всё это было не очень удобно — пары у нас регулярно не совпадали, и то я, то она вынуждены будем сидеть внутри институтских корпусов до нужного времени. Но любой компромисс требовал жертв.

К тому же наши старшие сошлись во мнении, что Чикатило начнет свою охоту на нас вечером, а не при дневном свете. Я считал иначе, но свою точку зрения не озвучивал — подобную осведомленность о привычках убийцы не объяснить никакими сокурсниками или коротким разговором с ним. Я всё ещё надеялся выбраться и из этой заварушки с минимальными потерями.

— Итак, подведем итоги, — бабушка достала руку из-за спины, и револьвера в ней не оказалось. — Я сижу дома, а вы бегаєте на занятия и потом сразу домой, никуда не сворачивая?

Мы с Аллой синхронно кивнули.

— Я только завтра отлучусь, но ненадолго, надо в гараже кое-что забрать, — вставил я. — Могу и в магазин завернуть, если что-то срочно надо прикупить.

Недоумение в глазах Елизаветы Петровны я предпочел не заметить.

[1] Не могу сказать, что пишу нечто документальное, но похожий случай в СССР был. В конце 70-х и начале 80-х в Союзе действовал ещё один маньяк — Анатолий Нагиев; на его счету несколько убитых и изнасилованных женщин. По одной из версий, он на протяжении года катался в Москву, чтобы лучше узнать расписание и обстоятельства жизни Аллы Пугачевой — собирался убить певицу за то, что та не проявляет к нему никакого интереса. Вот этот эпизод — с поездками в столицу для мести — и навел меня на мысль.

Глава 18. Моя оборона

Валентин считал, что Чикатило доберется до Москвы только в понедельник, но не признался, на чем основаны его предположения. Чикатило исчез с места жительства вечером в пятницу, известно об этом стало в субботу утром. Если верить его жене, из дома он ушёл поздно — все поезда на Москву уже прошли через Шахты, но на всякий случай составы на столичных вокзалах встречали усиленные патрули.

По моему же мнению, Чикатило хватило ума не соваться на железную дорогу — сбежать с поезда в случае облавы всё-таки сложновато. Скорее всего, он добрался до трассы и поймал попутку, но в эту версию никто из моих собеседников не поверил — и они опять не объяснили, почему это невозможно. Я добрался от Москвы до Шахт за пятнадцать часов с многочисленными остановками, и пусть таких шумихеров в Стране Советов сейчас немного, но даже день-полтора-два в пути означали, что Чикатило стоит ждать максимум к вечеру воскресенья, и обещанная Валентином подмога может просто опоздать. Моё упоминание о самолетах вообще подняли на смех — впрочем, пообещали озадачить коллег из транспортной милиции.

Я точно знал, что события имеют тенденцию развиваться по наихудшему сценарию. И всё равно не смог заставить себя заняться делами насущными до полудня воскресенья.

В воскресенье я вообще встал поздно — даже позже Аллы, которая по выходным очень любила поспать. Но даже проснувшись, вылезать из теплой кровати не спешил, лишь дополз до телевизора и включил, чтобы насладиться целый серией давно и прочно забытых телепередач. Правда, если детский «Будильник» я ещё выдержал, то на очень скучной «Служу Советскому Союзу» сдался и в поисках вдохновения сделал ещё одну вылазку — на этот раз чуть дальше, до книжных полок.

Я поправил слегка криво стоящий томик «Понедельника...», который вернул на полку после переезда. Жасым после прочтения этого произведения сказал, что это неплохо, но сюжет глуповатый; я обиделся и хотел поспорить, но решил не тратить нервы на просвещение провинциального Казаха. Пусть сам решает, что хорошо, а что плохо, не маленький.

На раздумья я потратил минут пять. Мне не хотелось читать фантастику советских авторов или писателей из социалистических стран, которые тут тоже присутствовали. От классики у меня заранее начиналась изжога и клонило в сон. В итоге я выбрал томик, который выглядел так, словно только что был приобретен в книжном магазине — его, кажется, никто даже не открывал, и я захотел исправить несправедливость. Фамилия автора ничего мне не говорила, я повёлся на силуэт худенькой девушки в легком платье на обложке.

Сюжет был не самый сложный, обычная подростковая романтика в современных реалиях. Десятиклассники, которым до выпускных экзаменов осталось совсем чуть-чуть, неумело, но жестоко травили незнакомую девушку, которая по каким-то делам приехала в их город. И только главный герой, познакомившись с этой девушкой поближе, влюбился в неё, поскольку она оказалась весьма продвинутым знатоком литературы. Или потому, что случайно увидел её сиськи и не смог справиться со спермотоксикозом. Или ещё почему, этот момент автор описал очень смутно — видимо, сам не решил, что лучше. [1]

Мне эта повесть что-то напомнила, но я не стал заходить слишком далеко в своих аналогиях. В любом случае Аллу никто не травил. Или травил? Я мысленно плюнул и выбросил дурные мысли из головы.

Книги мне хватило как раз до начала жутких завываний, которые наказывали зрители «Утренней почты». Из исполнителей я уверенно опознал только Валерия Леонтьева и Яака Йоалу, но и тех — лишь по характерным голосам; песни, которые они пели, я не помнил совершенно. Остальные музыканты в выпуске казались смутно знакомыми, но и только — они совершенно пропали из моей памяти, да, видимо, не только из моей. К счастью, продолжалось это издевательство над музыкой всего полчаса.

Я бросил прочитанный томик на кровать и устался на Аллу, которая уже успела позавтракать тем, что приготовила бабушка, и засела за свои задания. Она ожесточенно черкала в тетрадке, изредка заглядывая в толстый учебник по какой-то неправильной литературе, и вид имела грозный и недовольный.

Алла какое-то время стойко выдерживала мой взгляд, но потом сдалась, тряхнула челкой и посмотрела на меня.

— Ну что?

— Любуюсь. Я тебе говорил, что ты красивая?

— Ни разу!

— Ну и правильно, — я сделал театральную паузу, но не слишком длинную, чтобы не расстаться с жизнью столь нелепым образом. — Ты не красивая, ты очень красивая.

Всё же — как мало нужно женщинам для счастья. Да и мужчинам тоже, если разобраться.

— Врёшь.

— Как скажешь, котёнок. Но я не вру. Расскажи лучше, как ты познакомилась с Ирккой.

— Зачем тебе?

— Интересно.

— Ты что-то задумал, — она сморщила лобик.

— Честно, сегодня ничего. Ну кроме подготовки к визиту нашего незваного татарина. Но пока мне интересна твоя жизнь. Я почти ничего не знаю, как ты жила до того, как я тебя нашел на той кухне. Вот и хочу восполнить пробелы. Расскажи, а?

Упрашивать я, в принципе, умел, но редко пользовался этой своей способностью. Ничего сложного там не было — достаточно сделать соответствующие глаза, посмотреть на собеседника снизу вверх и говорить жалобным голосом. Вот и тут — Алла не выдержала и рассказала мне всё, что я хотел знать о её дружбе с этой стервой.

С Ирккой надо было сделать что-то плохое, но я не знал, что конкретно. Именно её мне описал Лёха, как того человека, который сливал Бобу и его присным информацию о новых любовных увлечениях Аллы. Правда, имени информатора Лёха не знал, лично с ним не общался, но слышал от приятелей про какую-то девку, которая всё про Аллу знает.

В принципе, я допускал, что у банды имелись и другие каналы получения нужных сведений, но на меня, например, они вышли достаточно быстро — задержку можно объяснить, например, тем, что мы с неделю тупо отсутствовали — и сразу после посещения общаги и общения с Ирккой. Алла, кажется, безмерно доверяла подруге и рассказывала ей всё до мельчайших деталей, а та ей завидовала, как и должна была завидовать природная провинциалка москвичке хрен знает в каком поколении. Тем более что эта провинциалка

просто одержима столичной пропиской.

Поэтому других кандидатов на вакантную должность стукача у меня не было. Ещё одним свидетельством против Ирки было то, что та подружилась с Аллой чуть ли не сразу после разрыва той с Бобом. Кто был инициатором этого знакомства и последующей дружбы, Алла не помнила — просто разговорились на сейшене, потом встретились ещё разок — и стали лучшими подругами. В юности это происходит быстро — правда, Ирка была малость постарше Аллы и, наверное, поопытней в определенных вопросах. То, что в этой странной дружбе ведущей была именно она, я понял давно. Аллу же роль ведомой вполне устраивала — хотя она регулярно устраивала какие-то взбрыки, на которые Ирка вроде бы реагировала спокойно.

Я немного покатал в мозгу мысль на тему того, что тот случай, который привел пьяную Аллу на нашу кухню, был вовсе не случайным. Например, Ирка таким нехитрым способом — подсунув подруге немного выпивки сверх нормы — пыталась сделать так, чтобы та наконец рассталась со своей девственностью, которой, наверное, тоже завидовала. Я не мог не признать, что план был вполне рабочим — многие старшекурсники могли не сдержаться, обнаружив бесхозную, невменяемую и полуголую девицу на расстоянии вытянутой руки. Но удача была на стороне Аллы — во всяком случае, в этой версии истории. В прошлой моей жизни она умерла, так и не познав мужчину настоящим образом.

И за свои преступления против морали и нравственности Ирка заслуживала самого сурового наказания. Правда, наказание должно было соответствовать преступлению и тоже быть каким-нибудь морально-нравственным. Но с ходу я не мог сообразить, что это может быть — сейчас мои мысли почти целиком были заняты Чикатилой и его внезапным возвращением в мою жизнь. Возможно, с неё хватит и того, что жидкий ручеек импорта, который ей наверняка перепадал с Родиона и компании, иссякнет. Хотя эта стерва обязательно найдет нового спонсора — тут к Ванге не ходи. Впрочем, её новый хахаль уже не будет связан со мной и Аллой, так что и бог бы с ней.

Своё посещение гаража я начал с верхолазных работ — забрался на крышу, на которую закинул самопал, и вернул себе это мощное оружие. Стас делал его на совесть — с хорошей шестимиллиметровой трубкой и ударным механизмом, который позволял не связываться со спичками. Вернее, спички там всё равно использовались — сера с головок шла на своеобразный капсюль, — но в целом у этой модели не было задержки на то время, пока огонь не доберется до основного заряда. Нужно было всего лишь оттянуть затвор и поставить его на стопор. Потом нажать спусковой крючок — и сразу же после этого следовал выстрел.

В гараже на меня с обидой смотрела «Верховина», к которой я так и не прикоснулся. Я подошел к мопеду, проверил наличие топлива — что-то плескалось на дне бака, — и с двух попыток завел двигатель. Он работал ровно, без стуков, легко регулировался рукояткой газа, а сцепление надежно схватывало передачу вращающего момента на заднее колесо.

Конечно, когда я заменю все изломанные части, нужно будет и в движке покопаться, но вроде бы там никаких сложностей не предвиделось. Правда, заедала вторая передача, но тут надо было ковыряться и искать, что не так в коробке. Это была отработанная модель, доведенная почти до совершенства и напрочь убитая штурмовщиной и общим наплевательством советского производителя на права потребителей. В моем будущем нишу таких мокиков почти полностью захватили китайцы, которые были проще, надежнее и дешевле, а прибалты и украинцы с их «Карпатами» остались не у дел.

Правда, я по-прежнему не знал, что с этим мопедом делать. У меня была мысль перетащить его на дачу, совершив туда романтический вояж с Аллой в качестве полезной нагрузки, если эта рухлядь, конечно, выдержит наш вес. Но всё это откладывалось на потом, когда текучка дел позволит выбраться в Сокольники и обзавестись запчастями. И надо бы уточнить у Елизаветы Петровны, на сколько меня пустили в этот бокс — возможно, уже через неделю я окажусь на улице вместе с наполовину разобранный «Верховиной».

В дверь аккуратно постучали.

— Входите, не заперто, — крикнул я и снова накрыл кепкой своё оружие.

В гараж просунулась голова «моржа». Он оглядел полутемное помещение и забрался внутрь целиком.

— Привет, Егор!

— Добрый день, — я не стал показывать радость от его визита, тем более что её и не было.

— Ты сегодня как-то рано, — Николай поискал глазами стул, но садиться на трехное убожество не стал.

Я тоже встал, чтобы не смущать его — и закрыл спиной то, чем занимался на верстаке.

— Выходной, как-никак, — я развел руками. — И после вчерашнего надо развеяться.

— А что, ты ещё и вчера?..

— Нет-нет! — я улыбнулся. — Просто те ребята пожаловались в милицию, вот и пришлось целый день разбираться, кто на кого напал и кто самый виноватый.

— Разобрались?

— Да вроде бы. Ко мне, во всяком случае, претензий у закона нет. А вот к ним могут и появиться, — очень кратко изложил я запутанную ситуацию.

Честно говоря, я и сам не до конца разобрался в оговорках и недомолвках Валентина. Но, кажется, основной добычей во всей этой кутерьме был отец Родиона, который совершил нечто неправильное с точки зрения нашего комитета, занимающегося государственной безопасностью. Но взять его на этой неправильности по каким-то причинам не могли — то ли он хорошо скрывал свою деятельность, то ли что другое было. И тут сыночек этого папы подкинул чекистам подарок, позволив раскрутить товарища за вмешательство в следствие или за преступный сговор — этого я как раз и не понял, да особо и не вникал, больше озабоченный активностью Чикатилы. В любом случае, нужный человек оказался в цепких лапках гбешников, ну а дальше они могли раскручивать и собственные дела, используя его попытку посадить меня в качестве своеобразного капкана.

— Это хорошо, что претензий нет, — кивнул «морж». — Вижу, ты ещё не занимался мопедом?

Он бросил взгляд в сторону останков «Верховины». Я тоже туда посмотрел.

— Да нет, осмотрел и даже завел, но ещё не разбираю, — я поблагодарил богов, что мог хоть в этом не врать, — Но всё и так понятно. Надо до магазина добраться, да на толкучке там потолкаться, сюда, кажется, вилки и колеса не только родные подходят, ещё и от «Риги» можно использовать. Но это надо покумекать.

— В любом деле главное — покумекать, — согласился «морж». Я вот что подумал... А с двигателями ихними ты как, знаком?

— Ну так, настраивать умею, — осторожно ответил я. — Но они тут не самые лучшие стоят, да ещё и сделаны обычно кое-как... у нас же ведь план по валу, а вал по плану, а что там с продукцией происходит, никого не волнует.

— Вот о том и речь, — отчего-то радостно согласился со мной Николай. — Но ведь настроить-то можно?

— Можно, конечно, если руки из нужного места растут и запчасти есть.

— Вот! — он наставительно поднял палец вверх, словно я изрек какую-то важную мудрость. — А у некоторых и руки не из нужного места, и за запчастями бегать некогда. Многие жаловались — и заплатить, мол, готовы, лишь бы кто избавил от забот. Ты как на это смотришь?

Я мысленно вздохнул.

На предложение дорогого «моржа» я смотрел очень плохо, особенно в мае 1984-го. Года через два, после прихода Горбачева и начала эры свободного накопления капитала, частные автосервисы открыть можно легко, но заработать на этом будет достаточно сложно, если не связываться с криминалом и прочими непростыми делами. Надо иметь завязки на заводах, иначе запчасти выйдут золотыми, нужно налаживать логистику, рекламу и прочее, о чем сейчас никто понятия не имеет, а главное — суметь найти рабочих, не слишком испорченных позднебрежневским социализмом с его призывом тащить с работы каждый гвоздь. В общем, мороки много, выхлопа мало, особенно с малой формой вроде мопедов или велосипедов. Гораздо выгоднее выгодней будет сдавать на Запад то, что находится на балансе НИИ, в котором работает Николай, и то, до чего этот институт способен дотянуться на просторах нашей необъятной родины, а в обратном направлении везти, например, компьютеры.

Сейчас же в уголовном кодексе имелась пара статей как раз на тот случай, если кто-то начнет избавлять других граждан от забот вне системы государственного ненавязчивого сервиса. Пока это будут разовые акции, а оплата будет производиться бутылками водки — власти посмотрят на это сквозь пальцы. А вот если начать брать за свой труд и свои знания деньги, можно налететь на довольно суровую по наказанию сто пятьдесят третью статью местного УК, которая и описывала последствия того, что позже станет основой новой экономики свободной России. Сейчас это называлось сложно — незаконная частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество, которое отличалось от банальной спекуляции, но наказывалось не менее строго.

— Посадят, — глухо сказал я. — Пять лет с конфискацией, если размер не слишком крупный. А если крупный, то десять.

— Так кто же узнает-то? Я только своих...

— Кому надо — узнают, — жестко ответил я. — Они всё знают, только до поры до времени не используют свои знания. А тут... идея-то хорошая, услуга востребованная, ещё и очереди стоять будут. Поэтому слух быстро дойдет, ну а там... Нет, я на такое не готов. Но я слышал, что через год-два статью за это того... уберут. Вот тогда ваша идея может и сработать. Ну а я в меру сил могу и помочь — да и с учебой тогда попроще будет.

— Эх... кто знает, что через два года будет-то? Ладно, я понял... что ж, пойду.

— Подождите, — окликнул я его, и он обернулся. — Скажите, а у вас нет контактов с вычислительным центром Академии наук? Они, кажется, какие-то геологические расчеты выполняют, может, и по вашей тематике работают?

— Академия наук? Кое-что мы с ними делали, да. А в чем дело?

— Там работает Алексей Пажитнов, он программист, хотел с ним связаться по его профилю...

— Пажитнов... — он задумал. — Нет, не слышал. Но я спрошу у своих, вдруг кто знает.

Я не знал, почему спросил Николая о создателе «Тетриса». Просто за последнюю пару недель я придумал столько способов разбогатеть, что мог обеспечить себя до конца жизни и внукам оставить — но ни один из этих способов пока не мог сработать на полную катушку. А если Горбачев куда-нибудь денется из этой версии истории, то все мои придумки обернутся грандиозным пшиком.

Я попрощался с Николаем и вернулся к снаряжению пистолета. Ещё мне надо было добыть немного магния и сделать хотя бы одну световуху, которые у меня неплохо получалось применять — в отличие от самопалов, из которых я последний раз стрелял лет сорок пять назад.

Когда я вернулся, Алла встречала меня в дверях, едва не подпрыгивая от нетерпения. Сначала я обрадовался, что она волновалась и переживала за меня, но с первых же её слов стало понятно, что дело не во мне и даже не в грозящей нам опасности, а во всё том же Димочке Врубеле, которого я временами тихо ненавидел. Впрочем, я был ему в какой-то мере благодарен за помощь с приятелями Боба — правда, с ними всё закончилось странно, но я надеялся, что больше они меня не побеспокоят как минимум до возвращения главного ревнивца из армии.

— Ал, какой концерт, ты помнишь, о чем вчера говорили?

Концерт был самый обычный — того самого «Браво», на который мы так неосмотрительно подписались во время обеда в «Лире». Сейшен назначили на сегодняшний вечер, в какой-то заднице мира — в Бескудниково, у Алтуфьевского шоссе, и я чуть ли не впервые в новой жизни столкнулся с тем, что не знаю дороги до места назначения. Почему-то это нервировало меня больше всего — я путался в старых и новых реалиях и не мог сразу понять, что и где происходит.

Бескудниково будущего и советское Бескудниково — это два очень разных Бескудникова. На машине я добрался бы туда очень легко — и добирался даже в десятые годы двадцать первого века, когда там велась стройка века по созданию скоростных диаметров, которые на поверку оказались не очень скоростными. К тому же в будущем этот район уже мог похвастаться собственным метро, что наверняка очень радовало тамошних обитателей.

Но собственного автомобиля я пока не имел, метро в этот медвежий угол ещё не протащили, и туда предлагалось ехать на электричке с Савеловского вокзала. Станции метро у этого вокзала, кстати, тоже ещё не выкопали — и добираться туда нужно было на троллейбусах от Новослободской. В общем, меня поход на этот концерт совсем не прельщал.

[2]

— Я всё помню, — Алла положила обе руки мне на плечи и преданно заглянула в глаза. — Не будь букой, тот Валентин же говорил, что опасно будет только завтра, и ты сам сейчас спокойно выходил...

Я выходил не спокойно, а оглядываясь по сторонам, но в чем-то Алла была права. Немного веселья перед недельным домашним арестом нам бы не помешало. К тому же я уже был готов к новой встрече с Чикатило настолько, насколько это было возможно в моих условиях, и только бы изводил себя, сидя в четырех стенах.

И, разумеется, я понимал, что настойчивость Аллы связана с тем, что она уже пообещала Врубелю встретиться на Пушкинской площади, под памятником знаменитому поэту — и не хотела отменять свою договоренность. И я решил.

— Что ж, давай развлечемся, — я чмокнул её в лобик. — Только тебе придется снова показывать мне дорогу. Если я буду провожатым, мы непременно заблудимся и пропадем.

И не сможем услышать и увидеть, что из себя представляет молодая Агузарова.

[1] Такая книга действительно существует, я её даже читал, но совершенно не помню автора, название и дату выхода, но это точно 80-е и как-то связано с Воронежем. Она неведомыми путями оказалась дома у моих родителей, где я с ней и ознакомился через много лет после издания. В общем, спишем это опять на случайно-сознательный анахронизм, если это он.

[2] Концерт проходил в ДК Мосэнерготехпром. Добирались туда через станцию Савеловской железной дороги «Бескудниково», от которой нужно было идти с километр до Алтуфьевского шоссе. Станцию метро «Савеловскую» открыли в 1988 году, а до «Алтуфьево» эту линию продлили в 1991-м. Впрочем, этот район так и обошли стороной все линии метро — например, от Алтуфьевского шоссе до «Бибирево» по прямой был тот же километр, только в другую сторону. И да, б-гомерзкие «ветки» — это в Питере, в Москве — линии.

Глава 19. Поющие трусы

Алла уже бывала в нужном ДК имени каких-то энергетиков и дорогу помнила хорошо. Так что на месте мы оказались минут за тридцать до назначенного времени. Опыт сейшенов у меня был очень маленький, и я втайне рассчитывал, что это будет такой же скромный междусобойчик, каким был концерт «Кино» и той японской группы в МИФИ. Но увиденное быстро вернуло меня в советскую реальность.

ДК — это дворец культуры, который обычно принадлежит какому-нибудь заводу и чаще всего используется для организации досуга трудящихся. Там работают всякие кружки и спортивные секции, может водиться некая художественная самодеятельность. У многих известных артистов в творческой биографии имеется строчка про театральный кружок, который вел не прижившийся в больших учреждениях культуры актер или режиссер — так вот, дело обычно происходило в подобных заведениях. Понятное дело, что для представлений и различных собраний — партийных и не очень — в ДК имелся и зал на приличное количество посадочных мест. Именно этот зал и присмотрела группа «Браво» для своего дебюта на московской сцене.

Вместимость зала была довольно большой, и билетов на него было продано много. Поэтому мы чуть не с разбегу оказались в толпе молодежи самого разного пошиба. Тут были и модники этого времени, и очень простецки одетые ребята, и большинство из них уже занимались возлияниями в честь богов алкоголя и рок-н-ролла, совершенно забыв, что «Браво» играли натуральное рокабилли в его советской версии. Пили, насколько я сумел заметить, портвейн, причем прямо из горла характерных бутылок. До одноразовой посуды общество — во всяком случае, на этой части планеты — пока не додумалось, а аппаратов с газированной водой и прилагающихся к ним граненых стаканов в окрестностях не наблюдалось.

Зато на подступах к ДК наблюдалось сразу несколько милицейских патрулей, которые посматривали на подобное нарушение административного кодекса с очевидным неодобрением, но в происходящее не вмешивались. Мне почему-то показалось, что не вмешивались они только «пока» — до получения однозначной команды от начальства на пресечение. А в том, что такая команда скоро поступит, я не сомневался — слишком уж активно народ злоупотреблял.

— Спиртное покупать не будем, — решил я. — Как-то тут странно, лучше уж трезвыми быть, если что случится.

— Ага, мне тоже не нравится, — Алла смотрела на наших будущих соседей по зрительному залу с опаской. — В прошлый раз тут спокойней было, никто так не напивался.

— Пьют, как в последний раз, — улыбнулся я. — Но я надеюсь, концерт будет нормальным и немного скрасит наш вечер.

— Ты же говорил, что слышал их? — напомнила она.

— Пару песен и на плохом магнитофоне. Они как раз рок-н-ролл играют, который те японцы так и не осилили. Веселый, забавный, и солистка у них хорошая, голос действительно необычный.

Я помнил Агузарову, скорее, в более позднем возрасте, когда она окончательно улетела на Марс, а её узнаваемый голос стал казаться пародией на самого себя. И для меня, наверное, её молодая версия тоже будет своего рода открытием. Во всяком случае, я на это

очень надеялся.

Память иногда играет с нами в очень жестокие игры. В моем будущем к советской культуре полагалось относиться с определенным пиететом — мол, тогда и певцы были голосистые, и режиссеры снимать умели, актеры вообще всем скопом отличались талантом и гениальностью, ну а главное — они творили нечто высокодуховное, сражаясь с цензурой и политикой партии.

В реальности всё было не настолько прекрасно, конечно. Хорошие фильмы, разумеется, были — как раз тот десяток или два, что регулярно показывали по телевизору в будущем, а также «Ирония судьбы», которую зачем-то сделали символом Нового года. Хорошие актеры тоже имелись — но лишь некоторые их роли пережили своё время, а чаще они снимались в таком жутком дерьме, что было непонятно, за какие грехи их подписали на такое издевательство над зрителями. С песнями было то же самое — можно долго восхищаться гармонией композиций Пахмутовой про любовь и весну, нежно любить арию Рикардо из «Собаки на сене», но в душе каждый понимал, что всё это безнадежно устарело буквально сразу после создания.

Это касалось и наших доморощенных рокеров — от кого-то из них остались редкие записи паршивого качества, от кого-то совсем ничего не осталось, а от кого-то — лучше бы ничего не осталось. В этом смысле отечественная музыкальная сцена уступала западной с разгромным счетом — любой популярный и модный исполнитель, например, из Британии шестидесятых имел в своем активе какой-нибудь вневременной хит, который звучал современно и актуально даже спустя десятилетия, словно был записан буквально вчера. Это не говоря уже про таких монстров как The Beatles или Pink Floyd, которых помнили не по отдельным композициям, а по целым альбомам. Такого достижения не было ни у кого из советских артистов эстрады и подполья — даже от Пугачевой остались лишь отдельные песни, в виде альбомов её творчество оказалось никому не нужным бараклом.

А я вообще находился на особом положении, имея возможность сравнивать свои воспоминания и свежие впечатления. И те же «киношники» превратились для меня в простых ребят из Питера, которым просто повезло чуть больше, чем остальным. А «Браво»... эта группа меня конкретно разочаровала.

Концерт, разумеется, начался с солидным опозданием. Я удержал Аллу от того, чтобы лезть в самую толпу, и мы заняли пару кресел на местах для поцелуев — хотя целоваться в этом зале, наполненным матом, сигаретным дымом и угаром от винных паров, хотелось меньше всего. У меня даже слегка разболелась голова, но я не хотел уходить, пока мы не услышим то, зачем сюда тащились довольно сложным маршрутом. Наверное, нам было бы проще, если бы мы взяли пример с большинства зрителей и тоже загрузились спиртным — но я не собирался поддаваться влиянию толпы. К тому же я был занят тем, что гонял нетрезвых зрителей, которые всё время сворачивали в наш ряд с неясными целями. Впрочем, звуки рвоты с противоположной стороны зала мы слышали хорошо — возможно, к нам тоже лезли ради этого.

Агузарову я поначалу не узнал — она ещё не начала экспериментировать со своей внешностью, хотя оделась слегка экстравагантно по нынешним временам. И пусть для меня её ультракороткие шортики были слишком пуританскими — у столпившихся под сценой пьяных зрителей голые ноги певицы вызвали дикий восторг. И голос был почти тем, что я

помнил по более поздним восьмидесятым. Остальные музыканты были одеты как примерные отличники и комсомольцы из фильма «Стиляги», но играли хорошо — во всяком случае, по сравнению с нынешним «Кино».

Шоу ребята делать умели — впрочем, Агузарова всегда отличалась повышенной экспрессией на сцене, а Хавтан с компанией сумели её достойно поддержать. Вот только репертуар конкретно подкачал.

«Браво» спели всего семь песен и начали повторяться — видимо, ничего другого пока отрепетировать не успели. Я узнал лишь некоторые — «Кошки» и «Желтые ботинки» через несколько лет станут хитами, хотя и будут уступать по популярности «Васе», «Чудесной стране» или «Ленинградскому рок-н-роллу». И когда Хавтан второй раз объявил скучноватый «Звездный каталог», я решил, что с меня хватит.

— Алла, пойдём отсюда, — я тронул её за локоть.

— Почему? — недоуменно спросила она. — Вроде ничего не закончилось? Мне нравится.

— Мне тоже, но рок-н-ролл хорош в меру. Пошли, а? Я немного устал.

Устал я не «немного», а вполне прилично, но признаваться в этом не хотел. Алла внимательно посмотрела на меня.

— Ты чего-то не договариваешь...

— Потом договорю, — пообещал я. — Давай сначала выберемся.

Она всё-таки встала, мы протолкались к двустворчатым дверям, приоткрыли их, вышли в большое фойе — и уткнулись в целого сержанта милиции.

— Стоять! — приказал тот.

Мы послушно остановились.

— Вы с мероприятия? — обратился ко мне милиционер.

— Нет, офицер, мы туалет ищем, — ответил я машинально. — Девушке понадобилось по-маленькому, но мы заблудились... не подскажете?

Он не стал поправлять меня насчет «офицера» и даже приосанился. Но воздух носом втянул, проведя своеобразный алкотест, который мы прошли с большим запасом.

— Вон там, — он неохотно ткнул рукой куда-то направо и потерял к нам интерес.

Я подхватил Аллу под руку и потащил её в указанном направлении. Она попыталась что-то сказать, но я приложил палец к губам, и она умолкла на полуслове.

В туалет мы, разумеется, не пошли. В нескольких метрах от заведения я резко повернул и двинулся на выход, который перекрывали два рядовых — но им хватило фразы про то, что девушке стало плохо, и ей нужно на свежий воздух. Видимо, они видели наш разговор с сержантом — и пропустили нас без возражений.

На площади перед ДК у меня сложилось ощущение, что сюда согнали всю милицию Москвы — тут тусовалась, наверное, сотня служивых, очень недовольных, судя по лицам, что их вытащили на этот праздник жизни в выходной день.

— Егор, что это? — шепнула мне Алла.

— Похоже на облаву, выглядит, как облава — наверное, она и есть, — так же тихо ответил я. — Пошли, пока нами не заинтересовались.

Я вспомнил этот концерт. Во время ковидного безделья я наткнулся на небольшое интервью Хавтана — он был стар, богат и вальяжен, и рассказывал о старых временах с легкой ностальгией. Но мне показалось, что больше он жалел только о том, что вся его

молодость ушла на какие-то бессмысленные разборки, хотя уже тогда он мог хорошо зарабатывать и сытно кушать. В числе прочих курьезных деталей совкового быта рок-звезд Хавтан вспомнил про выступление, которое очень неприятно прервали менты — выключили звук, перекрыли все выходы из зала и, как выразился музыкант, свинтили абсолютно всех, и причастных, и не причастных. Тогда я ему поверил, но теперь — засомневался. Автобусы у того ДК стояли, но было их явно недостаточно, чтобы увезти всех зрителей. Впрочем, никто не мешал милиционерам сделать по два, а то и по три рейса.

Мы с Аллой на это развлечение не остались и, скорее всего, правильно сделали. Правда Хавтан упоминал, что почти всех отпустили без последствий — если не считать за таковые проведенную в отделении милиции ночь. И я был уверен, что менты как-то фильтровали зрителей — например, по степени опьянения, ведь распитие спиртного в общественных местах категорически не приветствовалось во все времена.

Но злключения тех, кто пришел на тот концерт, кажется, волновали Хавтана меньше всего — или это волнение за прошедшие годы хорошенько поистрепалось. В интервью он пожаловался, что вот их-то, участников «Браво», загребли абсолютно незаслуженно — мол, они всего лишь пели песни, о деньгах не думали совершенно, были бедные и несчастные, но злые милиционеры обидели будущих светил российской сцены, а Жанночку даже наказали за подделку паспорта, как будто это что-то плохое. В общем, гнал обычную пургу про преследование музыкантов при советской власти.

Я-нынешний точно знал, что билеты на это действие бесплатно никто не раздавал — Врубель слупил с нас два червонца за пару открыток, и эти открытки очень настойчиво отбирали при входе в зал какие-то личности, связываться с которыми не рисковали даже сильно нетрезвые зрители. Кстати, те личности куда-то испарились к нашему уходу — во всяком случае, в дверях я никого из них не заметил. Впрочем, не исключено, что Хавтан, который сейчас был лишь немногим старше нас с Аллой, действительно был не при делах, которые проворачивали совсем другие люди.

Но в целом я находил, что концерт почти удался — если не учитывать неудобного месторасположения площадки, слишком большого количества пьяных в зале и крайне скудного репертуара группы. Алле тоже понравилось, она даже пожаловалась мне, что никогда не сможет петь так, как эта солистка — в детстве её водили на хор, но голос поставить так и не сумели. Я же вообще претендовать на музыкальную карьеру не собирался, прекрасно осознавая свои возможности. Впрочем, когда-нибудь можно будет взять пару уроков вокала — просто для себя, чтобы именно петь, а не выдавливать из себя слова.

На станции мы решили не связываться с электричками — я увидел автобус, который шел до Медведково, и уговорил Аллу покататься. Конечно, желтый «ЛиАЗ» не самый романтичный транспорт, но погоды стояли хорошие, из-за воскресенья нам удалось занять удобные сиденья, и мы всю дорогу провели, обнявшись.

До дома мы добрались уже затемно, причем в каком-то полусонном и расслабленном состоянии. Поднялись на наш этаж на лифте, неторопливо позвенели ключами, открывая двери.

И только чудо спасло меня и Аллу, когда с верхней площадки лестницы сверкнула вспышка, а в косяк прямо над моей головой ударило что-то очень и очень тяжелое.

В меня нечасто стреляли. Я бы даже сказал — никогда, но, возможно, какие-то случаи я просто-напросто не заметил; говорят, пуля на излете совершенно не слышна, особенно в

толпе и в Москве. Я не служил в армии, меня никто не учил тому, что нужно делать, когда в тебя стреляют. Поэтому я тупо повторил то, что миллионы раз видел в фильмах — пригнулся и бросил тело вперед, одновременно толкая Аллу на пол перед собой. Сзади сверкнула ещё одна вспышка, пуля просвистела выше нас и что-то разбила в комнате Аллы. Я ногой захлопнул дверь — старую, обитую дерматином деревяшку, которая была плохой защитой от пуль, но хотя бы открывалась внутрь.

— Ал, в комнату!! Ползком, — приказал я, подполз к двери и крутанул замок, не вставая с пола.

Меньше всего я ожидал, что у Чикатило будет огнестрел. Он никогда не пользовался таким видом оружия, со своими жертвами расправлялся исключительно кухонным ножом, который, надеюсь, ему не вернули с извинениями, а оставили в комнате вещественных доказательств Шахтинской милиции. Ему и негде было взять пистолет или ружье — я так и не понял, из чего в нас палили. Звук был не очень громкий, но для подъезда его должно было хватить. Я очень надеялся, что кто-то из соседей сейчас набирает ноль-два и сообщает о том, что в нашем доме происходит что-то нехорошее.

Сам я отложил эти глупости на потом. Проследил за Аллой, которая на карачках добралась до своей комнаты и закрыла дверь, потом так же ползком переместился на кухню, где перед уходом оставил свой арсенал — и вместе с ним вернулся в прихожую. Выложил из сумки ломик и световуху, проверил самопал, чертыхнулся, снова добрался до кухни за коробком спичек. И замер, вжавшись в стену у самой двери, прокляв того, кто проектировал этот дом и придумал такую чудесную планировку. А заодно и того, кто впихнул в небольшое пространство прихожей огромный платяной шкаф. Из своей комнаты выглянула Елизавета Петровна, но когда я жестами попросил её ничего не говорить и спрятаться, она молча закрыла дверь.

Вообще мой арсенал выглядел очень скромно и незатейливо по любым меркам. Но чем-то подобным мы со Стасом позавчера отбились от приятелей Боба, и я надеялся, что и для Чикатины моих припасов хватит. Сейчас у меня в наличии имелись световуха, самопал и ещё не испытанный в боях ломик — всё это было хорошим аргументом в любой дворовой разборке. Я лишь сомневался, что схватка с Чикатило будет похожа на дворовую разборку. Пока что у него была просто подавляющая огневая мощь, против которой мои игрушки выглядели нелепо.

Чикатило почему-то долго не подавал никаких признаков жизни. На часы я не смотрел и не знал, сколько минут потратил на подготовку к бою. Но надежды на то, что нападавший сбежит после первой неудачи, оказались тщетными. Дверь квартиры толкнули — не очень сильно, лишь для того, чтобы убедиться, что она заперта — и после раздался третий выстрел, направленный куда-то в район замка. Но Чикатило снова промахнулся — пуля легко прошла через деревяшку и бессильно стукнулась о стену. Ту самую стену, за которой сейчас пряталась Алла. Я похолодел.

Кричать девушке, чтобы она перебралась в отцову — или уже нашу, не знаю — комнату было бы опрометчиво. Оставалось только надеяться, что она сидит не с той стороны, которая оказывалась прямо напротив входной двери, а с другой, ближе к безопасным книжным полкам. Но проверить это я не мог. Раздался ещё один выстрел — пуля взвизгнула, угодив в замок, но и только. И противник сразу же выстрелил ещё раз — снова в замок.

Я стянул с полки над собой телефон и дрожащими пальцами набрал номер милиции. В трубке послышались только короткие гудки. Я нажал отбой и снова набрал две цифры.

Снова занято. Отодвинул бесполезный телефон в сторону и попытался унять волнение.

С третьего выстрела замок вылетел, и дверь начала понемногу открываться — прямо на меня. Я судорожно вспоминал, сколько патронов в разных типах пистолетов — мне почему-то подумалось, что у Чикатило именно пистолет, возможно, отобранный у постового милиционера «ПМ» — другого способа заполучить оружие у него не было. Но вообще в этом случае он оказался очень шустрым товарищем — и в Москву успел добраться, и мента завалил. Так семь или восемь? Восемь или семь? И есть ли у него запасная обойма?

«Блин!»

Я понял, что думаю не о том — и чиркнул спичкой световухи по спичечному коробку.

«Двадцать два, двадцать три, двадцать... — почти без замаха я отправил бомбочку за дверь и тут же, уперевшись в стену, стукнул по деревяшке двумя ногами. — ...четыре...

Закрывать дверь мне не удалось, но противник явно не ожидал такого, чертыхнулся — и в этот момент световуха взорвалась. Всё было как в тот раз, после разборок с Лёхой — слабый хлопок и яркая вспышка. Следом я услышал мат, резкий стук, который не смог идентифицировать — и грузное тело буквально ввалилось в нашу квартиру, едва не придавив меня к стене вновь распахнувшейся дверью.

За дверью стоял очень грозно выглядевший мужчина с доской — хорошей такой доской, толстенькой и покрытой морилкой. Он держал её двумя руками, смотрел на упавшего и, похоже, был готов нанести ещё один удар.

— Здравствуйте, — сказал я.

Мужчина посмотрел на меня, коротко кивнул — и снова бросил взгляд на свою жертву.

— Пистоль свой убери, — попросил он.

Я с большим усилием заставил себя опустить руку с самопалом.

— Кто это? — спросил мужчина.

— Понятия не имею, — честно признался я.

Со спины нападавший совсем не был похож на Чикатило. Он был одет в модные по московским меркам шмотки, только вот голова у него была вся в бинтах. Впрочем, от шахтинского маньяка всего можно было ожидать, поэтому я на всякий случай ногой отфутболил его стильный, с вороненым угловатым затвором пистолетик в сторону кухни. Поднимать оружие и оставлять на нем свои отпечатки я не собирался.

Когда я перевернул тело, то увидел наполовину замотанное бинтами и заклеенное пластырем, но узнаваемое лицо Родиона.

— Это дебил, — сказал я мужчине. — Зовут Родион, у меня с его компанией тёрки были из-за Аллы... это...

— Алку знаю, — перебил мужчина. — Чай, на моих глазах выросла. Я вон в той квартире живу, — он указал себе за спину. — Мы с тетя Лизой на одном заводе работали.

Ну да, ему наша бабушка по возрасту как раз в матери годится. И хорошо, что он такой отзывчивый оказался. В моём времени народ схватил бы детей и лежал бы тихо на полу в дальней комнате.

— Очень приятно, я Егор, живу тут теперь.

— Алексеем меня зови, — он сделал жест, словно собирался протянуть мне руку, но оборвал его в самом начале. — Я милицию вызвал, сейчас приедут.

— А сами зачем полезли? Всё-таки пистолет... против него с палкой выходить так себе развлечение.

— Ну а как иначе? Соседи в беде, надо помочь, — Алексей пожал плечами. — да и не слышал он ничего, сам, наверное, оглох от своей пальбы... только твоя граната зря была, мне ещё повезло, что я пониже его и позади стоял. А ему, наверное, теперь долго не проморгаться.

— Ничего, — я улыбнулся. — Он разок уже проморгался. Мы с ними в пятницу в войнушку играли, но, кажется, ему добавки захотелось. Вот только пистолет... это было неожиданно... Алексей, а можете посмотреть за ним? Ну, чтобы не попытался глупость какую сотворить. А я пойду женщин проверю...

Вмешательство Алексея превратило последующие разборки с милиционерами в нечто легкое и необременительное. Если бы я всё-таки применил свой самопал, всё могло быть иначе — в России, насколько я помнил, поговорка про дом и крепость никогда не пользовалась популярностью, зато имелась статья о превышении мер необходимой обороны, по которой народ закрывали регулярно. Ну а что могли сотворить с Родионом пять приличных картечин, которые я туда загрузил от избытка чувств после известий о побеге Чикатилы — бог весть. Скорее всего, изуродованным лицом он бы не отделался.

А так я заглянул к Алле и Елизавете Петровне, которые совершенно не пострадали, сообщил им, что мы победили — и поспешил в ванную, где мощной струей воды вымыл из пугача заряд, а картечины спустил в унитаз. Но я зря волновался. Мой арсенал не заинтересовал ни приехавший первым патруль, ни появившуюся за ним следственную группу — они больше внимания уделили Родиону, от которого, впрочем, ничего толкового добиться не смогли. Его погрузили в «скорую» и увезли под охраной, а нас всех опросили и оставили разгребать последствия вторжения.

В фильмах и книгах о судьбе выбитых в процессе бандитских разборок дверей и окон никогда не говорят, и правильно делают. Это не слишком интересное занятие, особенно в советскую эпоху и особенно — вечером в воскресенье. В своем страшном будущем я бы просто позвонил по найденному в интернете телефону — и в тот же вечер мне всё починили бы в первом приближении, а через день или два у меня в квартире имелась бы новая и блестящая стальная дверь. Здесь всё было не так просто — и если бы не бабушкин знакомый, который согласился всё сделать за пару бутылок водки, я бы вообще не знал, куда бежать и кого просить. Этот знакомый, правда, обещал всё закончить только через неделю — зато в качестве жеста доброй воли и несмотря на позднее время привел остатки старой двери в относительный порядок и установил новый замок из своих запасов. От честных людей такой защиты хватало, а на жуликов советские запоры никогда не были рассчитаны.

Валентин позвонил утром, когда не было и девяти, и попросил о встрече, причём был согласен приехать — если, конечно, мы ему позволим. Мы позволили, и он обещал быть через полчаса, что дало нам с Аллой формальное обоснование нашего общего нежелания посещать сегодня лекции. Нам надо было хоть как-то прийти в себя, да и проблема Чикатилы всё ещё висела над нами, хотя я, например, уже не считал её проблемой — ну что нам сделает какой-то сраный маньяк после вчерашней пальбы? Ножичком свои помашет? Да пошел он в жопу, этот маньяк, не до него сейчас. Бравада моя, конечно, не имела ничего общего с реальным положением дел — опасаться всё равно стоило. Тем более что я лишился всего своего арсенала; тот же пугач, который милиция даже не заметила, надо было заново снаряжать — а для этого опять идти в гараж, где оставалось немного смеси и был запас картечин. Но оказалось, что ничего этого делать не нужно.

Валентин появился ровно в назначенное время, он был в приподнятом настроении и следы свежего ремонта на двери осмотрел с легким интересом, но ничего не спросил. Зато на предложение выпить чай согласился без раздумий и легко занял самый удобный стул за кухонным столом.

— Смотри! — Валентин вытащил из внутреннего кармана своей куртки небольшой листок желтоватой бумаги и протянул мне.

Я прочитал и положил его на стол, чтобы было видно и Алле с бабушкой.

Это была телефонограмма, полученная центральным аппаратом КГБ СССР сегодня в восемь утра с какими-то минутами. Некий Лисицкий сообщал, что в городе Шахты Ростовской области задержан гражданин Чикатило Андрей Романович, и что мера пресечения указанному гражданину изменена на содержание под стражей.

Я поднял глаза на Валентина, безмолвно прося объяснений.

— Подробности не знаю, — он развел руками. — Лисицкий — мой друг из ростовского управления, я ему сообщил о своих подозрениях, вот он и держит меня в курсе. У них сегодня оповещалка прошла, что розыск прекращается в связи с задержанием. А что, где — позже станет известно. Но я его попросил держать это дело на контроле, чтобы снова чего-то подобного не случилось, у них есть возможности, вот пусть и используют их на благо общества. Ты точно уверен, что он это тот самый?..

Валентин бросил быстрый взгляд на Елизавету Петровну, а я качнул головой, давая понять, что она не в курсе.

— Уверен, так что пусть проверяют, узнают много интересного. Ну и нам спокойнее будет.

Я повеселел. Гараж пока отменялся, приятели Боба были нейтрализованы, жизнь налаживалась, можно было ждать сессию и думать, кем я хочу стать, когда вырасту, спокойно заниматься ремонтом «Верховины» и прочими простыми и понятными делами. Ещё бы знание будущего на кого-нибудь свалить.

Кандидат на это, в принципе, был рядом, спокойно пил чай, болтал с бабушкой и Аллой — и, кажется, совсем не торопился попадать в историю. И только всплывшая тема покорёженной двери вернула его и меня в реальную жизнь.

— А это вчера к нам один из тех хулиганов зашел, что на Егора в гараже напали — и как начал палить! Но Егор очень грамотно себя повел, а потом ещё и Алексей из девятой

подроспел...

— В смысле палить? — немного растерялся Валентин.

— Из пистолета, — объяснил я. — Это тот Родион был, которому я морду лица поправил. У которого отец...

— Странно, что нам об этой стрельбе ничего не сообщили... — он напрягся. — Вы не пострадали? — я помотал головой. — А с ним что?

— Его «скорая» увезла. Я в него световуху кинул, а сосед доской по голове приголубил.

— У тебя это превращается в традицию, — ухмыльнулся Валентин; было видно, что у него гора с плеч свалилась. — И тебя не взяли в оборот?

— Мы никому не сказали, — спокойно ответил я. — А они и не спрашивали. Вернее, спрашивали, но не о том.

— Любопытненько...

Валентин побарабанил по столешнице.

— Я позвоню? — спросил он у Елизаветы Петровны.

Тон вопроса отказа не предусматривал, как и последующее предложение ко мне прогуляться. А вот Аллу Валентин брать с собой не захотел, чем очень обидел девушку.

Прогулка оказалась не слишком долгой — всего лишь до нашего отделения милиции. Там Валентин оставил меня на лавочке перед входом, а сам скрылся внутри. Я немного посидел, потом перешел на другую сторону улицы, купил в киоске «Союзпечати» свежий номер «Известий» — и вернулся на место. Газеты я теперь покупал регулярно — вдобавок к тому, что выписывала Елизавета Петровна. Мне всё ещё хотелось найти хоть какие-то зацепки, которые помогут мне лучше вспомнить будущее, хотя я почти потерял надежду на это и собирался дальше жить своим умом. Но сегодня ничего интересного не было. Глаз упал только на короткую информашку про то, что северокорейский Ким Чен Ир зачем-то едет в Москву и сделал остановку в Свердловске, но никаких воспоминаний этот визит у меня не пробудил. В конце концов, один коммунист всегда мог посетить других коммунистов с дружеским визитом.

Валентин вышел примерно через час и опустился на скамейку рядом со мной.

— Что-то случилось? — не выдержал я долгого молчания.

— Что? Нет, всё в порядке... хотя, конечно, никто не ожидал, что этот паренек возьмет отцовский наградной пистолет и пойдет мстить тебе. Опять упускаем какие-то мелочи, которые постоянно выходят нам боком...

— Почему упускаете? — немного удивился я. — Такое не предусмотреть. Только непонятно, за что он собрался мне мстить... не за поцарапанное же лицо?

— За отца... — ответил Валентин. — Мы его отца вчера задержали, прямо на квартире, он сейчас в нашей камере сидит.

— На Лубянке?

— Да, где же ещё... и ты это... особо не распространяйся, секретность, сам понимаешь. Я тебе и говорить об этом не должен.

— Понимаю, конечно. Просто любопытно, что привело Родиона в наш подъезд. Но непонятно, как он связал меня и арест отца? Это какую-то извращенную логику надо иметь. Где я, а где — гэбэ?

— Ты не забыл, что взяли его за вмешательство в следственные действия? — напомнил Валентин. — Которые велись в отношении тебя. Так что логика присутствует, но ты прав —

извращенная, не для простых умов. Но я бы эту семейку простыми и не назвал.

— Я разговаривал с матерью этого Родиона, — вдруг признался я. — Не так давно, на той неделе, в выходные. Она мне показалась вполне милой женщиной, во всяком случае, по телефону...

— Мать там вроде действительно нормальный человек... ну или была до всех этих событий. А ты зачем с ней общался?

— Да пытался понять, кто эти перцы... собирался их по одному отловить и навалить, чтобы отвалили и оставили нас с Аллой в покое. Одного отловил, кстати.

— Вот как... это которого? Не Родиона?

— Нет, самого мелкого, Лёха зовут. Он у них типа подручного, для стрёмных дел...

— Стрёмных?

— Неприятных, о которых самим руки марать неохота, — объяснил я.

Правда, я был уверен, что в словарях у этого слово совсем другие значения, но я про них ничего не знал. [1]

— Почему так?

— Клань. Или касты, как в Индии. Они из разных классовых слоев нашего общества.

— Клань... классы... в СССР нет никаких кланов или каст, — как-то слишком сурово сказал Валентин.

— Конечно, нет. Вам же лучше знать, — я сказал это и сразу проклял себя за свой длинный язык.

— Ты прямо на статью за антисоветскую агитацию пытаешься наговорить.

Я пожал плечами и закурил сигарету. Валентин поддержал меня, снова достав своё «мальборо».

— Так что там у них за клань, как ты выразился?

— Да всё просто, — неохотно ответил я. — Трое из этих ребят — дети весьма обеспеченных родителей. Этот тот Боб, с которым Алла шуры-муры крутила, Родион и Михаил. А Лёха из пролетариев, потомственный алкоголик и тунядец. Но как-то попал в их компанию, вот его и используют таким образом.

— Ты не любишь пролетариев? — прищурился Валентин.

— Не всех, — признался я. — Я разных встречал, и у себя на родине, и здесь. Большинство честно работают, пьют лишь по праздникам и в меру, в семье у них достаток и всё хорошо. А отец этого Лёхи... его вроде за пьянку из геологического НИИ поёрли, а это ещё постараться надо, — я выдумывал на ходу, но чувствовал, что прокатит. — Ну и живут так себе, хотя квартиру государство им выделило. В общем, совсем не пара сынку этого чиновника из МВД. Но вот поди ж ты...

Валентин хмыкнул.

— Ладно, шут с тобой, диссидент недоделанный. Только заруби себе на носу, нет никаких кланов в СССР и не было никогда, — он похлопал меня по плечу. — Что касается дел наших скорбных... Этот Родион сядет, и надолго, с этим строго... Додумался, кретин, стрелять в жилом доме. А с остальными проведем беседу... чтобы прониклись серьезностью ситуации. А то ещё кто-то из них возьмет пистолет и пойдет тебе мстить, могут невинные люди пострадать.

А я, получается, не такой и невинный?

— Когда их Боб из армии вернется, снова придется во всё это влезать, — сказал я. — Вот он, наверное, мстить будет по-взрослому. За всё сразу — и за Аллу, и за приятелей

своих. Но ничего, время есть, подготовлюсь.

— Ещё пугачей настругаешь?

— Нет, хватит уже, баловство всё это, — я помотал головой. — Спортом займусь, драться научусь. Возможно, съедем с Аллой отсюда в другой район, а там пусть ищет.

— Хороший план... очень хороший. А о чем ты вообще мечтаешь, Егор? — вдруг спросил Валентин.

Я на несколько секунд задумался, потому что это мог быть шанс получить внеплановый подарок от Деда Мороза — и шанс выставить себя дураком.

— Очень общий вопрос, честно говоря, — ответил я. — Прямо сейчас я мечтаю о том, чтобы добраться до дома и обнять Аллу.

Валентин улыбнулся.

— А не прямо сейчас?

— А не прямо сейчас — о мире во всём мире и о победе коммунизма.

Тут уже завис Валентин, но у него, видимо, был хороший опыт.

— Об этом все мечтают, даже если говорят обратное, — сказал он. — Но чтобы воплотить эту мечту в жизнь, надо очень много и плодотворно работать.

— Я понимаю, что с коммунизмом сразу не получится, — мне, конечно, надо было промолчать, но это было выше меня. — Ведь хотели же его построить к восьмидесятому году, но решили, что провести олимпиаду важнее.

Распространенный в будущем анекдот, честно говоря, был сильно за гранью допустимых шуток об идеологии, и вид Валентина говорил о том, что его моё чувство юмора покорило.

— Всё-таки, Егор, ты очень несдержан. Тебя оправдывает твоя молодость, да то, что ты говоришь со мной, а не с кем-то ещё. Над некоторыми вещами шутить надо очень и очень осторожно, предварительно всё обдумав и взвесив. А ты походя говоришь то, за что лет эдак пятьдесят назад могли и десятку дать, да ещё и пять по рогам добавить.

Я был уверен, что Солженицын всё наврал; если бы он писал свой «Архипелаг» про обычных, не политических заключенных, то все они у него сидели бы исключительно за неправильный переход улицы. Впрочем, Валентин был почти свидетелем того беспокойного времени, так что, возможно, свои знания он черпал не только из диссидентских трактатов.

Но и остановиться я не мог. Меня опять понесло.

— Эх... понимаете... Сначала десять лет за тупой анекдот, а потом — за мыслепреступление. Подумал не так, как надо, а тебя хоп — и за решетку. И будут люди ходить с фигами в кармане, заученно повторяя, что война — это мир, а свобода — это рабство.

В интернетных спорах моего времени книга Оруэлла всплывала настолько часто, что в какой-то момент я её всё-таки прочитал, а потом — и перечитал, что было редким для меня случаем. Мне нравился главный герой романа, и мне было безумно его жалко — особенно в конце, когда его ломали палачи безумного Министерства Правды. Но «1984» было вещью в себе. Например, не до конца было понятно, что Оруэлл описывал — то ли сталинский СССР то ли свою родную Англию сороковых. Двоемыслие как идеология присутствовала в любом обществе нашей планеты — и в капиталистическом, и в социалистическом, и в третьем, развивающемся.

А вот Валентин, кажется, эту антиутопию не читал.

— Как ты сказал? Мыслепреступление? Любопытная конструкция. Сам придумал?

Я помотал головой. Присваивать авторство я не хотел.

— Нет... английский писатель-фантаст написал про мир, где есть наказания за преступления, о которых человек только подумал. Например, за невесторженный образ мыслей, но это было уже у наших писателей.

На лавры соотечественников я тоже посягать не собирался. Но как раз их Валентин читал. [2]

— Это помню, хорошая книга, заставляет задуматься. Говоришь, у англичанина что-то похожее получилось? Надо будет ознакомиться... Как называется?

Я не был уверен, что Оруэлла уже переводили на русский — большевики очень осторожно подходили к творчеству идеологических противников, — но всё-таки ответил:

— «1984», у него действие в этом году происходит. Джордж Оруэлл автор, но у нас его не любят, не знаю, почему. [3]

— Антисоветчина какая-нибудь? Если бы этот Оруэлл правильные книги писал, то уже перевели бы, думаю, — насторожился Валентин.

— Он её тридцать пять лет назад написал, посмотрев на то, что происходило в его Англии во время войны и сразу после, — обреченно сказал я. — Но так-то да, можно и антисоветчину подтянуть... Великая книга, она сразу про всё, как обычно и бывает с гениями.

— Хм... ладно. А не такие глобальные мечты у тебя есть?

— Есть, — отпираться было глупо. — Только это не совсем мечты, а, скорее, планы на будущее. Но можно, наверное, и мечтой назвать.

— И что же это? — его взгляд стал по-настоящему заинтересованным.

Поначалу у меня всплыла цитата из «Битлз» про огнестрельное оружие, которое есть счастье. Но в моей ситуации это была бы не хохма, а суровая правда жизни, поэтому я решил быть предельно серьезным. [4]

— Квартира.

— Это понятное желание, — кивнул Валентин. — Только разве ты после института не собираешься вернуться на родину. Или ты в своем городе хочешь квартиру?

— Нет, в Москве, — я помотал головой. — Понимаете, у меня, похоже, скоро свадьба. Но жить с молодой женой у её бабушки, наверное, не стоит, хотя Елизавета Петровна очень хорошая. Снимать дорого, мы не потянем. Вот и получается, что единственный выход — купить свою собственную. Ну а когда получу диплом, будем посмотреть. В конце концов, её всегда можно будет поменять.

— Что ж, разумно. А автомобиль? Ты не мечтаешь о своем автомобиле?

Мне до жути не хотелось отвечать на этот вопрос. Я бы с огромным удовольствием сделал вид, что не услышал его.

— А зачем он мне? — как можно спокойнее сказал я. — Куда я на нем буду ездить с моим образом жизни? В институт? На метро быстрее. В булочную? Не смешно.

— Тоже разумно. Ты выглядишь разумным парнем, Егор, даже слишком. А где ты научился водить машины?

Я мысленно перекрестился. Начинался серьезный разговор.

Сказку про белого бычка — то есть про своего спившего дядьку — можно было даже не заводить, поскольку вопрос Валентина не подразумевал простых ответов. В деревнях

техника с коробкой-автомат отсутствовала как класс. Она и в городах-то была далеко не у всех, причем настолько далеко, что в наличии имелись буквально единичные экземпляры в гаражах различных актеров и высших сановников. А мой дядька точно не были ни Высоцким, ни Брежневым — обычный запойный трудяга, каких по всей стране по тринадцати на дюжину.

Я оказался перед неочевидным выбором. Если я снова что-то сокру, Валентин может и принять мою ложь, но потеряет ко мне всякий интерес, вернуть который будет очень непросто. А именно он — и, конечно, Михаил Сергеевич, уважаемый — был той ниточкой, которая связывала меня с властной верхушкой. Без них я был никем. Скорее всего, у меня даже с Аллой ничего не получилось бы, не предложи старик перегнать его автомобиль в Анапу. Мы с ней ещё пару раз сходили бы на свидания, потом мне нанесли визит вежливости те ребята, которые взяли на себя труд следить за её нравственностью — и я вряд ли стал бы так рьяно отстаивать свои права и свободы. Это после поездки мне некуда было деваться, во всяком случае, без потери лица и собственного я. А до поездки — я бы пожал плечами и отошел в сторону, тем более что и так находился от Аллы на достаточном удалении. То есть и этим я обязан Михаилу Сергеевичу, если разобраться. А своей свободой после — Валентину.

В общем, как бы я ни кидал кости, мне постоянно выпадали две шестерки.

— Я из будущего, — буркнул я.

— Что-что?

— Я. Из. Будущего, — отдельно, по словам произнес я.

— Вот как? Любопытненько. И как тебя сюда занесло? — он явно мне не поверил.

Впрочем, я и сам себе верил с большим трудом.

— С помощью вселенского катаклизма, как же ещё, — ядовито отозвался я. — Я понятия не имею, как люди попадают из будущего в прошлое. В свою защиту могу сказать, что совсем не стремился к этому.

— И как далеко?...

Он не закончил свой вопрос, но и так было понятно, что он имел в виду.

— Сорок с чем-то лет. Это перенос в самого себя, я был старым, стал молодым. Снова. И сейчас живу по второму кругу.

— Ученые говорят, что путешествия во времени невозможны.

— А, ну если ученые говорят... — протянул я. — Тогда конечно, им же тоже лучше знать.

Было заметно, что его моё ёрничанье покорило.

— А доказательства? — поинтересовался Валентин.

— Доказательства чего?

— Того, что ты из будущего, конечно.

— И что вы примете в качестве такого доказательства?

Он пожал плечами.

— То, что точно произойдет в скором времени, и то, что можно проверить. Например, сегодня.

— Вы переоцениваете моё знание прошлого.

— Я так и предполагал. Здесь помню, а здесь не помню... Очень удобная позиция, — Валентин нагло улыбнулся. — Как водить — помнишь, а что и когда происходило — не помнишь. Так?

— Не в этом дело... — я поморщился. — Сколько вам лет?

— Зачем тебе? Хотя ладно, это не тайна — пятьдесят три.

Он оказался постарше, чем я думал, но в данном случае это было не слишком важно. Я быстро высчитал в уме решение несложного уравнения с половиной неизвестного.

— Вы помните, что делали, допустим, 21 мая 1949 года? Всего тридцать пять лет назад, не такой и большой срок.

— Я... — Валентин потер лоб. — Скорее всего, я был в институте, на лекциях...

— На каких?

— На... нет, не помню, — признался он.

— А после занятий вы пошли с друзьями гулять?

— Возможно... к чему эти вопросы?

— Просто показываю вам, как это работает. Никто в будущем не знает, что происходило каждый день и день за днем с определенным жителем планеты. Не существует поминутных графиков, даже для первых лиц государств, — объяснил я. — Человеческая память довольно избирательна, я это на собственной шкуре испытал. Я уверен, что вы хорошо помните начало марта 1953 года — или думаете, что хорошо помните, но какие-то из ваших воспоминаний будут относиться к шестому числу, а какие-то — к девятому, но вы не будете доподлинно знать, что и когда произошло. Это я так, предположительно, без привязки. Есть даже такая поговорка — врёт, как очевидец. К попаданцам это тоже относится.

Валентин ненадолго замолчал.

— Да, ты прав. Я помню те дни, словно они были вчера, но когда пытаюсь восстановить последовательность событий, фокус теряется. А ведь я тогда был в Колонном зале, мы с женой и сыном туда сумели пробиться, сыну два года было. Я помню, кто где стоял, помню... неважно. Но в какой именно день мы проходили мимо того гроба? Седьмого? Восьмого? Убей — не вспомню! — он в сердцах рубанул воздух.

— Вот и я не помню, что было в мае этого года. Скорее всего, я просто ходил на занятия и не влезал в разные истории, которые могли закончиться моей смертью. Газет не читал, телевизора у нас в общежитии не было, за политической обстановкой в мире следил от случая к случаю, — признался я. — Но я точно тогда не жил у Аллы и её бабушки, а про то, что вы или Родион существуете и что мы ходим под одним небом, даже не подозревал.

— Тогда получается, что твоё знание будущего бесполезно? — нахмурился Валентин.

— Получается... — я неопределенно дернул головой. — В каком-то смысле — да. Но кое-что я помню, конечно... похороны Сталина... ну, что-то похожее по воздействию на память... случилось и на моём веку. Но точной хронологии я тоже вспомнить не смогу.

— Ты же понимаешь, что я должен настоятельно пригласить тебя на беседу к нам? — сказал Валентин очень жестким голосом. — Прямо сейчас.

— Я съезжу, если пригласите, — я пожал плечами. — Только там я включу дурака и скажу, что пошутил. А машины... ну вазовские поделки я водить умею, тут отпираться не буду. Но если ещё раз доверите свою догонялку — разобью её о ближайшую стену. Правда, не знаю, практикуете вы сейчас пытки или оставили эту порочную практику в прошлом...

— Заткнись, — зло бросил он и замолчал.

Я решил не усугублять своё положение и тоже заткнулся. Ехать в здание на Лубянку мне не хотелось.

— Почему ты ни к кому не обратился? Хотя бы к тому же Михал Сергеичу? Если ты знаешь что-то важное для страны...

— Кое-что знаю, чего-то не знаю. Говорю же — всё сложно. Я пытался сам разобраться, но в итоге оказался в Шахтах и чуть не погубил хорошую девушку.

— Так ты туда?..

— Да, сознательно ехал, — кивнул я. — Гражданин Чикатило в будущем почти звезда... чтоб ему пусто было. Но не смог... я же говорил, что добрый.

— Добрый он... Так что, поедем или будешь упорствовать?

— А я и не упорствую. Просто подумайте, хотите ли вы делиться мною со своим начальством или же оставите для собственного употребления. Не знаю, какие у вас взаимоотношения с Михаилом Сергеевичем, но он мне понравился. Чувствуется в нем... основательность. Где он хоть работает?

— А ты не знаешь? — мне снова удалось его удивить.

— Откуда? — я пожал плечами. — Он не говорил, я не спрашивал.

— Любопытненько... Он управляющий Управления делами Совета министров СССР.

— Ого... солидная конторка. Теперь он мне ещё больше нравится, — притворно восхитился я. — Его тоже можно посвятить, думаю. Помогу, чем могу. Если у вас с ним, конечно, нормальные взаимоотношения.

Кто-то, конечно, должен управлять делами такого ведомства как общесоюзный совет министров. Но у меня про таких управляющих были и другие воспоминания. Так, я хорошо помнил судьбу парочки управделами ЦК КПСС — сразу после путча 1991 года с собой покончили некие Павлов и Кручина. Широкая общественность узнала эти фамилии лишь постфактум, но в массовом сознании эти трагедия с подачи неких «дирижеров» сразу же оказались связаны с «золотом партии». Я в такие совпадения не верил, но допускал, что возможно всё. Сейчас все эти ребята были либо засекречены, либо просто никому не нужны. Например, мне в моих библиотечных изысканиях Кручина с Павловым — и Смиртюков тоже — не попадались, хотя, возможно, их фамилии можно было найти в каких-то больших простынях безликих лауреатов и кавалеров очередных цацек. Списки юбилейных награждений я пропускал, не разглядывая пристально. Я в очередной раз пожалел, что в этом времени нет интернета и что меня в процессе попадания не снабдили компьютером со скаченной википедией.

Но про Кручину я решил пока ничего не говорить.

— Хорошие у нас взаимоотношения... очень хорошие, — задумчиво произнес он. — Мы с ним когда-то... — хотя это не важно... Для собственного, говоришь? А как же коммунизм и мир во всём мире?

— А что с ними? — удивился я. — Без меня никак? Ещё инопланетян пригласите, они точно помогут.

— Инопланетян? — недоуменно переспросил Валентин. — И они тут тоже?..

— Нет, это анекдот, — отмахнулся я. — Но я не буду его рассказывать, за него вы меня точно лет на пять закроете. Так что, будете забирать? Подумайте хорошенько. В вашем офисе я буду говорить только после пыток. А на свободе и на вопросы буду отвечать, но могу и по собственной инициативе что-то рассказать.

Валентин на несколько минут замолчал. Я его не торопил, пусть сам всё продумает и обоснует то, что я обосновать не в силах.

— Например? — наконец спросил он.

Я понял, что победил. Теперь главное было не сесть в лужу.

— Ну... простите, вы в каком чине служите?

— Какое это имеет значение?

— Просто любопытно.

— Подполковник.

— Маловато для вашего возраста, — я посмотрел на него с любопытством. — По службе или так?..

— Должности подходящей нет, — выдал он стандартный ответ.

В общем, или так. Эта проблема действительно существовала, причем не только в кровавой гэбне, но и в её наследнице, российской федеральной службе, а также в полиции и в армии — в общем, везде, где существовала строгая иерархическая структура со званиями. Подполковник не мог стать полковником, пока не займет соответствующую должность, а если такая должность занята, он будет стоять в очереди на повышение. При увольнении Валентину, конечно, сунут в зубы три больших звездочки, но и только.

— Насколько я в курсе, должность можно и придумать, было бы желание, — не знаю, зачем я это сказал — наверняка для него это было больной темой. — Но у меня есть для вас подарок, и если вы им распорядитесь с умом, то можете сразу и генералом стать, если ваше начальство нормальное.

— Генералом? Ты не слишком много на себя берешь?

— В меру, исключительно то, что могу поднять, — улыбнулся я.

— Хм... и что это за подарок? — осторожно спросил он.

— Царский, разумеется, мне на другие размениваться грешновато, — не удержался я.

Когда я вспомнил про убийство гэбешника на «Выхино», моя память услужливо подкинула историю, которая к тому преступлению относилась боком, но в моём будущем про них обычно вспоминали вместе. В это время КГБ искало ещё одного своего сотрудника, который был сослуживцем того убитого по какому-то секретному управлению, занимающемуся важной спецсвязью. Считалось, что его вместе с женой и детьми тоже убили, но тела спрятали получше — вот и прочесывали оперативники подмосковные леса на предмет страшной находки. Но уже в перестройку выяснилось, что этот пропавшанец оказался банальным перебежчиком — американцы вывезли его с семьей чуть ли не в посылке с дипломатической почтой. Фамилию предателя я точно не помнил, но был уверен, что в ведомстве Валентина в курсе, кого они потеряли.

— У вас несколько лет назад пропал сотрудник... фамилию не спрашивайте, что-то связанное с шеей...

— Шея... шея... Шеймов? — удивился Валентин.

— Наверное, — я пожал плечами. — Сложно запоминать имена людей, про которых ты всего лишь что-то читал разок одним глазом от безделья. Так вот, подарок заключается в том, что он жив, вместе с семьей находится в Америке. Он дал какие-то показания о том, как устроена связь вашего комитета, и американцы этим воспользовались... подробностей не знаю, вроде бы шифровки с закрытого канала перехватывают. Ну, вам лучше знать, что там и как.

Пока я это рассказывал, глаза Валентина становились всё больше и больше, и в конце стали круглыми и схожими по размеру с олимпийским рублем.

— Шеймов? — хрипло переспросил он.

— Говорю же — не помню. Но вот вам ещё бонус, чтобы точно генерала дали. Есть некий Гордиевский и некий генерал Поляков... они вроде ваши сотрудники... не знаю,

работают сейчас или нет... в общем, только фамилии, никаких подробностей. Но они точно завербованы и сливают всё, до чего могут дотянуться. Кажется, их всё-таки взяли ваши, но позже, через год или два.

После того, как я замолчал, Валентин продолжал смотреть на меня несколько минут. Возможно, он ожидал продолжения, но я и так выдавил из себя всё, что помнил — да и то в Гордиевском не был уверен, я его всегда путал с каким-то завербованным американцами сотрудником КГБ шестидесятых с похожей фамилией. [5]

— Хмм, — Валентин откашлялся. — Это всё?

— Да, — я пожал плечами. — Вы же хотели меня проверить. Вот и проверяйте.

Мне было любопытно, чем закончится это странное сотрудничество. Я стал его инициатором, а теперь стоило подождать и выяснить, что решил по моему поводу Валентин — молчание, на мой взгляд, затягивалось.

— Так, — он всё-таки встал. — Пора.

— С Аллой попрощаться дадите? — я посмотрел на него снизу вверх.

— Зачем?.. в смысле — зачем прощаться? — удивился он.

— Ну вы же меня заберете с собой, посадите в камеру и будете выпытывать секреты... или что вы обычно с такими, как я, делаете...

— Таких нам ещё не попадалось. Нет, пока живи тут, со своей девушкой, и мечтай о собственном жилье. А потом посмотрим, — он ухмыльнулся — на мой взгляд, весьма зловеще. — Ну а пока мне нужно проверить кое-что... это не совсем моя тема, но я знаю, кто... ладно, тебе вряд ли интересна вся эта кухня. Поэтому не прощаюсь, но говорю — до свидания.

Он протянул мне руку, я её пожал — но он вдруг сжал мою ладонь так, что не мог её выдернуть.

— Ты не ответил на вопрос про вождение, — сурово и глядя мне прямо в глаза сказал Валентин.

— Ответил, — мне было больно, но я изо всех сдерживался. — Я же до старости дожил, работал, опыт, все дела. Таксист я. Тридцать лет стажа. И по совсем другой Москве, где машин столько же, сколько людей. Так что у вас тут лафа... с этой точки зрения.

Он отпустил мою руку также внезапно, как и схватил.

— Таксистом... что ж, это многое объясняет.

Валентин кивнул своим мыслям, развернулся и пошел к метро. Почему-то сегодня он был без машины. Я смотрел ему вслед, не обращая внимания на начинающийся дождь.

Мы с Аллой сидели на лавочке напротив фонтана с гордым названием «Дружба народов», ели мороженное за пятнадцать копеек и наслаждались искрами, которые щедро разбрасывало по струйкам воды яркое солнце. День сегодня был очень теплый, метеоролог по телевизору говорил о каком-то новом рекорде, дождик, под который я попал после разговора с Валентином, закончился, так толком и не начавшись. Жизнь была прекрасна, хотя я точно знал, что так будет продолжаться недолго.

— Снова хочется на море, — мечтательно протянула Алла. — Мне там понравилось.

— Съездим ещё... какие наши годы? Или у меня на родине покажу тебе классное горное озеро. Вода холодная до ужаса, но чистая — дно видно, с древними развалинами.

— Точно с развалинами? — засомневалась она.

— Ну с камнями огромными, — поправился я. — Но я в детстве считал, что это какой-

то древний город, как Рим или Афины.

— Туда тоже хочу.

— В Рим или в Афины? — уточнил я.

— И туда, — Алла улыбнулась. — И к твоим развалинам.

— И на море?

— И на море...

С морем проблем особых не было. Попросить у Михаила Сергеевича ещё парочку «вездеходов» для покупки билетов без очереди, созвониться с Самвелом, чтобы зарезервировал для нас место у себя или своих знакомых — и через сутки мы уже на месте, плещемся в ласковом Черном море. Правда, не факт, что старик пойдет навстречу ещё раз, но я могу пообещать, что мы не будем останавливаться в Шахтах. С «моим» озером тоже всё было просто — отец выпросит у знакомых или арендует на своем автотранспортном предприятии 469-й «УАЗ» или ГАЗ-69, которые у них ещё имелись в наличии, ну а доехать до места я смогу даже по нашему бездорожью. Правда, к чистой воде и камням на дне прилагались полчища мошкары, но про это Алле пока знать не стоит — пусть думает только о хорошем.

А вот добраться до Рима и Афин сейчас было сложно, особенно бедным студентам.

Правда, бедными мы с Аллой точно не были. После подсчета трофеев, которые я взял после битвы при гараже, мой суммарный капитал лишь немного не дотягивал до двух тысяч. Для СССР этого времени — огромная сумма по любым меркам; с моей точки зрения — сущие копейки, которых не хватит даже на подержанный «Жигуль». Правда, тут ещё и такого понятия не существовало; вторичный рынок машин существовал, но цены на нем мало чем отличались от цен в официальных автомагазинах. Впрочем, без гаража заводить машину сейчас категорически не рекомендовалось — в условиях дефицита всего и вся ушлые ребята могли скрутить всё до последней гайки. А вот найти воришек будет сложно.

Я уточнил у Елизаветы Петровны насчет гаража и выяснил, что можно не спешить с «Верховиной». Этот бокс будет в моем распоряжении до конца лета как минимум; потом собирался вернуться откуда-то сын этого Саныча, и придется выметаться. Саныч, кстати, не особо расстроился, узнав о том, что его собственность оказалась полем битвы — и вроде бы даже гордился тем, что победили наши, то есть я.

Самому мне никуда и ничего не хотелось. Ни в Рим, где я был разок в прежней жизни и не особо восхитился, ни в солнечную Грецию, ни на наше черноморское побережье. Даже домой не хотелось, но надо было показать родителям будущую невесту и поговорить с ними про деньги, махинации с ними и про то, куда выгоднее вкладывать сбережения в это время года.

Ещё меня ждал не очень приятный, наверное, разговор с Ирккой — его лучше проводить наедине и без Аллы, чтобы достичь какого-то компромисса и обеспечить дальнейшее мирное сосуществование с этой девушкой нелегкой судьбы. Бить я её, разумеется, не стану, но вот за стукачество ей ответить всё же придется. Например, поставкой бесплатных презервативов — пристойного качества и в нужном количестве. Я считал это честным обменом.

Ну и, конечно, оставался Валентин. Я был уверен, что он сохранит мою историю в тайне от своих коллег, но поделится ею с Михаилом Сергеевичем, против чего я совершенно не возражал. В любом случае наши отношения с этой парочкой тоже должны перейти к «следующему этапу» — хотя, разумеется, не том смысле, который вкладывала в этот термин

Алла.

— Всё будет, котёнок, — я выбросил пустой стаканчик в урну и обнял девушку за плечи. — Всё будет, я обещаю.

[1] Слово «стрёмный» активно используется с девяностых годов XX века, означает «страшный, некрасивый, неподходящий» в самом широком смысле — стрёмная шапка, стрёмное дело. Но ещё до этого вроде бы использовалось в воровском жаргоне (стоять на стрёме), и не очень понятно, из этого корня вырос глагол «стремиться» и существительное «стремление». В общем, всё сложно.

[2] Братья Стругацкие, «Трудно быть богом».

[3] «1984» выпустили в СССР только в 1989-м.

[4] «Happiness Is A Warm Gun» с «Белого альбома» — https://youtu.be/8rTb_ghUbtg. У нас «warm gun» переводят как «теплое оружие/ружье» в том смысле, что это оружие, которое только что выстрелило. Но я (и Егор вслед за мной) предпочитаю переводить это словосочетание как «огнестрел», чтобы написанная под наркотой песня стала гимном легализации короткоствола.

[5] Виктор Шеймов, Олег Гордиевский, Дмитрий Поляков, если вам интересно; шпион из 60-х — тоже Олег, но Пеньковский.

От автора: закончилась вторая книга, причём несколько неожиданно для меня, но, в принципе, ничего страшного. Сейчас занимаюсь третьим томом, надеюсь скоро завершить его и выложить. Ну а вам традиционно спасибо за лайки, библиотеки, просмотры и награды — было очень приятно получать всё это.

И ещё займу чуть-чуть вашего внимания.

Всё это (и последняя глава) было написано достаточно давно по субъективному времени, но накануне публикации предпоследней главы наткнулся на описание того, как пробивали "Мастера и Маргариту" в 60-х, и там был занятный диалог Симонова и журналиста Абрама Вулиса (который, собственно и добился выхода этой книги). Я не намекаю на то, что написал новый "МиМ", это было бы смешно, просто переключка со сценой, посвященной "1984", показалась мне забавной. В своём тексте я ничего не менял.

Но у Вулиса своя цель! Он наблюдает за [Константином Симоновым] и ждет. Тот разговаривает по телефону, продолжает набрасывать свой список и изучать список Вулиса. Наконец:

«— А что это "Мастер и Маргарита"?

— Это очень сложный роман... — начал мямлить я. — Действие происходит параллельно в двух временах... Библейские главы чередуются с современными... Сатана попадает в Москву тридцатых годов...

— Вы мне проще скажите: это за советскую власть или против?

— Это не о том...»